

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

аналитические исследования

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Учредитель: Казахский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** М.С. Ашимбаев,
Директор Института

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100, Алматы,
проспект Достык 87-6, Казахстанский
институт стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04 Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

**Ответственный
за выпуск:** Илеуова Г.Т.

Корректор: Шестакова Н.И.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство № 644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в научно-издательском доме "Акыл Китабы".
г.Алматы, ул. Валиханова, 5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашимбаев М.С.
Абдыгалиев Б.Б.
Ертысбаев Е.К.
Илеуова Г.Т.
Косиченко А.Г.
Музапарова Л.М.
Нурмухамедов Б.Ж.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.

КАЗАХСТАН - СПЕКТР

№ 2 (2001)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН

<i>Фридман Л.А., Видясова М.Ф.</i> Страны Центральной Азии в современном мире.....	3
<i>Исингарин Н.К., Копбергенова Г.Б.</i> Центрально-Азиатское экономическое сообщество: поворот к животрепещущим проблемам.....	10
<i>Сатиев Х.Х.</i> Внешнеэкономические отношения государств Центральной Азии и КНР: реальность и перспективы.....	16

ГЕОПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Нуралиев Н.С.</i> Проблема ПРО в американско-российских отношениях.....	22
<i>Сыздыков М.З.</i> Современная система международных отношений: попытка аналитического прочтения.....	30
<i>Ибрашев Ж.У., Елсебаева Э.Т.</i> Об идее Соединенных Штатов Европы.....	32
<i>Сыроежкин К.Л.</i> Синьцзян вчера и сегодня. К 45-й годовщине образования Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (<i>окончание</i>).....	35
<i>Лаумулин М.Т.</i> ЕС как новая геополитическая сила: проблемы европейской и международной организации (<i>окончание</i>)	46

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Умбеталиева Т.Б.</i> В поисках социокультурной модели Казахстана.....	56
<i>Абдыгулова Н.</i> Роль идейно-политических платформ в формировании партийной системы Казахстана	63
<i>Шарипбаев К.К.</i> Местное самоуправление в Республике Казахстан: современное состояние и перспективы развития	67
<i>Матаев Г.М.</i> Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане	74

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

<i>Ашимбаев М.С.</i> Мировой опыт политического транзита: сходство и различие моделей	78
<i>Кадыржанов Р.К., Амирова А.А.</i> Протестное поведение в контексте модернизационного отношения центр-периферия.....	87
<i>Досымов А.С., Берниязова М.Ж.</i> Коммуникативные стратегии как объект политического анализа	91

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Шаймерденов Е.Ш., Шаукенова З.К., Ракишева Б.И.</i> Государственный язык в сфере государственного управления (по результатам социологического исследования)	97
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лаумулин М.Т.</i> Рецензия на работу Ш.Гарнетт, А.Пар, К.Ватанабе «Новая Центральная Азия: в поисках стабильности» (54-й доклад трехсторонней комиссии)	101
---	-----

SUMMARY	103
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	107
---------------------------	-----

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #2 (2001)

CONTENT

CENTRAL ASIAN REGION

L. Fridman, M. Vidyasova. Countries of Central Asia in the Modern World	3
M. Isingar, G. Kopbergenova. Central - Asian Economic Community: Turn to Urgent Problems	10
Ch. Satiev. Foreign Economic Relations of the States of Central Asia and China: a Reality and Prospects	16

GEOPOLITICS. INTERNATIONAL RELATIONS

N. Nuraliyev. The NMD Problem in the American-Russian Relationships	22
M. Syzdykov. Contemporary System of International Relations: Analytical View	30
Zh. Ibrashiev, A. Yensebayeva. On the Idea of the United States of Europe	32
K. Syroezhkin. Xinjiang Yesterday and Today. By the 45 Anniversary of the Creation of Xinjiang-Uighur Autonomous Region of the People's Republic of China (the final part of the article)	35
M. Laumulin. European Union as a New Geopolitical Power: the Problems of European and International Security (the final part of the article)	46

INTERNAL POLICY

T. Umbetaliyeva. In the Search of Cultural Model	56
N. Abdylgulova. Role of the ideological and political platforms in forming of the Party Systems in Kazakhstan	63
K. Sharipbaev. The Local Self-Government in Republic of Kazakhstan: the contemporary condition and perspective of the development	67
G. Matayev. The Economic and Social Context of the forming of middle class in Kazakhstan	74

THEORETICAL WORKING

M. Ashimbayev. Regional Experience of Political Transition: Similarity and Distinction of the Models	78
R. Kadyrzhanov, A. Amirova. Protest Behaviour in the Context of Modernized Relations of the Centre - Periphery	87
A. Dosymov, M. Berniyazova. Communicative Strategy as Object of the Political Analysis	91

APPLIED RESEARCH

Ye. Shaimerdenov, Z. Shaukenova, B. Rakisheva. The State Language in the Sphere of State Administration (Results of sociological research)	97
--	----

BOOK-REVIEW

M. Laumulin. Garnett Sh., Rahr A., Watanabe K. The new Central Asia. A Report to the Trilateral Commission: 54 (October)	101
--	-----

SUMMARY

.....	103
-------	-----

CONTRIBUTORS

.....	107
-------	-----

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Фридман Л.А., Видясова М.Ф.

Круг проблем, заявленных в названии, слишком широк и охватывает едва ли не все области экономики, социальных отношений, политики, идеологии и т.д. В рамках настоящей статьи ограничимся рассмотрением гораздо более узкого круга вопросов, имеющих отношение, прежде всего, к оценке экономических параметров развития региона и сложившихся как в советское время, так и за последние десять лет хозяйственных диспропорций между отдельными государствами Центральной Азии. При этом в нашу задачу входит, в частности, уточнение критериев, по которым принято вести измерение национальных экономических потенциалов в международной статистике, а значит, и уточнение тех цифр, которыми зачастую без дополнительной проверки оперируют политологи и «мозговые центры», принимающие решение по важнейшим вопросам региональной безопасности и урегулирования конфликтов.

Появление на карте мира системы новых независимых государств «Евразии» стало одним из результатов распада СССР, что в свою очередь означало глубокий геоэкономический и геополитический сдвиг, значение которого выходит далеко за рамки центральноазиатского региона (ЦАР).

В этих условиях каждое из суверенных государств постсоветской Центральной Азии стремится определить свое место на шахматной доске международных отношений и в геоэкономическом пространстве. При этом выработка реалистического курса во внутренней и внешней политике любой страны требует объективной оценки ее реальных возможностей того или иного государства, в том числе – и, быть может, в первую очередь – количественной характеристики ее экономического и военного потенциала; и с учетом того, что последний, в конечном счете, зависит от состояния и перспектив развития народного хозяйства.

Именно поэтому мы начнем с анализа современного экономического положения ЦАР. В качестве интегрированного показателя, отражающего результаты хозяйствен-

ной деятельности той или иной страны, как известно, используется годовая стоимость валового внутреннего продукта (ВВП) или же валового национального продукта (ВНП). Абсолютная величина этих индикаторов дает представление об «экономических размерах», т.е. экономической мощи и внутреннем потенциале каждой отдельно взятой страны. В то же время показатели в расчете на душу населения позволяют определить относительный уровень хозяйственного развития страны, ее место на шкале мирового экономического прогресса.

В Таблице 1 (см.: на следующей странице) сведены материалы о ВВП стран ЦАР за 1999 – 2000 гг. и государств, составляющих непосредственное окружение Центральной Азии, а также данные по США, поскольку эта (единственная ныне) сверхдержава стремится расширить свое влияние в рассматриваемом регионе. Для обеспечения сопоставимости используемых данных все показатели ВВП пересчитаны в доллары, но эта операция связана с определенными трудностями. Как видно из таблицы, по каждой стране приводятся результаты двух исчислений величины ВВП – по текущим обменным курсам (т.н. «официальным» обменным курсам) и по паритетам покупательной способности (ППС) национальных валют. Даже беглый взгляд на таблицу показывает, что объемы ВВП, рассчитанные на один и тот же год по разным методикам: по обменному курсу или ППС валют – различаются не на проценты и даже не на десятки процентных пунктов, а в несколько раз. Своего максимума в 1999 г. это различие достигло в расчетах по Кыргызстану (7,5 раза), но даже применительно к Узбекистану, где в том же году разрыв величин был наименьшим среди ЦАР, он все же составлял 2,9 раза.

Таким образом, во-первых, можно констатировать, что ВВП каждой из стран ЦАР, рассчитанный в долларах, имеет два резко различающиеся между собой измерения и, во-вторых, что величина этих различий очень сильно изменяется от страны к

Таблица 1. Некоторые базовые характеристики стран Центральной Азии и других государств в 1999–2000 гг.

Страны	Население млн чел. 1999	Территория, тыс. кв. км	ВВП					
			1999 год				2000 год	
			По обменному курсу		По ППС валют		По ППС валют	
			Всего млрд долл.	На душу населения, долл.	Всего млрд долл.	На душу населения, долл.	Всего млрд долл.	На душу населения, долл.
Казахстан	15	2717	18,9	1230	68,0	4408	74,5	4830
Кыргызстан	5	199	1,4	300	10,5	223	11,0	2307
Таджикистан	6	143	1,8	290	6,1	981	6,6	1050
Туркменистан	5	488	3,2	660	14,8	3099	(15,5-16,0)*	(3150-3300)*
Узбекистан	25	447	17,6	720	51,5	2092	53**	2150**
Россия	147	17057	333	2270	929	6339	1003	6850–6910
Китай	1250	9597	980	780	4112	3291		
Иран	63	1633	111	1760	325	5163		
Турция	64	775	186	2900	394	6126		
США	273	9364	8351	30600	8350	30600		

Примечания: * Данные за 2000 г. – наша оценка ** Данные за 2000 г. январь – сентябрь. Составлено и подсчитано по: «World Bank World Development Report 2000/2001», Washington D.C. 2001, pp.274–275; Содружество независимых государств. Межгосударственный статистический комитет. Статистика СНГ. Статистический бюллетень, 2001, № 2 (257). – С. 11.

стране. Понятно, что при таких огромных различиях в оценке величины интегрального показателя экономического потенциала различных стран (всех, кроме США, ибо для этой страны нет необходимости пересчитывать доллары в доллары) неизбежно встает вопрос: какой из этих расчетов правильный, точнее определяет экономическую мощь той или иной страны, а значит, и ее место среди «соседей», да и других государств современного мира. Ответ на этот вопрос тем более важен, что и в научной, и в публицистической литературе широко используются результаты как первого, так и второго измерения, а это почти неизбежно приводит к далеко не одинаковым глобальным экономическим, да и политическим выводам. Именно поэтому полезно указать на некоторые достоинства и недостатки величин ВВП, полученных при расчете по официальным обменным курсам (1) либо по паритетам покупательной способности валют (2).

Первый расчет просто осуществить, коль скоро известен средний обменный курс национальной валюты в каждом данном году. Полученные таким образом цифры необходимо учитывать, например, когда речь идет о выплате процентов и основной

суммы внешнего долга, поскольку при этом Центральному Банку приходится покупать доллары по действующему обменному курсу. Это относится также и к другим операциям, связанным с покупкой долларов внутри данной страны с целью их последующего вывоза за границу. В дальнейшем мы подробнее остановимся на других случаях использования первого расчета ВВП. Однако текущий обменный курс национальной валюты постоянно изменяется под влиянием как длительно действующих, так сказать, объективных факторов, так и в тесной связи с непрерывными колебаниями предложения и спроса на иностранную валюту и которые далеко не всегда отражают реальное состояние внутреннего хозяйства и затрагивают главным образом сферу внешнеэкономических связей. Эти колебания иногда определяются и событиями случайного характера, например, спекулятивной игрой на повышение и понижение, которой могут заниматься банки, да и другие юридические и физические лица.

Именно для того, чтобы устранить недостатки расчетов по официальному валютному курсу, получили все более широкое распространение исчисления ВВП и

ВВП по ППС валют, осуществляемые, начиная с 70-х годов, группой экспертов под эгидой ООН и ее специализированных организаций. В отличие от первого этот второй метод гораздо более сложен, трудоемок и дорог, ибо требует учета реальной покупательной способности национальных валют по всему кругу товаров и услуг, а не только тех, которые связаны с внешнеэкономической деятельностью. Соответствующие расчеты осуществляются с интервалом в несколько лет, и в настоящее время используются результаты последнего раунда, проводившегося в 1996 г. При этом многие опубликованные ранее данные по ВВП стран ЦАР, России, Китая и ряду других государств подверглись существенной корректировке, в ряде случаев меняющей прежние представления о геоэкономическом положении отдельных стран. Именно эти материалы приведены в Табл. 1 на 1999 г., тогда как расчеты по 2000-му г. сделаны нами по данным о темпах роста этих стран в 2000 г.

Перейдем к анализу Таблицы 1. Прежде всего, становится очевидным, что страны ЦАР существенно различаются как по относительным, так и по абсолютным показателям величины ВВП, исчисленной по ППС валют. Так, например, экономическая мощь (ВВП) Казахстана превосходит аналогичный показатель по Таджикистану в 11 раз, а уровень экономического развития этих же стран (ВВП на душу населения) различается в 4,5 раза. Если же применить эти расчеты к оценке общей геоэкономической ситуации в регионе, то окажется, что даже суммарный экономический потенциал ЦАР составляет около 150 млрд долларов, т.е. он более чем вдвое уступает аналогичному показателю по Ирану или Турции, не говоря уже о России, Китае и США.

Сопоставление абсолютных величин ВВП стран ЦАР свидетельствует о том, что Казахстан и Узбекистан, с одной стороны, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан, с другой стороны, образно выражаясь, находятся «в разных весовых категориях». Экономические потенциалы Казахстана и Узбекистана приблизительно сопоставимы, причем по прежним расчетам ВВП на первом месте находился Узбекистан, однако в 1998–1999 гг. новые исчисления ВВП по ППС привели к тому, что подушевой уровень в Узбекистане на 1998 г. был снижен с 2900 до 2044 долларов, а в Казахстане, на-

оборот, повышен с 3400 до 4317 долларов. В результате, в соответствии с новыми расчетами, экономический потенциал Казахстана в 1998–2000 гг. стал превышать аналогичный показатель по Узбекистану в 1,3–1,4 раза. Гораздо более серьезные изменения оказались связаны с переоценкой уровня экономического развития Туркменистана: еще в 1997 г. его подушевой ВВП определялся экспертами Всемирного Банка в 1410 долларов, а в 1999 г. эта цифра была увеличена до 3099 долларов. Конечно, в 1998–1999 гг. ВВП Туркменистана увеличился не менее чем на 20%, но ведь не в 2,2 раза! Этот пример показывает, с какой осторожностью надо относиться даже к расчетам интегральных показателей экономического развития той или иной страны (в том числе и ЦАР), регулярно публикуемым в столь престижных справочниках, как «Отчет о мировом развитии» или «Мировые экономические индикаторы», ежегодно издаваемые Всемирным Банком. В то же время более точные данные, характеризующие сравнительные экономические размеры стран ЦАР в 1999–2000 гг., позволяют, на наш взгляд, более правильно определить их реальные возможности в сложившейся ныне геоэкономической и геополитической ситуации.

Если попытаться уточнить место каждой из стран ЦАР на шкале мирового экономического развития (в расчетах учитывались данные о ВВП 206 стран), то окажется, что Таджикистан находился в 1999 г. на 181-м месте по уровню развития, т.е. подушевому ВВП, исчисляемому по обменному курсу и на 184-м месте по второму расчету (т.е. по ППС валют). Эта величина подушевого ВВП была более или менее сопоставима с аналогичными показателями по Эритрее или Уганде, входившим в группу наименее развитых стран мира. Нередко именно эти цифры и сопоставления приводятся для того, чтобы отнести Таджикистан или любую иную страну ЦАР к соответствующей группе государств мира без учета специфических особенностей развития их человеческого потенциала или «человеческого капитала». Подробнее мы скажем об этом позже, а сейчас достаточно отметить, что в силу исторически сложившихся обстоятельств уровень развития образования, здравоохранения и иных характеристик человеческого потенциала здесь гораздо выше, чем в наименее развитых странах Африки со схожей величиной подушевого ВВП.

Узбекистан (145-е место – по первому и 154-е – по второму расчету) и Кыргызстан (180-е место! – по первому и 149-е место – по второму расчету) по величине подушевого ВВП сопоставимы с такими латиноамериканскими странами, как Боливия или Гондурас, а также с такими африканскими странами, как, например, Лесото. Но и здесь необходимо подчеркнуть более высокий уровень развития человеческого потенциала в Кыргызстане и Узбекистане.

Туркменистан (148-е место – по первому и 134-е – по второму расчету) по уровню подушевого ВВП более или менее сопоставим с такими странами Северной Африки, как Марокко или Египет, а также с Шри Ланкой. Это во многом определяется размерами добычи в Туркменистане газа и нефти, которые в последние годы высоко оцениваются мировым рынком.

Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан входят по классификации Всемирного Банка в группу стран с низкими доходами. В отличие от них Казахстан (125-е место – по первому и 106-е – по второму расчету) так же, как и Россия (98-е место – по первому и 80-е – по второму расчету), включается экспертами Всемирного Банка в группу государств со средними доходами, но относится к ее нижней подгруппе, т.е. к странам с «низкими средними доходами». По уровню подушевого ВВП Казахстан сопоставим с такими государствами, как, например, Перу в Латинской Америке или Македония в Юго-Восточной Европе.

Внимательное изучение Таблицы 1 позволяет лучше понять различия между величинами абсолютных потенциалов и уровней экономического развития отдельных стран, которые становятся особенно значимыми при сопоставлении малых и больших стран. Так, например, Китай по величине подушевого ВВП мало отличается от Туркменистана, но благодаря огромной численности его населения (около 1250 млн человек в 1999 г.) он по своему абсолютному потенциалу лишь вдвое уступает США, отставая от этой страны по уровню экономического развития почти в 10 раз. Это дает возможность Китаю так же как и другим «странам-континентам», подобным Индии, а отчасти России или Бразилии, создавать «критическую массу», необходимую для формирования диверсифицированного промышленного, научно-технического, интеллектуального, информационно-инновационного и, на-

конец, (последнего по месту, но отнюдь не по значению!) военного потенциала, позволяющего им играть (ныне или в перспективе) роль ведущих держав в мировом или региональном измерении. Дело в том, что соотношение сил в геоэкономике и геополитике зависит главным образом именно от абсолютного потенциала той или иной страны, включающего помимо указанных выше компонентов такие важнейшие характеристики, как величина территории и численность населения.

В Таблице 1 приведены данные о ВВП (в целом и на душу населения) лишь по одной развитой стране – США. Однако США резко выделяются и в группе «богатых» стран, так что сравнение с Соединенными Штатами, когда речь идет об уровне развития, не вполне корректно. Поэтому, чтобы правильнее представить себе настоящее и ближайшее будущее стран ЦАР, с точки зрения уровня их экономического развития, целесообразно сопоставить соответствующие показатели о подушевом ВВП между странами ЦАР и одним из «последних» государств, входящих в группу «развитых» (или стран с высокими доходами). Речь идет о Португалии, подушевой ВВП которой составлял в 1999 г. около 15 тыс. долларов, т.е. был вдвое меньше, чем в США. Это сравнение показывает, что достичь соответствующего уровня подушевого дохода даже Россия сможет лишь через 10–15 лет при условии ежегодного роста ее ВВП на 7–8%. Что же касается таких стран ЦАР, как, например, Кыргызстан, Узбекистан и тем более Таджикистан, то для них подобный рост ВВП, т.е. на 7–8% в год означал бы повышение его подушевой величины примерно до уровня современного Казахстана, а Туркменистана – примерно до уровня современной России.

Если теперь обратиться к Казахстану, то подобные исключительно высокие темпы ежегодного экономического роста на протяжении 10–15 лет позволили бы ему достичь нынешнего уровня экономического развития Чили, Словакии или Уругвая. Возникает вопрос, можно ли в принципе ожидать таких темпов экономического роста, не являясь ли все это очередным мифом, не имеющим отношения к реальности? Эксперты МВФ и ВБ отвечают на него в целом положительно, указывая на то, что в странах Восточной Европы и Центральной Азии, т.е. там, где наблюдалось в 90-х гг. осо-

бенное резкое, невиданное в мирные годы, снижение производства, можно при благоприятных условиях в принципе ожидать и достаточно высоких темпов экономического роста. Исторический опыт многих развивающихся стран свидетельствует о том, что если низкий исходный уровень подушевого ВВП соединяется с определенными достижениями в сфере народного образования и здравоохранения (выражающимися, например, в сравнительно низких показателях младенческой смертности и одновременно сравнительно высоких показателях ожидаемой продолжительности жизни), то это может способствовать формированию сравнительно подготовленной к экономическому росту рабочей силы.

Кроме того, в странах ЦАР в условиях структурного кризиса переходного типа значительная часть более или менее модернизированных трудовых ресурсов не используется или недостаточно используется, что находит отражение в форме скрытой (неполная занятость) или открытой безработицы. Одновременно простаивают, недостаточно используются и многие созданные еще в советский период производственные фонды, недостаточно интенсивно используются и земельные ресурсы отдельных стран ЦАР. Все эти негативные факторы при переломе неблагоприятной ситуации и переходе на путь экономического роста могут, по расчетам и оценкам МВФ и Европейского банка реконструкции развития (ЕБРР), в рамках средней и долгосрочной перспективы, т.е. на протяжении 10–25 лет, обеспечить ежегодное повышение подушевого ВВП на 3,5–4,75%, что означает увеличение всего ВВП (по крайней мере, у некоторых стран с высоким приростом населения) на 6–7%. В сущности, реализация такого оптимального сценария свидетельствовала бы о возвращении к парадигме догоняющего развития, но уже в условиях рыночной экономики и все более глубокой интеграции в мировое хозяйство.

Разумеется, развитие догоняющего типа не происходит автоматически. Оно нуждается в постоянной поддержке, т.е. проведении необходимых реформ, создании и развитии рыночных институтов, минимизации внутренних и внешних рисков, препятствующих привлечению национального и иностранного капитала, столь необходимого для долгосрочных инвестиций в реальный сектор экономики. Таким обра-

зом, одной из важнейших, совершенно необходимых предпосылок для устойчивого экономического роста является политическая и экономическая стабильность, обеспечивающая максимально возможную *безопасность* прав собственности и, повторим, прямых иностранных инвестиций, способствующих повышению темпов экономического роста. Достижение этих целей, т.е. политической и экономической безопасности, приобретает особенно важное значение в условиях переходного периода (т.е. переходной экономики, политики, социальной структуры и т.д.), отражающего сущность современной, во многом неустойчивой, ситуации в странах ЦАР.

Другое дело, окажутся ли внутренние и внешние условия благоприятными и сумеют ли ими воспользоваться правительства стран ЦАР, России или Закавказья. Мы затронули эту проблему лишь для того, чтобы показать, каким может оказаться положение стран ЦАР при наиболее благоприятном сценарии их будущего развития.

Однако в 90-х гг. уже прошлого столетия эти страны пережили период глубоких структурных изменений, внутренних и внешних экономических и политических, а иногда и военных шоков (гражданская война в Таджикистане), в результате которых их экономический потенциал, с одной стороны, резко сократился, а с другой – после более или менее длительного периода непрерывного падения, к концу 90-х гг. обнаружил отчетливую тенденцию к экономическому росту, устойчивость которого остается, впрочем, под вопросом.

В Таблице 2 (см.: на следующей странице) приведены материалы о динамике ВВП в 1991–2000 гг. по каждой из стран Центральной Азии. Эти данные, рассчитанные как национальными статистическими службами этих стран, так и экспертами МВФ и ВБ, не являются, разумеется, абсолютно верными и «окончательными». Более того, они, как правило, подвергаются уточнениям, и иногда довольно существенным. Так, например, еще в 1999 г. эксперты МВФ считали, что падение ВВП в Туркменистане достигло в 1997 г. 25,9%, а в следующем году была опубликована новая оценка для того же 1997 г., которая определила масштаб падения лишь в 11,3%. Можно было бы сослаться и на несколько других аналогичных примеров, но в целом приведенные данные правильно отражают

основную тенденцию и общие результаты экономической динамики стран региона.

В Туркменистане экономический кризис, начавшийся в 1992 г., продолжался на

Таблица 2. Динамика ВВП стран Центральной Азии и других стран в 1991–2000 гг.

Страны	Среднего- довой темп роста (сни- жения) в 1990–99 гг.	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Казахстан	-5,9	-5,3	-9,2	-12,6	-8,2	+1,5	+1,7	-1,9	+1,7	+9,6
Кыргызстан	-7,4	-13,9	-15,5	-20,1	-5,4	+7,1	+9,9	+2,3	+3,6	+5,0
Таджикистан	-9,8	-29,0	-11,0	-18,9	-12,5	+1,7	+1,7	+5,3	+3,7	+8,3
Туркменистан	-3,5	-5,3	-10,2	-19,0	-8,2	-4,4	-11,3	+5,0	+16,0	(+5,0+7,0)?
Узбекистан	-2,0	-11,0	-2,3	-4,2	-0,9	+1,6	+2,4	+4,4	+4,4	(+4,0)
Россия	-6,1	-14,0	-9,0	-13,0	-4,0	-3,0	+1,0	-5,0	+3,5	+8,0
Китай	+10,7									
Иран	+3,4									
Турция	+4,1									
США	+3,4									

Составлено и подсчитано по: «Finance and Development», September 2000, p. 42; «World Development Report 2000/2001», pp. 294–295; «СНГ. Статистический бюллетень», 2001, январь, № 2, С. 11, 122.

Заметно, что период падения производства у каждой из центральноазиатских стран имел разную продолжительность. Так, например, в Казахстане он занял 5 лет (1991–1995 гг.), а падение производства по сравнению с его максимальным уровнем, достигнутым в 1990 г., составило 39%. Рост производства здесь возобновился лишь в 1996 г., но в дальнейшем оказался прерванным (во многом под воздействием финансово-экономического кризиса 1998 г. в России), и возобновился с 1999 года. В итоге, по нашей оценке, в 2000 г. ВВП Казахстана достиг примерно 75–76% от максимального уровня 1990 года.

В Кыргызстане падение производства было столь же продолжительным (1991–1995 гг.), а на протяжении последующих 5 лет наблюдается сначала быстрый, а затем более медленный экономический рост. Как результат, в 2000 г. ВВП Кыргызстана достиг, очевидно, 70–73% от максимального уровня 1990 г.

В Таджикистане максимальный уровень производства был достигнут еще в 1988 г. (т.е. за 3 года до распада СССР), падение ВВП продолжалось на протяжении 8 лет и к 1996 г. его величина снизилась примерно в 3 раза! В результате экономического роста, продолжавшегося на протяжении последних 4 лет, в 2000 г. ВВП Таджикистана достиг примерно 37–40% от максимального уровня.

протяжении 6 лет и завершился в 1997 г., когда величина ВВП составила примерно 52% от максимального уровня, достигнутого в 1991 г. Впоследствии в стране начался быстрый экономический рост, в результате которого уже в 1999 г. производство ВВП достигло 63%, а в 2000 г. (полные данные отсутствуют в нашем распоряжении), возможно, и 70% от максимального уровня.

В Узбекистане падение производства продолжалось на протяжении 5 лет (1991–1995 гг.) и оказалось наименьшим среди всех стран ЦАР: в 1995 г. ВВП Узбекистана составлял 82–83% от максимального уровня 1990 г. В 2000 г. в результате экономического роста он достиг, возможно, 95–97% от уровня 1990 г.

Таковы итоги экономической динамики стран ЦАР к концу XX века. Как отмечали многие эксперты, эти официальные данные, как ни странно, могут преувеличивать реальное падение производства товаров и услуг, ибо именно в 90-е гг. во всех странах ЦАР, хотя и в разной степени, значительно расширились масштабы, так сказать, неформальной, неофициальной экономики, результаты функционирования которой далеко не всегда и далеко не полностью находили отражение в материалах официального статистического учета. Но при всех возможных неточностях остается все же фактом, что после распада СССР во всех

новых независимых государствах Центральной Азии так же, впрочем, как и во всех других республиках бывшего СССР по ряду причин наблюдалось резкое снижение производства ВВП. В итоге перед всеми странами ЦАР стоит, прежде всего, задача достижения его прежнего максимального уровня, но уже на новой, преимущественно рыночной основе, при которой производство товаров и услуг ориентируется на реальные потребности внутреннего и внешнего рынка, а не подчиняется идеологическим или иным целям, не соответствующим реальным интересам людей.

Сказанное выше имеет целью помочь читателям правильнее понять реальное положение стран Центральной Азии в современном мире, с точки зрения их действительных экономических возможностей (т.е. экономического потенциала), а также достигнутого ими относительного уровня экономического развития (т.е. их положения среди других стран на шкале мирового экономического прогресса). Конечно, все эти расчеты величины ВВП разными методами могут показаться скорее представляющими академический интерес и не имеющими отношения к проблеме национальной безопасности. Но в действительности это не так, что можно показать, например, с помощью материалов о военных расходах стран ЦАР и ряда других государств.

В Таблице 3 приводятся сведения об удельном весе военных расходов ВВП тех же стран, которые фигурировали в табли-

це 1. К сожалению, эти данные ограничиваются 1997 г. Конечно, присутствующие военные специалисты и эксперты в области стратегических исследований гораздо лучше нас знают материалы о военных расходах за последующие годы. Наша задача в другом – показать, как меняются сопоставительные данные по многим странам, пересчитанные в доллары, в зависимости от того, какой метод пересчета берется за основу – первый (по официальному обменному курсу) или второй (по ППС). Если предположить, что в 1999 г. удельный вес военных расходов в ВВП был таким же, как в 1997 г., то их общая величина в долларах будет представлена двумя столбцами таблицы: в первом – по расчету с использованием обменного курса, а во втором – по ППС. Как видно из этих данных, они существенно различаются от страны к стране, причем в Кыргызстане в 7,5 раз.

Какая же из этих цифр ближе к действительности, т.е. точнее отражает реальные, сопоставимые по странам военные расходы? Это зависит от ряда обстоятельств и, прежде всего, от того, где производится и закупается военная техника, боеприпасы и все остальные товары и услуги, необходимые для вооруженных сил. Так, например, в России производятся вся необходимая стране военная техника и боеприпасы, осуществляются исследования и разработки в интересах вооруженных сил (и все это по внутренним ценам, существенно отличающимся от мировых); так что ближе к дей-

ствительности в данном случае цифра примерно в 50 млрд долларов и именно она сопоставима с аналогичным показателем по США (хотя некоторые виды металлов и... суперкомпьютеров могут поставляться в Россию из-за границы по мировым ценам).

Что касается Китая, отстающего от развитых стран мира, а также России по общему уровню экономи-

Таблица 3. Военные расходы стран Центральной Азии «в долларовом измерении»

Страны	Доля военных расходов в ВВП, 1997 (%)	Военные расходы в 1999 г., млн долл.	
		По официальному обменному курсу	По ППС валют
Казахстан	1,3	246,0	884
Кыргызстан	1,6	22,5	168
Таджикистан	1,7	31,0	104
Туркменистан	4,6	147,0	680
Узбекистан	2,5	440,0	1287
Россия	5,8	19300	53882
Китай	2,2	21560	90464
Иран	3,0	3315	9756
Турция	4,0	7454	15760
США	3,3	275	275

основную тенденцию и общие результаты экономической динамики стран региона.

В Туркменистане экономический кризис, начавшийся в 1992 г., продолжался на

Таблица 2. Динамика ВВП стран Центральной Азии и других стран в 1991–2000 гг.

Страны	Среднего- довой темп роста (сни- жения) в 1990–99 гг.	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Казахстан	-5,9	-5,3	-9,2	-12,6	-8,2	+1,5	+1,7	-1,9	+1,7	+9,6
Кыргызстан	-7,4	-13,9	-15,5	-20,1	-5,4	+7,1	+9,9	+2,3	+3,6	+5,0
Таджикистан	-9,8	-29,0	-11,0	-18,9	-12,5	+1,7	+1,7	+5,3	+3,7	+8,3
Туркменистан	-3,5	-5,3	-10,2	-19,0	-8,2	-4,4	-11,3	+5,0	+16,0	(+5,0+7,0)?
Узбекистан	-2,0	-11,0	-2,3	-4,2	-0,9	+1,6	+2,4	+4,4	+4,4	(+4,0)
Россия	-6,1	-14,0	-9,0	-13,0	-4,0	-3,0	+1,0	-5,0	+3,5	+8,0
Китай	+10,7									
Иран	+3,4									
Турция	+4,1									
США	+3,4									

Составлено и подсчитано по: «Finance and Development», September 2000, p. 42; «World Development Report 2000/2001», pp. 294–295; «СНГ. Статистический бюллетень», 2001, январь, № 2, С. 11, 122.

Заметно, что период падения производства у каждой из центральноазиатских стран имел разную продолжительность. Так, например, в Казахстане он занял 5 лет (1991–1995 гг.), а падение производства по сравнению с его максимальным уровнем, достигнутом в 1990 г., составило 39%. Рост производства здесь возобновился лишь в 1996 г., но в дальнейшем оказался прерванным (во многом под воздействием финансово-экономического кризиса 1998 г. в России), и возобновился с 1999 года. В итоге, по нашей оценке, в 2000 г. ВВП Казахстана достиг примерно 75–76% от максимального уровня 1990 года.

В Кыргызстане падение производства было столь же продолжительным (1991–1995 гг.), а на протяжении последующих 5 лет наблюдается сначала быстрый, а затем более медленный экономический рост. Как результат, в 2000 г. ВВП Кыргызстана достиг, очевидно, 70–73% от максимального уровня 1990 г.

В Таджикистане максимальный уровень производства был достигнут еще в 1988 г. (т.е. за 3 года до распада СССР), падение ВВП продолжалось на протяжении 8 лет и к 1996 г. его величина снизилась примерно в 3 раза! В результате экономического роста, продолжавшегося на протяжении последних 4 лет, в 2000 г. ВВП Таджикистана достиг примерно 37–40% от максимального уровня.

протяжении 6 лет и завершился в 1997 г., когда величина ВВП составила примерно 52% от максимального уровня, достигнутого в 1991 г. Впоследствии в стране начался быстрый экономический рост, в результате которого уже в 1999 г. производство ВВП достигло 63%, а в 2000 г. (полные данные отсутствуют в нашем распоряжении), возможно, и 70% от максимального уровня.

В Узбекистане падение производства продолжалось на протяжении 5 лет (1991–1995 гг.) и оказалось наименьшим среди всех стран ЦАР: в 1995 г. ВВП Узбекистана составлял 82–83% от максимального уровня 1990 г. В 2000 г. в результате экономического роста он достиг, возможно, 95–97% от уровня 1990 г.

Таковы итоги экономической динамики стран ЦАР к концу XX века. Как отмечали многие эксперты, эти официальные данные, как ни странно, могут преувеличивать реальное падение производства товаров и услуг, ибо именно в 90-е гг. во всех странах ЦАР, хотя и в разной степени, значительно расширились масштабы, так сказать, неформальной, неофициальной экономики, результаты функционирования которой далеко не всегда и далеко не полностью находили отражение в материалах официального статистического учета. Но при всех возможных неточностях остается все же фактом, что после распада СССР во всех

новых независимых государствах Центральной Азии так же, впрочем, как и во всех других республиках бывшего СССР по ряду причин наблюдалось резкое снижение производства ВВП. В итоге перед всеми странами ЦАР стоит, прежде всего, задача достижения его прежнего максимального уровня, но уже на новой, преимущественно рыночной основе, при которой производство товаров и услуг ориентируется на реальные потребности внутреннего и внешнего рынка, а не подчиняется идеологическим или иным целям, не соответствующим реальным интересам людей.

Сказанное выше имеет целью помочь читателям правильнее понять реальное положение стран Центральной Азии в современном мире, с точки зрения их действительных экономических возможностей (т.е. экономического потенциала), а также достигнутого ими относительного уровня экономического развития (т.е. их положения среди других стран на шкале мирового экономического прогресса). Конечно, все эти расчеты величины ВВП разными методами могут показаться скорее представляющими академический интерес и не имеющими отношения к проблеме национальной безопасности. Но в действительности это не так, что можно показать, например, с помощью материалов о военных расходах стран ЦАР и ряда других государств.

В Таблице 3 приводятся сведения об удельном весе военных расходов ВВП тех же стран, которые фигурировали в табли-

це 1. К сожалению, эти данные ограничиваются 1997 г. Конечно, присутствующие военные специалисты и эксперты в области стратегических исследований гораздо лучше нас знают материалы о военных расходах за последующие годы. Наша задача в другом – показать, как меняются сопоставительные данные по многим странам, пересчитанные в доллары, в зависимости от того, какой метод пересчета берется за основу – первый (по официальному обменному курсу) или второй (по ППС). Если предположить, что в 1999 г. удельный вес военных расходов в ВВП был таким же, как в 1997 г., то их общая величина в долларах будет представлена двумя столбцами таблицы: в первом – по расчету с использованием обменного курса, а во втором – по ППС. Как видно из этих данных, они существенно различаются от страны к стране, причем в Кыргызстане в 7,5 раз.

Какая же из этих цифр ближе к действительности, т.е. точнее отражает реальные, сопоставимые по странам военные расходы? Это зависит от ряда обстоятельств и, прежде всего, от того, где производится и закупается военная техника, боеприпасы и все остальные товары и услуги, необходимые для вооруженных сил. Так, например, в России производятся вся необходимая стране военная техника и боеприпасы, осуществляются исследования и разработки в интересах вооруженных сил (и все это по внутренним ценам, существенно отличающимся от мировых); так что ближе к дей-

ствительности в данном случае цифра примерно в 50 млрд долларов и именно она сопоставима с аналогичным показателем по США (хотя некоторые виды металлов и... суперкомпьютеров могут поставляться в Россию из-за границы по мировым ценам).

Что касается Китая, отстающего от развитых стран мира, а также России по общему уровню экономи-

Таблица 3. Военные расходы стран Центральной Азии «в долларовом измерении»

Страны	Доля военных расходов в ВВП, 1997 (%)	Военные расходы в 1999 г., млн долл.	
		По официальному обменному курсу	По ППС валют
Казахстан	1,3	246,0	884
Кыргызстан	1,6	22,5	168
Таджикистан	1,7	31,0	104
Туркменистан	4,6	147,0	680
Узбекистан	2,5	440,0	1287
Россия	5,8	19300	53882
Китай	2,2	21560	90464
Иран	3,0	3315	9756
Турция	4,0	7454	15760
США	3,3	275	275

ческого развития, то часть вооружений закупается за границей, в первую очередь именно у России. Эта часть военных расходов, по-видимому, осуществляется по мировым или близким к ним ценам. То же самое можно сказать относительно Ирана или Турции, которые покупают новейшую военную технику для армии, авиации и военно-морского флота «за доллары», а, следовательно, эта часть военных расходов рассчитывается по официальному обменному курсу.

Переходя к положению малых стран, таких, например, как Таджикистан, Кыргызстан или Туркменистан, отметим следующее. Они, как правило, не могут, по понятным причинам, организовать производство всех новейших видов военной техники, запасных частей, боеприпасов и т.п. В лучшем случае они способны обеспечить вооруженные силы продовольствием, обмундированием, помещением, простейшими видами стрелкового оружия и т.д. Современную военную технику эти страны должны закупать по мировым или близким к ним ценам за границей, а для этого необходима твердая валюта, приобретаемая по обменному курсу.

Таким образом, военные расходы, при их межстрановом сопоставлении, будут

ближе к первому или же ко второму расчету в зависимости от того, какая их часть используется для закупки товаров и услуг, произведенных в самой стране (и тогда ближе к действительности цифры второго расчета), либо же закупается на внешних рынках по мировым ценам (и тогда ближе к действительности цифры по первому расчету). Разумеется, в реальной жизни большую роль играют исторически сложившиеся геополитические и иные отношения между странами: например, некоторые государства СНГ могут получать вооружения, боеприпасы и т.д. из России на льготных условиях; точно так же за военные поставки из России Китай в отдельных случаях мог расплачиваться товарами (или к этим расчетам применялись льготные условия), но эти конкретные примеры должны рассматриваться при более тщательном анализе ситуации. В нашу задачу входила лишь постановка проблемы, привлечение внимания к некоторым особенностям сопоставительного анализа в той области, которая затрагивает проблемы безопасности и военного потенциала стран ЦАР.

(продолжение следует)

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: ПОВОРОТ К ЖИВОТРЕПЕЩУЩИМ ПРОБЛЕМАМ

Исингарин Н.К., Копбергеннова Г.Б.

В последнее время растет недовольство общественности деятельностью Центрально-Азиатского экономического сообщества. По оценке многих экспертов и политиков, в Сообществе наблюдается замедление темпов интеграционного процесса и разочарование его итогами.

Узбекский лидер Ислам Каримов, выступая на пресс-конференции после Алматинского в январе 2001 г. саммита, подчеркнул, что ЦАЭС сегодня повторяет ошибки СНГ, где подписано много документов, но мало действий, и документы остаются невостребованными.

Эмомали Рахмонов, Президент Таджикистана, в частности, сетовал на то, что пора навести порядок на транспорте, что-

бы территории соседних государств пересекались беспрепятственно. Здесь наметилась тенденция к ухудшению. Несмотря на декларации и подписанные в рамках ЦАЭС соглашения, государства, имеющие наиболее выгодные территориально-географические положения, установили тяжелые экономические и неэкономические барьеры транзита по своей территории.

Попробуем разобраться, что же происходит в ЦАЭС и насколько глубокий кризис, происходящий в этой международной организации, и каковы пути его преодоления и выхода на эффективные направления интеграции.

Стремительный распад Советского Союза породил такие экономические про-

блемы и трудности на постсоветском пространстве, преодоление которых, несомненно, потребует по времени не несколько лет, а несколько десятилетий. Это очевидно для бывших советских республик, в том числе и для новых независимых государств Центральной Азии.

К числу основных проблем, являющихся приоритетными в развитии регионального сотрудничества и тесного всестороннего взаимодействия их разрешения, можно отнести:

- различия во внешней политике и международных ориентирах молодых государств Центральной Азии, разное понимание и векторы политического и экономического взаимодействия с ближайшими соседними государствами и крупными державами, участие в международных и региональных организациях и интеграционных объединениях;

- существование в каждом из государств территории и анклавов, принадлежащих другому государству, нахождение друг у друга в хозяйственном пользовании на условиях аренды сельскохозяйственных угодий, отсутствие четко обозначенной межгосударственной границы, демаркированной на местности;

- обострение геополитической ситуации в регионе, усиление влияния различных деструктивных внешних и внутренних сил, создающих угрозу безопасности новых государств, необходимость борьбы с наркобизнесом и международным терроризмом и проникновением в регион экстремистских формирований из воюющего Афганистана;

- обострение религиозных экстремистских проявлений, активное вмешательство исламских религиозных организаций (Узбекистан, Таджикистан) в светскую и политическую жизнь общества, наличие межэтнических противоречий и конфликтов в регионах сверхплотного, совместного проживания (Ферганская долина);

- необходимость широкого и всестороннего развития торгово-экономического и кооперационного сотрудничества, конечной целью которого могло бы стать формирование в значительной степени самодостаточного и защищенного общего рынка государств Центральной Азии, интенсивный рост экономики и благосостояния населения;

- потребность в совместной поддержке отечественных товаропроизводителей, создании равных условий для предпринима-

тельской деятельности на всем едином экономическом пространстве, согласованное развитие экспортноориентированных и импортозамещающих производств, создание условий для свободного движения товаров, услуг, труда и капитала;

- эффективное совместное использование огромных минерально-сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов, многие из которых являются уникальными и пользуются большим спросом на мировом рынке, на который возможно доставить, только объединив усилия по переработке и транспортировке;

- наличие серьезных проблем в совместном использовании водных ресурсов, важнейшего природного богатства и фактора устойчивого развития районов поливного земледелия и одной из обеспечивающих основ социально-экономического благополучия центральноазиатских государств;

- проблемы надежного энергообеспечения региона, где в течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Киргизии, и газоснабжения, основным поставщиком где были Узбекистан и Туркменистан;

- необходимость сохранения единства функционирования транспортно-коммуникационной системы, особенно в части сохранения свободы передвижения транспортных систем в пределах региона, совместного использования транзитного потенциала, который особенно возрос в связи с завершением строительства трансазиатской магистрали;

- проблемы, требующие тесного сотрудничества для своего разрешения в области экологии, охраны окружающей среды и предотвращения стихийных бедствий с учетом высокой сейсмичности, селоподобности и других серьезных природных угроз;

- обеспечение тесного сотрудничества в гуманитарной и социальной сферах, свободы общения и проживания народов Центральной Азии, имеющих общую историю, теснейшие родственные связи, а также взаимовлияющую культуру, искусство, литературу.

Безусловно, перечень проблем, требующих своего срочного решения или перспективных, этим не ограничивается, можно было бы продолжить.

Как известно, попытки восстановить разваливающиеся экономические и, в особенности, кооперационные хозяйственные

связи между среднеазиатскими республиками и Казахстаном предпринимались задолго до образования СНГ. Еще в июне 1990 г. по инициативе Казахстана в г. Алма-Ате впервые встретились руководители тогда еще союзных республик Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана и подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве.

В январе 1991 года в г. Ташкенте на встрече глав государств был принят ряд решений по совместной структурной перестройке экономики с учетом имеющихся производственных мощностей для удовлетворения и насыщения центральноазиатского рынка товарами. В частности, по созданию межгосударственных отраслевых комиссий: по зерну и нефти – в г. Алматы, хлопку – г. Ташкенте, газу – г. Ашгабаде, электроэнергии – г. Бишкеке и водным ресурсам – г. Душанбе. К сожалению, в условиях, когда еще действовал единый народно-хозяйственный комплекс бывшего СССР, эти комиссии не смогли в полной мере развернуть свою работу.

Обретение центральноазиатскими республиками государственной независимости потребовало определения новых стратегических подходов уже в межгосударственном сотрудничестве и региональной интеграции при построении рыночно-ориентированной экономики.

30 апреля 1994 г. три суверенных государства – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор о создании Единого экономического пространства. Он заложил правовой фундамент экономического сотрудничества трех из пяти центральноазиатских государств и предполагал обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и согласованную расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику. В основу создания Единого экономического пространства должны быть положены принципы равноправия, взаимовыгодности и свободной конкуренции. А 26 марта 1998 г. к Договору о создании ЕЭС присоединилась в качестве полноправного участника Республика Таджикистан, 17 июля того же года уже «четверка» решила образовать Центрально-Азиатское экономическое сообщество.

В целях реализации Договора созданы Межгосударственный Совет, Советы премьер-министров, министров иностранных

дел, обороны, а также их рабочий орган – Исполнительный комитет.

За период после подписания Договора о создании Единого экономического пространства странами ЦАЭС разработана достаточно полная система соглашений и договоренностей, которая охватывает большой круг представляющих взаимный интерес направлений сотрудничества. Подготовлен и воплощается в жизнь ряд программ в различных областях интеграции, сложились соответствующие координационные и консультационные советы, функционируют рабочие группы и другие организационные формы сотрудничества.

Сложилась система двусторонних соглашений о свободной торговле, о взаимной защите инвестиций, а также об избежании двойного налогообложения доходов и имущества. Были достигнуты договоренности о единых подходах к косвенному налогообложению поставляемых друг другу товаров и услуг. Между таможенными службами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в мае 1998 года подписано Соглашение о дальнейшем развитии сотрудничества и взаимопомощи в таможенных делах.

Утвержден и принят в работу Перечень первоочередных инвестиционных проектов, которые финансируют Центразбанк за счет капитала, созданного долевыми взносами государств-участников.

Подписано Соглашение о комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ, разрабатываются принципы и единый порядок долевого участия государств-участников в финансировании затрат на эксплуатацию и ремонт межреспубликанских водохозяйственных объектов.

Положено начало созданию единого научно-технологического пространства стран Сообщества. Утверждено Положение о Координационном Совете научно-технологического развития (КСНТР), который при организационной поддержке Исполкома начал свою работу, подготовив проекты соглашений о межгосударственных научно-технологических программах и о порядке привлечения к их выполнению ученых и специалистов государств-участников.

В Казахстане действуют 53 казахско-кыргызских и 91 казахско-узбекских, в Кыргызстане – 295 кыргызско-казахских и 71 кыргызско-узбекских, в Узбекистане – 22 узбекско-казахских и 12 узбекско-кыргыз-

ских совместных и дочерних предприятий в различных отраслях народного хозяйства.

Утверждена Программа сотрудничества в области миграции населения, по созданию правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения рабочей силы.

Осуществляется унификация статистических данных, создается единая методология обобщения экономико-статистической информации, стороны обмениваются научно-технической, оперативной, сейсмологической и геофизической информацией, ведут сотрудничество по вопросам предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

5 апреля 1996 года было подписано Соглашение об использовании топливно-энергетических и водных ресурсов, строительстве и эксплуатации газопроводов центральноазиатского региона. В этом соглашении указывается, что проведение единой скоординированной политики в водопользовании и топливно-энергетическом комплексе является важнейшей задачей государств ЦАЭС.

В г. Бишкеке 17 марта 1998 года было подписано долгосрочное Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, к которому через год присоединилась Республика Таджикистан. На его основе государства-участники, начиная с 1998 года, ежегодно подписывают многостороннее Соглашение о совместном и комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ на текущий год, которое содержит конкретную информацию об объемах пропусков воды и электроэнергии из Токтогульского гидроузла в обмен на газ, уголь, мазут и электроэнергию, предоставляемые государствами, расположенными ниже по течению.

Позитивные результаты имеются в совместном использовании межгосударственных автомобильных дорог и железнодорожного транспорта, обеспечении транзита грузов для выхода на рынки третьих стран; в проектировании и строительстве национальных сегментов волоконно-оптической линии связи Транс-Азия-Европа (ТЕА), разработке ТЭО проекта совместного использования искусственных спутников Земли (ИСЗ) для обмена телевизионными и радиопрограммами. Действуют соглашения о межгосударственной аренде земель и автодорог.

Однако, как уже указывалось, все эти договоренности не достигают в провозглашаемых в документах целей. В Сообществе так же, как в СНГ в целом, есть по многим вопросам несовпадение позиций государств-участников, низким остается уровень выполнения принятых решений, и сами документы носят общий, рекомендательный характер.

На эффективность действий Сообщества влияет: отсутствие режима свободной торговли между всеми участниками (на встрече в г. Бишкеке в июне 1999 г. лидеры государств только объявили о своем стремлении его достижения); различие экономических интересов по проблемам использования общих природных ресурсов; национальный эгоизм при установлении тарифов и цен на пользование линиями электропередач, транзитного проезда транспортных средств; сохраняющиеся многие административные ограничения в расчетно-платежных отношениях и взаимной конвертируемости национальных валют; существенные различия и даже противоречивость в проведении социально-экономических реформ, либерализации внешнеэкономической политики; роль государства в управлении производственно-хозяйственной и финансовой деятельностью предприятий. По многим вопросам выделяется позиция Узбекистана, крупнейшего и ведущего государства региона наравне с Казахстаном в Центральной Азии. Оказывают влияние и субъективные, личностные взгляды на региональные и мировые проблемы лидеров и правящих элит государств.

Эксперты считают, что в перспективе региональное интеграционное сотрудничество государств Центральной Азии может развиваться несколькими путями: «вялотекущий процесс», постепенное затухание и последующий распад Сообщества; переход на более высокую ступень интеграции.

При этом отмечается, что только выбор третьего варианта может отвечать коренным интересам народов Центральной Азии, который позволит в полной мере использовать свой экономический потенциал в национальных и региональных интересах, преодолеть существующее отставание от промышленно развитых стран, успешно защитить суверенитет и безопасность в регионе.

Эти выводы нам кажутся несколько упрощенными. По нашему мнению, в Центрально-Азиатском сообществе идет процесс конкретизации и поворота к реальным и ос-

тостоящим проблемам сегодняшней жизни региона. Лидеры государств убедились, что в силу различных объективных и субъективных причин широкой и всесторонней экономической интеграции не получается, не наступило время их реализации. Реалии диктуют на первый план иные проблемы: борьбу с терроризмом и экстремизмом, угрозу безопасности, совместное использование жизненно важных природных и техногенных ресурсов.

Это подтверждается результатами последних встреч лидеров центральноазиатского региона и принятыми ими документами.

Так, в апреле 2000 года в Ташкенте главами государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана был подписан четырехсторонний Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон. Договор ратифицирован Узбекистаном и Казахстаном.

14 июня в Душанбе на заседании Межгоссовета ЦАЭС президенты Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана обменялись мнениями о перспективах развития сообщества и совместном и рациональном использовании водноэнергетических ресурсов центральноазиатского региона. Принято предложение Казахстана о необходимости завершения работ по подписанию соглашения о создании Международного водноэнергетического консорциума.

Главы четырех государств утвердили Стратегию интеграционного развития Центрально-Азиатского экономического сообщества на период до 2005 года, которая предполагает сосредоточение усилий государств-участников на проблемах совместного и рационального использования водных и энергетических ресурсов, проведения согласованной политики в области развития транспортно-коммуникационной системы, совершенствование сложившихся хозяйственных связей и развитие импортозамещающих производств, обеспечение максимально благоприятных условий для расширения гуманитарно-культурных связей между народами государств ЦАЭС.

Складывающаяся ситуация в регионе после прорыва бандформирований на территории Узбекистана и Кыргызстана летом 2000 г. стала предметом обстоятельного разговора на встрече глав государств Централь-

ной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и специального представителя Президента России, Секретаря Совета безопасности РФ Сергея Иванова, которая состоялась 20 августа 2000 г. в Бишкеке.

Руководители Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана подчеркнули необходимость строгого и неукоснительного соблюдения всех принятых на себя обязательств в рамках Договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон, подписанного 21 апреля 2000 года в Ташкенте. Рассматривались вопросы оказания материально-технической помощи Кыргызстану и Узбекистану.

По итогам встречи было принято Заявление глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и специального представителя Президента России, Секретаря Совета безопасности Российской Федерации.

В Алматы в январе 2001 г. прошел очередной саммит глав государств-участников Центрально-Азиатского экономического сообщества (ЦАЭС). В узком кругу между президентами состоялся детальный обмен мнениями о состоянии и перспективах сотрудничества в центральноазиатском регионе (сотрудничество в сфере экономики, науки и техники; обеспечение мира и укрепление стабильности в регионе; афганская проблема; совместная борьба против терроризма, радикального религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков – наркотрафика).

Актуальным проблемам посвящена и специальная программа ООН для экономик Центральной Азии, разрабатываемая в целях оказания содействия государствам Центральной Азии в углублении их взаимного сотрудничества, в стимулировании их экономического развития и интеграции в экономику стран Европы и Азии – СПЕКА. Каждое государство-участник является ведущим (координирующим) в одной области:

Казахстан – развитие транспортной инфраструктуры и упрощение процедур пересечения государственных границ товарами, услугами и людьми;

Кыргызстан – рациональное и эффективное использование энергетических и водных ресурсов Центральной Азии;

Таджикистан – международная экономическая конференция по Таджикистану о совместной стратегии регионального развития и привлечению иностранных инвестиций;

Туркменистан – региональное сотрудничество по вопросам развития многовариантных путей доставки углеводородного сырья по трубопроводам на мировые рынки;

Узбекистан – перестройка промышленных предприятий с целью создания международных конкурентоспособных промышленных предприятий.

Таким образом, более правомерным, наверное, будет вывод не о затухании интеграционных процессов и ослаблении взаимодействия центральноазиатских государств, а о переориентации деятельности этой международной организации на более актуальные, жизненно важные проблемы, от успешного разрешения которых зависит мир и безопасность региона, вхождение в мировое сообщество.

Если будут успешно разрешены эти проблемы, найден алгоритм взаимовыгодных действий по отдельным локальным задачам, то и это будет для ЦАЭС очень и очень крупным достижением. На их формулах-действиях через несколько лет можно будет вернуться к рассмотрению и более масштабных направлений политической и социально-экономической интеграции.

Литература:

1. Актуальные проблемы внешней политики Казахстана. Сборник статей под ред. К.К. Токаева – Астана, 1998.
2. Губайдуллина М.Ш. Геополитические контуры Центральной Азии: факторы и риски (Некоторые аспекты теории и практики) // Казахстан-спектр. 2000. – № 1. – С. 101–116.
3. Марков В. Центральноазиатская интеграция: этап или альтернатива интеграции стран СНГ // Центральная Азия. – 1998. – № 4.
4. Исингарин Н.К. Интеграция: реалии, возможности и перспективы // Вестник профсоюзов. 1997. – № 1–2. – С. 3.
5. Исингарин Н.К. Проблемы интеграции в СНГ. – Алматы, «Атамур» 1998. – С. 215.
6. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997 гг. – М., Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1997. – С. 480.
7. Примбетов С.Д. Процессы реформирования внешнеэкономической деятельности государств ЦАЭС // Центральная Азия: новое пространство для сотрудничества. – Бишкек, 2000.
8. Примбетов С.Д. Центральная Азия на пороге XXI века: реалии и перспективы экономической интеграции. – М., 2000.

Именно в этом плане надо рассматривать состояние дел в Центрально-Азиатской региональной организации и органам управления и исполнительным органам следовало бы сосредоточить все усилия на успешное решение актуальных задач.

Выступая 29 сентября 1999 г. на международной встрече деятелей культуры и науки Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, Президент Н.Назарбаев высказался за создание «единого геополитического и геоэкономического пространства в Центральной Азии». «Наша стратегическая, экономическая цель, – подчеркнул Н.Назарбаев, – это формирование единого экономического пространства, единой торгово-таможенной зоны, единого валютного союза и единой экономической стратегии».

Безусловно, предложение Н.Назарбаева остается стратегической целью взаимодействия и ее достижение зависит от успешности разрешения нынешних животрепещущих проблем региона. А реальные перспективы развития интеграции в регионе, темпы и масштабы этих процессов скорее всего будут зависеть от готовности национальных экономик к проведению соответствующих преобразований и внедрению общепринятых в мировой практике форм и методов экономического регулирования, а также от политической воли глав государств и правительств стран ЦАЭС.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КНР: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Самые Х.Х.

После распада СССР и образования новых независимых государств начался новый период развития всесторонних отношений между странами Центральной Азии и КНР. В течение очень короткого исторического срока благодаря совместным усилиям глав государств успешно и устойчиво осуществляется переход от китайско-советских к китайско-центральноазиатским отношениям. Дружеские, добрососедские связи и взаимовыгодное сотрудничество между странами непрерывно развиваются, установлены отношения прочного партнерства, обращенного в XXI век.

Результатом регулярных встреч глав государств этих стран на высшем уровне является фундаментальный пакет совместных деклараций соглашений, различных документов в качестве политической и юридической базы по регулированию всесторонних отношений. Это межгосударственные отношения нового типа, сущность и специфика которых заключается в том, что они предполагают долгосрочный характер развития взаимоотношений, направленных в XXI век на основе равенства государств.

Завершился период длительной колониальной зависимости от России и диктата Москвы во всех сферах жизни центральноазиатских государств. Историческая справедливость была вновь восстановлена и страны Центральной Азии получили возможность самостоятельно решать свою судьбу на мировой арене. Подчиненные, зависимые отношения сменились на прямые межгосударственные контакты с зарубежными странами, в том числе с КНР, основанные на базе доверительных, добрососедских и дружественных связей на основе пяти принципов мирного сосуществования. Специфика межгосударственных отношений нового типа характеризуется также тем, что в мире на сегодняшний день сложилось уважительное отношение к правам народов на свободный выбор пути развития и формирование своей модели эволюции в многополярном мире. Разница в идеологии, общественном строе, уровне экономического развития, традициях, культуре — ничто не

является препятствием в формировании всесторонних связей между странами. И этот принцип новых отношений, который прослеживается в отношениях межправительственных документах центральноазиатских государств с Китаем, отвечает интересам народов этих стран и отражает общепризнанные международные нормы межгосударственных контактов.

В межгосударственных отношениях КНР и центральноазиатских государств особо следует отметить исключительное взаимное уважение к территориальной целостности и суверенитету, закрепленным в международном праве. Правительства центральноазиатских стран четко заявляют о том, что Тайвань и Тибет являются неотъемлемой частью Китая, а правительство КНР является единственно законным правительством, представляющим весь Китай. В свою очередь лидеры КНР в своих речах неоднократно подчеркивали, что Китай, установив добрососедские отношения со странами Центральной Азии, не стремится к созданию сферы собственного влияния в мире, включая и этот регион, к гегемонии или проведению силовой политики и готов поддержать усилия государств, направленные на стабильность в этом районе мира, укрепление сотрудничества в борьбе против терроризма, сепаратизма, религиозного экстремизма и наркобизнеса.

Правительства центральноазиатских стран и КНР едины во мнении, что все спорные территориальные проблемы могут быть решены лишь мирным путем, посредством переговоров. Ярким подтверждением тому являются соглашения относительно «спорных» участков на границе с соседствующими с КНР Казахстаном, Кыргызстаном, Россией.

Отношения Китая с центральноазиатскими странами не носят характер союза. КНР как великая азиатская страна в своей внешней политике, пережив политический альянс с СССР в целях противоборства против ревизионизма СССР и империализма США в 60-е годы, совместное противостояние КНР и США по отношению к Совет-

кому Союзу в 70-е годы, после окончания холодной войны проводит политику характера неприсоединения, невступления в политические альянсы с любыми державами и блоками государств. Правительство КНР считает, что в условиях многополярности в мире политика военных союзов идет в разрез с поддержанием стабильности в мире и не соответствует интересам народов.

Эта позиция во внешней политике КНР встречает поддержку и уважение со стороны глав правительств центральноазиатских стран. Проблема безопасности для государств и народов является краеугольным камнем внешней политики как государств Центральной Азии, так и КНР. Отношения государств Центральной Азии с Китаем не направлены против какой-либо третьей страны и тем более не представляют угрозы для любых стран. Основная цель их сотрудничества — углубление взаимовыгодного экономического партнерства, поддержание мира, стабильности, добрососедства и дружбы, содействие совместному развитию и процветанию. Эти принципы отношений нового типа между странами Центральной Азии и КНР заложили прочную базу для двусторонних связей государств в различных сферах.

Во взаимоотношениях центральноазиатских стран и КНР условно можно проследить наличие нескольких периодов:

I — 1992–1994 гг. Это этап установления дипломатических, политических и экономических отношений, подписание важных исторических документов, заложивших фундамент прямого всестороннего сотрудничества, начало установления добрососедских отношений и устранения «спорных» пограничных проблем между государствами во имя укрепления безопасности и суверенитета.

II — 1994–1998 гг. К этому времени практически завершился длительный исторический процесс создания «пояса» доверия, мира, дружбы на границах между государствами, благодаря усилиям и доброй воле лидеров этих стран. Пограничные проблемы, сдерживавшие на протяжении более 100 лет развитие связей между народами практически были решены. Сложились межгосударственные отношения нового типа, соответствующие нормам международного права и направленные в XXI век. Всесторонние контакты между странами динамично развивались и крепились.

В целом, анализируя этот процесс, следует отметить, что он находится пока на начальной стадии развития и его эволюция протекает неоднозначно.

Материальной базой для углубления и укрепления политических отношений центральноазиатских государств с КНР является экономическое сотрудничество. Атмосфера дружбы и доверия во внешней политике цементирует экономические связи этих стран. Они развиваются динамично, под контролем правительств государств, чтобы предотвратить ущемление национальных интересов. Предприниматели Китая так же, как и представители иностранного бизнеса, считают Республику Казахстан, Республику Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан наиболее стабильными для внешнеэкономических операций и самой опасной Республику Таджикистан из-за политической нестабильности и военных операций на афганско-таджикской границе. Во внешнеэкономических связях с КНР лидирует Республика Казахстан, за ней следуют Республики Узбекистан и Кыргызстан.

Торговля как основная форма участия в мировой экономике играет большую роль во внешнеэкономических связях центральноазиатских государств с зарубежными странами. Экспортные и импортные потоки в Центральную Азию, по данным экономистов, значительно превосходят по объему внешние кредиты, займы, прямые иностранные инвестиции. В 1995 г. на торговлю с Азией приходилось 14% совокупного экспорта центральноазиатских стран и 15% их импорта [1]. При этом 26,5% экспорта в Азию направлялось в Китай, 22% — в Турцию и 10,5% — в Южную Корею. В импорте из Азии в том же году удельный вес каждой из трех стран составлял соответственно 2,29% и 33% [2]. Сегодня государства АТР стали третьим по значимости внешнеторговым партнером Центральной Азии после России и Европы. При этом вторым по важности экспортным рынком для центральноазиатского региона стал Китай, особенно для таких государств, как Республика Казахстан и Республика Кыргызстан. И хотя торговля для КНР с Центральной Азией является маргинальной, составляя менее 1% его совокупного внешнеторгового оборота [3], её роль постоянно растет и для китайских прилегающих пограничных территорий Казахстан и Кыргызстан стали основными торговыми партнерами, опередив Гонконг.

Правительство Республики Казахстан придает большое внимание развитию торгово-экономических отношений с КНР в условиях резкого сокращения хозяйственных связей с Россией и другими странами СНГ и углубления экономического кризиса. Динамично развивающаяся экономика Китая, успешный опыт страны по реформированию социалистической экономики крайне привлекательны для руководства Казахстана. Следует отметить, что ещё в период существования Советского Союза между Казахской Социалистической Республикой и Китаем существовали довольно широкие торговые отношения, руководимые из Москвы. Советско-китайские отношения развивались сложно и недостаточно и в 60-80-е гг. значительно ухудшились. Однако в январе 1986 г. Госсоветом КНР было принято решение о восстановлении торговых отношений между соседним Синьцзяном (СУАР) и Казахской ССР. По уровню экономического и научно-технического Синьцзян отставал от Социалистической Республики Казахстан. Данные свидетельствуют о значительной активизации торговых отношений между Синьцзяном и Казахстаном в конце 80-х годов. Так, если в 1986 г. объем торговли между СУАР и Казахстаном составлял всего 3 млн долл., то в 1989 г. — уже 45,8 млн долл. [4].

В 1989 г. между СУАР и Казахстаном было подписано новое Соглашение о торгово-экономическом, техническом сотрудничестве на период 1989–1995 гг. Предполагалось довести товарооборот между соседними регионами к 1995 г. до 220–260 млн долл. [5]. К моменту достижения независимости 52% экспорта Казахстана приходилось на Китай, и он фактически был главным торговым партнером в советско-китайских экономических отношениях [6]. В 1999 г. за всю историю советско-китайских отношений была достигнута рекордная цифра товарооборота — 5,4 млрд долл. [7]. Причем экспорт всегда немногочисленно превышал импорт. Так, в 1996 г. экспорт составлял 2,8%, а импорт — 0,7% в товарообороте с иностранными государствами.

После распада СССР, уже в декабре 1991 г., высокопоставленная китайская делегация во главе с Министром торговли и внешнеэкономических связей Ли Ланкингом совершила экспресс-турне по странам центрально-азиатского региона с целью выявления перспектив его внутреннего рынка. В сентябре 1992 г. Премьер Госсовета Ли Пэн открыл в столице СУАР — Урумчи — первую между-

народную торговую ярмарку, целью ее было: способствовать развитию внешней торговли СУАР, особенно с ближайшими соседями — Казахстаном и Кыргызстаном. Руководство Китая быстро осознало выгоды от развития экономических отношений не только с Республикой Казахстан, но и другими государствами центральноазиатского региона. В течение нескольких месяцев в четырех городах Синьцзяна решением китайского правительства были созданы благоприятные условия, введены льготы для зарубежных инвесторов и предпринимателей, которые могли бы способствовать развитию торговли в СУАР. В 1992 г. открылось железнодорожное сообщение Алма-Ата — Урумчи, а правительство Казахстана реконструировало станцию «Дружба». Китайские потребительские товары хлынули в Казахстан, смягчая острый товарно-потребительский дефицит не только в этой независимой Республике, но и в центральноазиатском регионе в целом.

В ноябре 1992 г. Алма-Ату посетила делегация КНР во главе с Министром иностранных дел Цянь Цигэном, которая обсудила с правительством РК вопросы политических, торгово-экономических и культурных связей между двумя государствами [8].

Президент Н.Назарбаев предложил превратить всю границу Казахстана с Китаем в свободную экономическую зону с возможным участием капитала третьих стран. Предпосылки к этому уже имелись: открылись автомобильные, железнодорожные и воздушные пути сообщения, действовали 6 пограничных переходов. К концу 1992 г. в Казахстане было зарегистрировано уже около 50 совместных казахстанско-китайских предприятий [9]. НПО «Джезказганцветмет» подписало контракт с китайской стороной о продаже меди в обмен на китайские товары широкого потребления на общую сумму 2 млрд рублей [10]. Горняки Кустанайской области поставляли в Китай железную руду. Приграничные области напрямую налаживали деловые связи с китайскими партнерами в СУАР. На границе с Китаем, в Панфиловском районе Талды-Курганской области Казахстана была создана свободная экономическая зона и построена современная АТС, позволяющая поддерживать телефонную связь с г. Урумчи — столицей Синьцзяна [11]. МВД Казахстана провело переговоры с Министром общественной безопасности КНР по вопросам защиты от ракеты взаимных поставок и предпринимателей, охраны туристов.

С подписанием торгово-экономического соглашения между правительствами КНР и РК 22 декабря 1992 г. сроком на 5 лет, а затем более 50 документов, направленных на его расширение, обе стороны прилагают усилия для внедрения их в жизнь [12]. В 1992 г. правительство КНР предоставило РК кредит на сумму 30 млн юаней, который был полностью освоен [13]. Был поставлен вопрос о привлечении второго кредита на сумму 50 млн юаней для покупки РК необходимого производственного сырья и компонентов для металлургического комплекса [14]. Следует отметить, что кредитование КНР Казахстана стало регулярным. Отдельное соглашение предусматривало открытие на территории Республики Казахстан пропускных пунктов на границе и сети китайских магазинов.

Следует отметить и другие практические шаги, предпринятые правительством КНР на развитие торгово-экономических отношений не только с Республикой Казахстан, другими государствами Центральной Азии, но и странами СНГ в целом. Так, в январе 1994 г. Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества Китая разработало и ввело в действие новые меры по развитию торговли и экономических связей со странами СНГ, которые сводятся к следующему:

1. Допускается вводить новые формы торгово-экономических связей, например, торговать земельными ресурсами, видоизменять однообразную форму торговли на бартерной основе.

2. Поощряются действия китайских предприятий в создании в странах СНГ совместных предприятий на кооперативных началах, а также небольших зон экономического сотрудничества.

3. Разрешается создавать в странах СНГ крупные китайские магазины, которым дается право на хозяйствование и ведение торговли.

4. Дается право на бартерную торговлю внешнеторговым компаниям и предприятиям, занимающимся экспортом на основе самостоятельного хозяйствования.

5. Внутренние провинции и города Китая, которые развертывают бартерную торговлю со странами СНГ, пользуются теми же льготами, что и пограничные районы Китая и освобождаются на 50% от таможенной пошлины [15].

Мощным стимулом в развитии торгово-экономических отношений Республики Ка-

захстан и Китая стал визит Ли Пэна в РК и подписание соглашения о границе 24 апреля 1994 г. между двумя странами, о чем говорилось выше. Ли Пэн заявил, что «граница Китая и Казахстана протяженностью более 1700 км всегда будет границей мира и дружбы» [16]. Все ограничения, существовавшие ранее на перевозку грузов через границу, были ликвидированы правительством РК. Был подписан протокол с КНР о развитии железнодорожных перевозок, призванных активизировать торгово-экономические круги Казахстана. 26 апреля 1994 г. Ли Пэн выступил с предложением по дальнейшему развитию торгово-экономических отношений между Китаем и центральноазиатскими странами, состоящим из шести пунктов, суть которых сводилась к следующему:

1. Соблюдать принципы равенства и взаимной выгоды.

2. Формы сотрудничества должны быть разнообразными.

3. Исходя из реальностей, необходимо полностью использовать местные ресурсы.

4. Следует улучшать транспортные условия, создать новый «Шелковый Путь».

5. Предоставление Китаем небольшой экономической помощи — это знак дружбы.

6. Необходимо развивать многостороннее сотрудничество и содействовать совместному развитию [17].

Оно было благоприятно встречено правительством Алма-Аты, а также лидерами других центральноазиатских государств. 22 апреля 1994 г. Президент Н.Назарбаев в интервью корреспонденту Синьхуа отметил, что в стране уже созданы 150 совместных казахстанско-китайских предприятий и сотрудничество между странами имеет большие перспективы [18]. Был подписан протокол о развитии железнодорожных перевозок, а 19 июля 1994 г. было открыто прямое международное автобусное сообщение между городами Инин (СУАР КНР) и Чимкент (РК). Трасса протяженностью 1178 км проходит через города Хоргос, Алма-Ата, Джамбул. Это вторая международная транспортная линия после ранее открытой Инин — Алма-Ата. Все крупные и средние города по этой линии расположены недалеко от границ Кыргызстана и Узбекистана, что позволяет укрепить торговые и другие связи между Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая и государствами Центральной Азии [19].

По официальным данным, товарооборот между Республикой Казахстан и КНР в

1994 г. составлял 218,8 млн долл., в 1995 г. – 328,4 млн долл., в 1996 г. – 460 млн долл. [20]. По итогам 1997 г., этот показатель достиг 530 млн долл. [21], а в 1999 г. товарооборот увеличился на 79% и составил 1,139 млрд долл. [22]. Цифры свидетельствуют о его динамичном росте и отражают тенденции к дальнейшему увеличению. По подсчетам казахстанских экономистов, торговля РК – КНР ежегодно в среднем растет на 17% [23]. По итогам 1997 г., Казахстан по объему торговли с Китаем вышел на второе место среди стран СНГ (после России) [24]. В сфере экономики к 1998 году между этими государствами было подписано 37 межправительственных соглашений [25].

Экономические отношения государств Центральной Азии с КНР нуждаются в объективной оценке, отходе от излишней эйфории и вместе с тем их явной переоценки. Как отмечалось выше, для Китая торговля с Центральной Азией является маргинальной, составляя менее 1% его совокупного внешнеторгового оборота, а в основном сырьевой характер экспорта центральноазиатских государств в эту страну вряд ли поможет кардинально преодолеть их экономическую отсталость.

Пока китайские инвестиции в экономику стран Центральной Азии так же, как и зарубежный капитал других стран, способствует лишь достижению их макроэкономической стабильности. Поэтому важнейшей задачей становится реформирование на микроуровне. В этой сфере много проблем. Центральноазиатским странам в период перехода к рыночным отношениям – от плановой экономики к рыночной – приходится сталкиваться с массой сложностей и прежде всего в процессе перестройки существующего традиционного механизма сотрудничества с иностранцами государствами, в частности с КНР, сложившегося еще в период СССР. Поэтому правительства этих государств, специальные ведомства, экономисты прилагают усилия, направленные на формирование и претворение в жизнь эффективной модели в сфере экономики и внешней торговли, которая охватывает производственно-инвестиционную сферу и вытекает из общей модели «сравнительных преимуществ». Требуется время, позволяющее осуществить намеченную реорганизацию, добиться соответствия торгово-экономических связей общему торговому режиму и правилам конкуренции международного рынка.

Торгово-экономические связи центральноазиатских государств с КНР должны обладать характером не только взаимоборьбы, как это существует ныне, но взаимодополняемости, позволяющей изменить преимущественно сырьевой характер экспорта центральноазиатских стран и пополнить его товарами индустриального производства. По мере совершенствования рыночной экономики, повышения конкурентоспособности продукции товарообмена, углубления процесса интеграции в мировой рынок формы и характер торгово-экономического сотрудничества в условиях стабильности и благоприятной международной обстановки будут изменяться, а его масштабы неуклонно расширяться. Поэтому сегодня в целом центральноазиатско-китайские экономические связи следует больше анализировать под углом стратегии и перспектив, которые имеют огромные потенциальные возможности.

Сотрудничество стран в области «проектов века» в сфере нефти, газа, транспортных коммуникаций – это новое перспективное направление, начатое с 1997 г. в результате подписания соответствующих документов. Они важны не только с экономической, но и политической точки зрения, и имеют не только региональное, но и международное значение. Осуществление в жизнь транспортных проектов повысит роль центральноазиатских государств и КНР в международной политике, расширит торгово-экономические отношения не только между этими государствами, но и с Европой и другими странами Азии. Новый «Шелковый Путь», состоящий из трансконтинентальных железных дорог, автомобильных трасс международного класса, откроет не только дорогу товарам на Запад, но и позволит центральноазиатским странам выйти к Тихому, Индийскому океанам, Персидскому заливу. В результате активизируется транспортная торговля Европа – Центральная Азия – Китай – другие азиатские государства. Прямое транспортное сообщение, нефтепровод Казахстан – КНР, газопровод Туркменистан – Китай будут стимулировать развитие различных сфер экономики всех центральноазиатских стран, прежде всего, современной промышленности, высоких технологий. Будут открыты новые туристические маршруты, активизируется приток иностранных инвестиций, произойдет осуществление намеченных экономических реформ в жизни, возрастет благосостояние государств и народов. В случае успешного осуществле-

ния намеченных проектов государствами Центральной Азии и КНР может произойти существенное изменение в балансе и соотношении сил не только в центральноазиатском регионе, но и во всей Азии в целом. Роль Китая, Японии значительно возрастет в экономических связях центральноазиатских государств, тогда как роль России, стран Запада, значительно ослабнет. Поэтому не случайно вокруг «проектов века» активизируется политическая борьба, в которую согласно законам конкуренции будут втянуты не только страны – инициаторы проектов, но и различные международные силы.

Сегодня правительство КНР выражает обеспокоенность по поводу напряженности на афганско-таджикской границе, общей ситуации, сложившейся в Таджикистане, связанной с вовлечением внешних сил и кооперированием с экстремистскими силами, усилением наркобизнеса в центральноазиатском регионе. Учитывая настроения среди определенных кругов мусульманского населения своей страны, КНР не безразлично, по какой модели будут развиваться страны Центральной Азии, сохранят ли они светский характер власти и приверженность к демократии, насколько последовательно правительства этих государств будут вести борьбу с идеями панисла-

мизма и пантюркизма, сепаратизма. Китайские политики не скрывают свои опасения о возможности сближения некоторых стран центральноазиатского региона с Ираном и Пакистаном, обладающих большим влиянием в мусульманском мире и запасами ядерного оружия.

Лидеры государств Центральной Азии объективно оценивают всю сложность сложившейся ситуации, а также свои возможности. Они с оптимизмом смотрят в будущее.

Президент Республики Узбекистан И.Каримов отмечает: «Прокладывая дорогу в новое тысячелетие, мы протягиваем всем руку дружбы и взаимопонимания, символизируя это словами безопасность, стабильность и устойчивость развития. Именно эти понятия создают прочный фундамент мира, благополучия, процветания в каждой стране, каждому народу, являются неотъемлемым условием геополитического равновесия на планете, дают право каждому человеку смело и уверенно глядеть в будущее» [26]. В целом в наши дни отличительной чертой двусторонних отношений центральноазиатских государств с КНР являются их миролюбивость, последовательность, доброжелательность, целеустремленность, возрастающая активность и сотрудничество.

Литература:

1. Мировая экономика и международные отношения. № 4. 1999. – С. 100.
2. Там же.
3. Там же.
4. Центральная Азия и Кавказ. № 1 (7). 2000. – С. 173.
5. Казахстан и мировое сообщество. № 1 (2). 1995. – С. 65.
6. Центральная Азия и Кавказ. № 1 (7). 2000. – С. 173.
7. Азия и Африка сегодня. № 10. 1999. – С. 49.
8. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1997. – С. 53.
9. ИТАР-ТАСС. 24.12.1992.
10. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1997. – С. 54.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1998. – С. 36.
15. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1997. – С. 54.
16. Женьминь Жибао. 25.04.1994
17. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1997. – С. 59.
18. Информационный Бюллетень Агентства Синьхуа (ИБАС). 29.04.1994.
19. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1997. – С. 60.
20. Там же. № 4. 1998. – С. 60.
21. Саясат. 1998. Июнь. – С. 66.
22. Там же.
23. Экономика и жизнь. № 10 (158). Май. 1998.
24. Казахстанская правда. 3.03.1998.
25. Казахстанская правда. 3.07.1998.
26. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – С. 15–16

ПРОБЛЕМА ПРО В АМЕРИКАНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Нуралиев Н.С.

Исторический аспект в развитии американско-российских отношений по проблеме ПРО

Впервые предложение о создании системы противоракетной обороны было выдвинуто американской стороной в 1967 году, однако СССР от обсуждения этого вопроса отказался.

После этого стороны еще не раз возвращались к обсуждению вопроса о ПРО, но только **26 мая 1972 года СССР и США подписали Договор по ПРО.**

Договор является основополагающим документом, содержащим 16 статей, ограничивающих возможности сторон для создания собственной ПРО и тем самым практически исключающих для любой из них возможность безнаказанного ядерного удара.

Необходимо выделить основные этапы развития отношений между СССР (впоследствии Россией) и США с момента подписания Договора:

1983 год – Президент США Р. Рейган объявил о начале работы над программой «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), целью которой являлось обеспечение защиты всей территории США от межконтинентальных баллистических ракет, что должно быть достигнуто путем размещения перехватчиков в космосе. Данная инициатива противоречила статье V Договора и, по сути, была шагом к новому витку гонки вооружений в мире.

1991 год – Президент США Дж. Буш выдвинул новую концепцию программы СОИ – «Глобальная защита от ограниченного удара» (ГЗОУ). В отличие от СОИ, новая программа позволяла перехватывать ограниченное число ракет. Тем не менее Договор все равно нарушался, так как в рамках ГЗОУ планировалось создание и размещение 1000 космических перехватчиков «Бриллиант Пиббл», около 1000 перехватчиков наземного базирования, размещенных в 6 районах базирования, а также системы космических и наземно-мобильных средств слежения.

1992 год – На призыв Президента США Дж. Буша к Конгрессу США о поддержке разработки программы по защите страны

от ограниченного ракетного удара, Президент России Б. Ельцин предложил идею создания Глобальной системы защиты (ГСЗ). Под этим подразумевалась совместная американско-российская разработка средств защиты от нападения из космоса в соответствии с Договором.

1994 год – США выносят на обсуждение идею о создании театра военных действий ПРО (ТВД ПРО), что не запрещалось Договором.

1995 год – Президентами США и России было определено, что ТВД ПРО не должен угрожать ядерным стратегическим силам другой стороны и что ТВД ПРО нельзя использовать для создания национальной ПРО (НПРО).

1996 год – США решили переориентировать свои системы ТВД ПРО на системы НПРО. Решено было создавать основные элементы НПРО по программе «3+3» (3 года – на создание основных элементов системы и, в случае успеха, 3 года – на развертывание полноценной НПРО).

1998 год – США приняли решение о том, что рассмотрение вопроса о развертывании системы ПРО должно начаться в 2001 году с тем, чтобы, в случае положительного решения этого вопроса, поставить систему на боевое дежурство в сокращенном составе в 2005 году. В полном составе система ПРО в этом случае достигла бы состояния боевой готовности к 2008 году.

Октябрь 1999 года – июль 2000 года – В этот период США провели испытания 3-х ракет-перехватчиков предполагаемой системы ПРО США, которые показали незавершенность проведенных исследований и работ. По решению администрации Б. Клинтона дальнейшую судьбу системы ПРО США предстояло определить следующему руководству Белого дома.

Июнь 2000 года – Россия и США подписали соглашение о создании совместного центра «раннего предупреждения» (месторасположение – Россия), главной целью которого является обмен информацией о запуске баллистических ракет.

20 ноября 2000 года – Генеральная ас-

самблея ООН рассмотрела и одобрила предложенную Россией, Китаем и Беларусью совместную резолюцию «Сохранения и соблюдения Договора об ограничении систем ПРО». 88 государств проголосовали «за», 5 – «против», 66 – «воздержались» и 30 стран не приняли участия в голосовании.

Приведенная хронологическая последовательность основных моментов в истории американско-советских (впоследствии, американско-российских) отношений по проблеме ПРО позволяет сделать следующий вывод – **с момента подписания Договора, США неоднократно предпринимали попытки изменить его условия, а в последующем стремились выйти из него.**

Система ПРО США

Предполагаемая система ПРО США (см. схему) включает в себя несколько элементов:

- **наземные перехватчики ракет** (Ground-Based Interceptors – GBI) – основное оружие ПРО, способное уничтожить боеголовки баллистических ракет за пределами земной атмосферы;

- **система боевого управления/команды, контроль и система связи** (Battle Management/Command, Control, and Communications – BMC3) с двумя подэлементами (непосредственно система боевого управления и система связи с перехватчиками, находящимися в полете) является своеобразным мозгом системы НПРО, которая, в случае ядерной атаки, нацеленной на территорию США, будет управлять перехватом;

- **высокочастотные радиолокационные станции** (РЛС) обнаружения целей и наведения противоракет Ground-Based Radiolocators (GBR) – РЛС GBR;

- **РЛС системы предупреждения о ракетном нападении** (РЛС СПРН);

- **инфракрасная система космического базирования** (СБИРС) (Space-Based Infrared System – SBIRS).

Первоначальным звеном в создании НПРО должно стать строительство РЛС на острове Шемья, штат Аляска, через территорию которого проходит большая часть полетных траекторий ракет, которые могут достигнуть территории США.

Данная РЛС, находящаяся пока в проекте, завершает создание вокруг США кольца слежения, в которое входят радар в Туле (Гренландия), РЛС «Флаингдейл» в

Великобритании и три радара на территории США – «Кэйп Код», «Клизр» и «Бил». Все они действуют уже на протяжении около 30 лет и требуют модернизации.

Кроме того, подобные же задачи (слежение за пусками ракет и предупреждение о ракетном нападении), по мнению США, должна выполнять и РЛС в Варде (Норвегия), расположенная всего в 40 километрах от российской границы, *что не может не вызывать беспокойство России.*

В соответствии с объявленными в январе 1999 года планами система ПРО **первого этапа** должна включать один или два противоракетных комплекса, оснащенных 20 противоракетами каждый. В таком составе каждый противоракетный комплекс будет способен до истощения боекомплекта обеспечить с вероятностью 0,98 перехват в общей сложности от 5 до 7 баллистических целей.

Пуск противоракет и их наведение на цель в противоракетных комплексах **первого этапа** осуществляется, по данным, от РЛС системы обнаружения целей и наведения противоракет GBR.

Дальность обнаружения и перехвата целей противоракетными комплексами ПРО **первого этапа** при условии их развертывания в штате Аляска или в штате Северная Дакота *будет недостаточной для того, чтобы обеспечить противоракетное прикрытие территории всех 50 штатов США.*

Второй этап развертывания системы ПРО предусматривает два важнейших мероприятия.

Первым из них является увеличение числа противоракет GBI в составе каждого противоракетного комплекса до 100 единиц. В результате увеличения боекомплекта каждый противоракетный комплекс **второго этапа** будет иметь возможность с вероятностью 0,96 перехватывать в общей сложности до 17 целей.

Вторым важнейшим мероприятием является введение в эксплуатацию низкоорбитальной группировки космических аппаратов (КА) космической системы предупреждения о ракетном нападении СБИРС.

Благодаря использованию космического целеуказания для пуска противоракеты, дальность перехвата баллистических целей противоракетными комплексами ПРО **второго этапа** *должна быть достаточной для того, чтобы прикрывать от ограниченных ракетных ударов территорию всех 50 штатов США.*

Общая стоимость противоракетного комплекса первого этапа (расходы на проведение НИОКР, закупка вооружений и техники, развертывание противоракетного комплекса и его эксплуатация в течение 20 лет) при условии его развертывания в 2003 году на авиабазе Гранд Форкс в штате Северная Дакота составила бы 18,372 млрд долл. Стоимость такого же противоракетного комплекса, развертываемого в 2003 году в штате Аляска, — 21,470 млрд долл.

Стоимость противоракетного комплекса полного состава, развертываемого в 2006 году в штате Северная Дакота составляет 28,639 млрд долл., в штате Аляска — 28,614 млрд долл. (в обоих случаях — с учетом стоимости группировки КА СБРС).

При условии развертывания дополнительных противоракетных комплексов на континентальной части США после 2006 года, стоимость каждого дополнительного противоракетного комплекса оценивается приблизительно в 14,5 млрд долл.

В настоящее время разрабатываемая система ПРО представляет собой систему, предназначенную для перехвата ограниченного количества баллистических целей, атакующих территорию США, то есть, в соответствии с принятой Пентагоном терминологией, является «ограниченной национальной системой ПРО».

Позиция США по проблеме ПРО

Несмотря на то, что в США есть определенное число противников развертывания ПРО (согласно опросу общественного мнения, во время президентских выборов 2000 года около 30% населения США выступило «против» предложенной программы Дж.Буша-младшего по созданию «полномасштабной системы ПРО»), подавляющее большинство аналитиков сходятся в едином мнении — система ПРО США скорее всего будет создана.

По словам американского сенатора Т.Кохрана, основной причиной разворачивания системы ПРО является рост угрозы неспособности США предпринимать необходимые меры для поддержания интересов страны, что, по сути, подразумевает достижение главной цели США — сохранения глобального доминирующего положения.

В этой связи пересмотр существующего Договора по ПРО 1972 года и развертывание системы ПРО рассматриваются США как стремление значительно ослабить роль и

позиции России в мировом сообществе, а также Китая, набирающего геополитический вес.

Необходимо отметить, что Россию, по прямому заявлению директора ЦРУ Дж. Теннета, Вашингтон относит к реальной угрозе.

Более того, Д.Рамсфельд негативно высказался в отношении военно-политического сотрудничества России с Ираном, Индией и КНДР. По словам министра обороны США, Москва очень активно распространяет технологии двойного назначения.

Как следствие, в политическом аспекте развертывание системы ПРО — цель, объединяющая как демократов, так и республиканцев и, следовательно, в Конгрессе США острых разногласий о необходимости создания самой системы ПРО не предвидится.

Новая американская администрация, а конкретнее, «триада» национальной безопасности — госсекретарь К.Паулл, министр обороны Д.Рамсфельд и советник президента по вопросам национальной безопасности К.Райс — акцентирует свое внимание на необходимости создания полномасштабной системы ПРО США, т.е. системы для защиты территории страны от неограниченного количества ракет, так как США повсеместно сталкиваются с угрозами новой эпохи.

Вашингтон проявляет особую озабоченность в связи с увеличивающимся числом стран, владеющих баллистическими ракетами — главными носителями ядерных боеголовок. При этом акцентируется угроза, исходящая от «проблемных стран» — КНДР, Куба, Ливия, Иран, Ирак и Сирия.

Однако, несмотря на обещания республиканцев создать «эффективную и полномасштабную систему ПРО», дальнейшая позиция новой администрации Белого дома по ПРО будет детерминирована следующими факторами:

1. Осуществление планов ПРО однозначно требует выхода США из Договора по ПРО 1972 года, что, несомненно, потребует от Вашингтона жесткого и решительного диалога с Москвой. Учитывая отрицательное отношение России к позиции США по созданию системы ПРО, реализация планов США может привести к обострению отношений с Россией.

2. Администрации Дж.Буша-младшего придется столкнуться с проблемой финансирования программ ПРО.

Для того чтобы действительно развернуть систему ПРО, надо увеличить расходы до 10-15 млрд долл. в год, что потребует либо

резкого увеличения финансирования Организации по защите от баллистических ракет (BMDO) военного бюджета США, в рамках которой осуществляются основные программы создания системы ПРО, либо перераспределения военного бюджета среди военных сфер США (т.е. перераспределение средств между военно-морскими силами, военно-воздушными силами и сухопутными войсками).

Несмотря на тот факт, что за последние пять лет бюджет всего Пентагона постоянно увеличивался (в 1996 году на 20 млрд долл.), бюджет сектора BMDO не превышал 4 млрд долл. в год. Вряд ли стоит ожидать в этом плане радикальных перемен даже с приходом к власти республиканцев.

Предложенный Дж.Бушем-младшим план увеличения финансирования программ научно-исследовательских работ (НИР) для создания системы ПРО на 20 млрд долл. в период 2002–2006 гг., скорее всего окажется недостаточным.

Как следствие, ограничивается возможность выделения необходимых средств на развитие программы ПРО США.

Что касается возможности перераспределения средств среди военных сфер, то внутри Пентагона существуют весьма серьезные противоречия по этому вопросу.

Так называемые главные «компоненты» Пентагона — ВВС, ВМС и сухопутные войска — достаточно ревностно относятся к любому изменению собственного финансирования, тем более если речь пойдет о такой сумме, как 10–15 млрд долл. Следовательно, не стоит ожидать особой успешности выделения средств со стороны ВВС, ВМС или сухопутных войск в пользу финансирования системы ПРО.

3. Администрация Дж.Буша-младшего может столкнуться с проблемой того, что возможное лоббирование интересов некоторых компаний может привести к обострению ситуации вокруг создания системы ПРО.

Таблица. Распределение бюджета Министерства обороны по главным секторам (в млн долл.)

	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
ВМС	79,531	80,650	83,835	87,246
ВВС	73,216	76,284	81,914	81,207
сухопутные войска	64,418	64,045	68,367	69,527

Источник: Министерство обороны США

Учитывая, что в создание системы ПРО уже вложено 60 млрд долл. и планируется

истратить еще порядка 100 миллиардов до 2008 года (по некоторым оценкам — до 300 миллиардов долларов), американский военно-промышленный комплекс заинтересован в дальнейшей разработке проекта.

Однако многие американские фирмы неоднократно обвинялись в фальсификациях и подлогах результатов испытаний разработок. Самый громкий скандал был связан с тем, что системы наведения ракет-перехватчиков оказались неспособны отличить вражескую баллистическую ракету от воздушного шара, движущегося на одинаковой высоте с ракетой.

Военные специалисты уверены, что запуск сотни воздушных шаров способен парализовать систему ПРО.

4. Наконец, самым главным представляется тот факт, что в настоящее время США не располагают в готовом виде той технологией ПРО, которая смогла бы эффективно обеспечить национальную безопасность страны.

Испытания наземных перехватчиков, которые проводила администрация Б.Клинтон (из трех проведенных испытаний в период октябрь 1999 год — июль 2000 год, два потерпели неудачу), вызвали сомнения по поводу эффективности системы ПРО.

Что касается систем ПРО морского и космического базирования, то на их осуществление понадобится еще больше времени (в частности, испытания космического лазера намечены только на 2012 год).

Позиция России по проблеме ПРО

Позиция России по данному вопросу однозначна. Россия категорически против намерений США развернуть систему ПРО.

По мнению главкома РВСН В.Яковлева, сохранение в неприкосновенности Договора будет самым серьезным образом рассматриваться на российско-американском уровне.

Переговоры с США для России будут

сложными, поскольку Вашингтон попытается действовать с позиции силы, используя при этом экономические рычаги, в частности, затронув проблему внешних долгов России, которая не может быть решена без МВФ, т.е., по сути, без США.

В тоже время, по словам первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковника В.Манилова,

российские ракеты способны преодолеть любую систему защиты.

Реальный ответ на американскую инициативу по развертыванию ПРО был продемонстрирован российскими Вооруженными силами 16 февраля нынешнего года, во время командно-штабных учений Генштаба ВС РФ, когда были произведены пуски баллистических ракет с атомной подводной лодки Северного флота и мобильным комплексом баллистического оружия «Тополь» по мишеням на полигонном поле полуострова Камчатка.

Данное событие продемонстрировало готовность Вооруженных сил России к выполнению задачи по нанесению ракетно-ядерного удара. Кроме этого, была проведена тренировка сил по предупреждению о ракетном нападении на Россию, которая успешно зафиксировала пуски ракет.

По словам В.Манилова, США пытаются защититься от «гипотетических» ракетных угроз, которые не существуют на сегодняшний момент и не будут существовать еще, по меньшей мере, 10–15 лет.

Меры, которые способна предпринять Россия для нейтрализации ПРО США, зависят от масштабов и темпов развертывания ПРО на территории США и могут заключаться как в резком повышении способности Стратегических ядерных сил (СЯС) России преодолевать территориальную ПРО, так и в определенной корректировке перспективной структуры СЯС России.

В частности, могут быть сняты многочисленные конструктивные ограничения на совершенствование «Тополь-М» или морской баллистической ракеты РСМ-54.

По заложенным в Договор СНВ-1, а тем более в Договор СНВ-2 параметрам, на этих ракетах может быть значительно увеличено количество боезарядов и эффективных средств преодоления ПРО, что приведет к насыщению или перенасыщению информационных и огневых средств ПРО противника и, как следствие, сделает ее малоэффективной.

Президентом России В.Путиным определен минимально допустимый уровень боезарядов в СЯС для обеспечения ядерного сдерживания – 1500 единиц.

Необходимо отметить, что уточнение параметров сдерживания происходит регулярно, в зависимости от развития стратегических ядерных сил США и других ядерных стран НАТО.

По словам бывшего секретаря Совета безопасности России С.Иванова, Россия способна дать ответ на американские планы ПРО, но в то же время предлагает альтернативную программу действий по укреплению стратегической стабильности, ядерного разоружения и ракетного нераспространения, которая была изложена в заявлении Президента России В.Путина 13 ноября 2000 года.

Россия готова для диалога по всему спектру разоруженческой проблематики. При условии сохранения Договора по ПРО 1972 года, Россия, заявил С.Иванов, готова к обоюдным с США радикальным сокращениям стратегических наступательных вооружений до 1500 боезарядов и даже ниже этого уровня. Россия также готова немедленно начать официальные переговоры с США по Договору СНВ-3.

Следует отметить, что Россия, сознавая необходимость нахождения противодействующих мер против намерений США, выдвинула идею о создании европейской нестратегической системы ПРО.

По заявлениям российских экспертов, предлагаемая Россией европейская нестратегическая система ПРО в отличие от американской ПРО не нарушит достигнутых договоренностей по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Европейская нестратегическая ПРО направлена на борьбу с нестратегическими ракетами, к которым по принятой классификации относятся ракеты с дальностью, не превышающей 3500 км.

Преимущество российских предложений заключается в том, что они не носят блокового характера – в частности, не ограничиваются участием только стран НАТО и России, а предлагаются всем заинтересованным государствам.

По мнению генерал-полковника Л.Ивашова, конкретные предложения по нестратегической европейской противоракетной обороне в корне отличаются от того, что предлагают США. Данная система – это не защита всей территории Европы или ее части, а система, предназначенная для защиты отдельных ракетноопасных направлений.

На первом этапе предлагается созвать экспертное совещание квалифицированных специалистов и оценить реальность угрозы нанесения ударов нестратегическими ракетами по европейским государствам.

При возникновении угроз начнется второй этап – построение концептуальной

модели парирования или нейтрализации этих угроз политическими или иными мирными средствами.

На третьем этапе, если в нем возникнет необходимость, будут создаваться мобильные элементы противоракетной системы и будут размещаться на ракетноопасных направлениях для прикрытия важнейших объектов.

По мнению генерального секретаря НАТО Дж.Робертсона, инициатива российской стороны по созданию европейской нестратегической системы противоракетной обороны может стать альтернативой ПРО США или дополнить ее.

Однако можно предположить, что США вряд ли пойдут на совместную разработку системы ПРО для Европы с Россией по следующим причинам:

- это означало бы задействование российского ВПК, обмен технологиями, создание рабочих мест и т.д. – одним словом, способствовало бы поднятию российской экономики и ВПК. А это противоречит американской стратегии уменьшения значимости России в мировом сообществе;

- если США и готовы обеспечить безопасность своим европейским союзникам, то Вашингтон вовсе не заинтересован в создании противоракетного зонтика для России. Это предоставило бы России возможность для более жесткого подхода в развитии отношений с США и, как следствие, усилило бы ее позиции в мировом сообществе, в том числе и в Европе.

Следовательно, в ближайшее время можно ожидать активизацию внешнеполитического курса как России, так и США именно на европейском направлении, в частности, в отношении Германии, Великобритании и Франции.

Именно Франция может рассматриваться Россией как наиболее реальная европейская опора для сдерживания американского влияния на страны Европы по проблеме ПРО, принимая во внимание отрицательное отношение Франции к стремлению США разрушить существующие механизмы, сдерживающие развертывание противоракетной обороны.

В то же время Россия вряд ли будет концентрироваться только на стремлении получить поддержку исключительно европейских стран.

Скорее всего Россия будет также стремиться к созданию российско-азиатского противовеса планам США, и здесь наибо-

лее реальным кандидатом выступает Китай, который отрицательно относится к американским планам.

Позиции третьих стран

Складывающаяся ситуация вокруг проблемы ПРО такова, что именно четкая и твердая позиция третьих стран и, в первую очередь, европейских союзников США становится одним из определяющих факторов в решении данной проблемы.

На сегодняшний день только четыре страны официально поддерживают позицию США по созданию системы ПРО (Албания, Гондурас, Израиль и Микронезия), тогда как остальные страны, включая и европейских союзников США по НАТО, занимают либо выжидательную позицию, либо призывают Белый Дом, по крайней мере, провести консультации с Россией.

С одной стороны, европейские страны открыто не поддерживают намерения США по созданию ПРО, на чем и старается сыграть Россия, а расхождение во мнениях в НАТО по поводу развертывания ПРО всегда будет играть на руку России, давая Москве возможность для политического маневра.

С другой стороны, европейцы экономически и военно-политически слишком тесно связаны с США, чтобы не считаться с мнением Вашингтона, что дает США возможность оказания давления на позиции европейских стран для достижения собственных интересов.

Здесь необходимо отметить, что нейтральная позиция европейских стран равносильна принятию позиции США.

Выдвинутое же Россией предложение о создании европейской нестратегической системы ПРО не вызвало особого внимания со стороны США, которые, по заявлению К.Райс, не видят в ней той эффективной системы, которая обеспечила бы безопасность территории самих США, так как предназначена только для защиты Европы.

Видимо, приняв к сведению настроения своих европейских союзников, США намеренно решили официально убрать слово «национальная» в обозначении термина «система НПРО США» и заменить его на термин «система ПРО».

Данным шагом, по мнению вашингтонских стратегов, США продемонстрировали открытость для сотрудничества с другими странами в создании самой системы.

Становится очевидным, что США стремятся получить непосредственную поддержку и одобрение своих европейских союзников и «вытеснить» предложение России о создании нестратегической европейской ПРО.

Весомым аргументом в пользу разворачивания такого сотрудничества с США стали проведенные во второй половине 1998 года летние испытания баллистических ракет повышенной дальности в КНДР («Тазподонг-1», до 2,000 км) и Иране («Шахаб-3», 1,300 км).

Данные испытания вызвали определенную озабоченность и у государств, находящихся в пределах радиуса действия испытанных ракет, в частности Японии, Южной Кореи и стран региона Персидского залива.

США используют эту озабоченность для того, чтобы привлечь указанные государства, прежде всего, к финансированию проводимых в США работ по системам ТВД ПРО.

Однако о конкретных результатах этих американских усилий на сегодня говорить еще рано.

США также стремятся вовлечь в реализацию совместных программ по разработке и производству систем ПРО (в первую очередь – ТВД ПРО) Великобританию, Израиль, Канаду, Францию и ФРГ, проводя с ними преимущественно НИР фундаментального характера.

Позиции третьих ключевых стран, с которыми в той или иной степени будет связана дальнейшее развитие событий по проблеме ПРО, выглядят следующим образом:

Великобритания. Официальное заявление Министра иностранных дел Великобритании Р. Кука и недавняя встреча Премьер-Министра Великобритании Т. Блейра с Дж. Бушем-младшим в Вашингтоне, во время которой Т. Блейр был очень осторожен в высказываниях по вопросу о ПРО, свидетельствуют о том, что даже Великобритания, являющаяся самым близким союзником США в Европе, не полностью разделяет позицию Белого Дома в вопросе о создании ПРО США.

Однако, по данным российских экспертов, в случае развертывания США системы ПРО, на территории Великобритании предполагается разместить РЛС системы предупреждения о ракетном нападении и РЛС ПРО.

Кроме того, в окрестностях Менунт Хилл на базе США в г. Харрогейт строится объект, который будет использоваться в качестве наземного элемента многоцелевой

космической информационной системы СБРС.

Германия. Судя по недавнему заявлению Министра иностранных дел Германии Й. Фишера о том, что Германия не собирается выступать в роли посредника между США и Россией, можно предположить, что в конечном итоге Германия скорее всего не будет препятствовать намерениям Вашингтона.

В то же время выдвинутые федеральным Канцлером ФРГ Г. Шредером предложения о внимательном анализе таких моментов, как характеристика реальных планов Вашингтона по развертыванию ПРО, выявление реальных угроз безопасности США и определение, насколько они соответствуют действительности, каковы технические возможности реализации проекта, как это скажется на отношениях с Россией и Китаем, свидетельствуют о том, что Берлин, возможно, и пересмотрит свои позиции в отношении вопроса о посредничестве между США и Россией.

Претендующая на лидерство в ЕС Германия скорее всего ухватится за возможность поднятия своего престижа и значимости не только в глазах своих европейских коллег, но и всего мирового сообщества.

Китай. Пекин выступает против системы ПРО США.

Однако, как отмечают многие аналитики, существует вероятность того, что Китай может пойти на позитивный диалог с США в отношении создания непосредственно самой системы ПРО США, но при этом США должны будут предоставить гарантии Китаю о неразворачивании США системы театра военных действий ПРО в азиатско-тихоокеанском регионе.

Именно намерение США создать систему ТВД ПРО на азиатском континенте вызывает у Китая наибольшую озабоченность, так как это обстоятельство значительно ослабит геополитическое влияние Китая в регионе.

В этой связи Китай резко отрицательно относится к любым формам военного сотрудничества между США и Тайванем, в частности по продаже Тайваню американских миноносцев класса «Азджис».

Китай рассматривает данную сделку как первую ступень на пути к развертыванию системы ТВД ПРО на Тайване. По заявлению заместителя Премьер-Министра Китая Цзянь Цичэня, сделка может серьезно са-

заться на китайско-американских отношениях и вызвать международный кризис.

Многие американские аналитики рассматривают подобное поведение Китая как стремление протестировать нового Президента США, учитывая то обстоятельство, что администрация Дж. Буша-младшего, по сути, до сих пор не определила четкой позиции в отношении Китая – рассматривать Китай как угрозу национальным интересам США или как выгодного партнера.

Израиль. Израиль, разворачивающий собственную систему ПРО, активно сотрудничает с США в этой области, что позволяет США иметь прямой доступ ко всем результатам проводимых в Израиле НИОКР.

Принципиально важным для США при этом является тот факт, что в плане решения практических вопросов отработки техники ПРО и разрешения возникающих при этом научно-технических проблем израильская программа на некоторых направлениях значительно опережает американские программы.

По этой причине использование полученных в результате сотрудничества с Израилем данных позволяет США более эффективно и с меньшими затратами разрабатывать свои собственные системы ПРО.

Выводы

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на сегодняшний день проблема ПРО является одной из наиболее важных детерминантов в развитии дальнейших отношений между США и Россией и во многом будет определять характер дальнейшего двустороннего сотрудничества.

Учитывая всю сложность проблемы, четкая позиция третьих стран, в первую очередь европейских союзников США, по вопросу о ПРО имеет принципиально важное значение для последующего урегулирования разногласий между США и Россией и дальнейшей судьбы Договора по ПРО 1972 года.

Здесь важно отметить, что для укрепления своей позиции Москве необходима поддержка третьих стран, тогда как Вашингтону достаточен и их нейтралитет, что и наблюдается в настоящее время.

В целом современные тенденции политики США по вопросу о ПРО сводятся к тому, что система противоракетной обороны США будет создана, но не ранее 2008 года.

Несмотря на неоднозначную реакцию мирового сообщества, Вашингтон для себя уже давно решил, что работа над созданием американской противоракетной обороны будет вестись, невзирая ни на какие обстоятельства. И решающим фактором здесь выступает не тот факт, что в программу усовершенствования системы ПРО США уже вложены немалые научно-технические и материальные средства, а что создание ПРО является неотъемлемой частью стратегии США, направленной на доминирование в мире.

Тенденция проводимой политики США по проблеме ПРО может привести к следующим последствиям:

- Независимо от масштабов развертывания системы, – в ограниченном или полномасштабном виде, – это, очевидно, повлечет за собой выход США из Договора по ПРО 1972 года и, как следствие, разрушится регулирующий механизм, сдерживающий страны от нанесения безнаказанного ядерного удара. Это приведет к охлаждению российско-американских отношений, так как позиция России скорее всего не будет учтена.

- Развертывание системы ПРО опасно для разрушения существующего статус-кво в мире по вопросу ядерной безопасности. Главной опасностью, по мнению многих экспертов, может стать ситуация, которая неизбежно приведет к очередному витку гонки вооружений в мире.

- Намерение США может повлечь за собой угрозу срыва дальнейшего сокращения стратегического наступательного вооружения (СНВ). Россия может отказаться от намерения сократить свои СНВ до уровня 1500 единиц, вопреки ранее достигнутым договоренностям с США. Такой шаг со стороны России может стать ответным действием на стремление США развернуть систему ПРО. Скорее всего к середине 2001 года новая администрация Белого дома сформулирует свою переговорную позицию по СНВ и стратегическим оборонительным системам.

Усиление антиамериканских настроений и создание антиамериканских альянсов и, как следствие, возможное обострение отношений в мировом сообществе. Вполне вероятно создание противоборствующих блоков по вопросу о дальнейшей судьбе Договора по ПРО 1972 года в лице, с одной стороны, США и их союзников, России и Китая и их возможных сторонников, – с другой.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОПЫТКА АНАЛИТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Сыздыков М.З.

Современное состояние международных отношений, на наш взгляд, можно охарактеризовать несколькими главными тенденциями глобального и регионального масштабов:

Первое. Снижение эффективности сложившейся и попытки создания новой системы безопасности, а также трансформация роли ООН.

Одним из важных трендов глобального характера в последнее время стала трансформация существующей международной системы безопасности. При этом Соединенные Штаты стремятся закрепить свое доминирующее положение в международных делах.

Ключевая роль в трансформации существующего мирового порядка отводится НАТО. Таким образом, Североатлантический блок реально становится важнейшим инструментом закрепления мирового лидерства США и одним из главных регуляторов процессов международной безопасности.

Эти стратегические ориентиры нашли свое отражение в **новой Стратегической концепции НАТО**, принятой в Вашингтоне на юбилейном саммите Североатлантического альянса. Стратегическая концепция НАТО обозначила новые подходы Альянса к обеспечению безопасности, влияющие на всю систему сложившейся международной безопасности.

Второе. Противоречия между Россией и США.

В течение последних лет разногласия между РФ и США были кристаллизованы в нескольких проблемных узлах:

- операция НАТО в Косово;
- стремление США к пересмотру Договора о противоракетной обороне.

Появление новых ядерных держав и ослабление бывшего главного контрпартнера – России толкают США на ревизию Договора о ПРО. В целом, в сложившихся условиях сохранение Договора о ПРО от 1972 г. больше выгодно России, нежели США. Разрыв Договора окончательно за-

репит второстепенную роль РФ по отношению к США в военно-политической области в мировом масштабе;

– война на Северном Кавказе и маршруты основных экспортных трубопроводов на Каспии.

Третье. Военно-политическое противостояние США и Китая

По мере роста политической и экономической мощи КНР, Вашингтон проявляет все большую обеспокоенность формированием влиятельного полюса, который может стать реальным противовесом американскому мировому лидерству.

Роль Китая как глобального стабилизатора наглядно проявилась в ходе финансово-экономического кризиса в Юго-Восточной Азии. Важную стабилизирующую роль Китай играет и в урегулировании обострившегося в последние годы противостояния Индии и Пакистана.

При этом американская стратегия направлена на всемерное сдерживание растущего влияния Китая для обеспечения жизненно важных интересов США в азиатском регионе и мире.

За последнее время произошло **значительное ухудшение китайско-американских отношений** по двум основным позициям:

- противоречия по косовской проблеме;
- намерение Вашингтона включить Тайвань в американско-японскую систему ПРТВД.

Вместе с тем, несмотря на существование острых проблемных узлов, обе стороны заинтересованы в налаживании стабильных и партнерских отношений, прежде всего в экономической области. Китаю нужна в Соединенных Штатах как экспортный рынок, а также с точки зрения инвестиций и технологий.

По всей вероятности, в ближайшее время экономические интересы не дадут руководству КНР и США допустить чрезмерного спада в отношениях, тем более перехода к открытой конфронтации.

Четвертое. Одним из ключевых факторов геополитики в начале XXI века бу-

дущее скорее всего увеличение стран, обладающих ядерным оружием.

Сегодня остается напряженной обстановка в Южной Азии. Предпринятые после ядерных взрывов Индии и Пакистана усилия мирового сообщества по разрешению кризиса пока не привели к позитивным результатам. Индия и Пакистан интенсивно продолжают разрабатывать свои ядерные программы.

Об опасности «ядерной» тенденции говорит тот факт, что сегодня насчитывается свыше десятка пороговых стран, способных создать или желающих приобрести ядерное оружие (Израиль, ЮАР, Иран, Ливия, Аргентина, Бразилия, Северная Корея, Ирак, Тайвань, Южная Корея). Кроме этого, к пороговым государствам можно причислить страны, имеющие развитую атомную промышленность.

Ряд пороговых стран находится в сложных, а порою и враждебных отношениях с США. Увеличение ядерных государств представляет реальную угрозу обеспечению глобальной безопасности. А наличие его у политически нестабильных государств резко повышает потенциальную вероятность применения ядерного оружия.

Распространение ядерного оружия объективно выступает одним из серьезных факторов мировой геополитики в XXI веке.

Учитывая указанные выше теоретические и практические складывающиеся международные условия, Республика Казахстан демонстрирует свое видение международных отношений.

Казахстан не является в них крупным игроком. В этой связи он должен адекватно оценивать свой потенциал, геополитическое положение, возможности своей внешней политики. В книге «Под стягом независимости» Премьер-Министр Казахстана К.Токаев, долгое время занимавший в правительстве пост Министра иностранных дел, пишет: «В самом деле, было бы непонятно и даже смешно, если бы Казахстан стал претендовать на лидирующие позиции в международных вопросах, которые не соответствуют его статусу. В то же время было бы неоправданным замкнуться в кругу собственных проблем и индифферентно взирать на происходящее вокруг».

Исходя из этого, внешнеполитический курс Казахстана является отражением состояния современных международных отноше-

ний. С периодом обретения суверенитета, независимости, отхода от монополии коммунистической идеологии Казахстан выдвинул ряд внешнеполитических принципов, а вместе с ними действий и инициатив.

Первое. Важным принципом казахстанской внешней политики выступает **многовекторность**. Речь в первую очередь идет об обеспечении собственной независимости, а также возможности принимать наиболее оптимальные решения посредством построения взаимовыгодных отношений со всеми государствами. Данный принцип предполагает поиск баланса сил в сотрудничестве с разными геополитическими и экономическими «центрами силы». Так, находясь между Россией, Китаем и мусульманским миром, Казахстан развивает сотрудничество со всеми, параллельно развивая отношения с мировым лидером – США, крупнейшим международным рынком – ЕС, а также странами АСЕАН и Японией.

Казахстан установил сотрудничество со всеми основными институтами международного сотрудничества – международными форумами и организациями.

Второе. Укрепление глобальной и региональной безопасности.

Важнейшим шагом для укрепления глобальной безопасности стал отказ от ядерного оружия. Республика сотрудничает с различными международными организациями, обеспечивающими безопасность, такими, как ОБСЕ, МАГАТЭ, НАТО и другие, присоединилась к таким договорам, как ДНЯО, ДВЗЯИ, РСМД и прочие.

Также значительным действием стало вступление Казахстана в систему Договора о коллективной безопасности (ДКБ), который является пока единственным реальным инструментом обеспечения внешней безопасности государства в регионе.

Еще одним шагом в области укрепления международной и региональной безопасности стала инициатива созыва Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), высказанная на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Важное место в обеспечении национальной безопасности является участие Казахстана в такой организации, как «Шанхайская пятерка». В рамках этого форума обеспечено взаимное доверие в области границ пяти стран-участниц, что существенно образом укрепляет региональную безопасность.

Третье. Развитие регионального сотрудничества. Помимо вопросов безопасности и многовекторности, а также с учетом мировой тенденции экономической глобализации, Казахстан выдвинул и поддержал ряд инициатив по региональному сотрудничеству, наиболее значимыми из которых явились: Содружество Независимых Государств, Центральное-Азиатское Экономическое Сообщество (ЦАЭС), Евразийское Экономическое Сообщество, Организация Экономического Сотрудничества (ОЭС) и др.

СНГ является организацией, обеспечивающей существование инфраструктуры, доставшейся независимым государствам с развалом Союза. Насколько эффективна его работа, настолько эффективно сохраняется и создается существующая экономическая инфраструктура.

Интеграция в Центральной Азии является важнейшим приоритетом в развитии государств региона (вопросы создания рынка с населением более 50 миллионов, вопросы решения проблем безопасности, вопросы водообеспечения и проч.). В частности, 30 апреля 1994 г. подписан трехсторонний Договор о создании Единого экономического пространства между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном.

Интеграционные процессы в СНГ происходят с различной скоростью, в этой связи им необходимы различные подходы. Так,

были созданы различные блоки – ГУУАМ, Таможенный Союз, Интеграционный Комитет и проч. В 1993 г. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев выдвинул идею создания Евразийского союза, предполагающую кардинально новые подходы к интеграции на постсоветском пространстве. В 2000 г. эта идея нашла свое практическое воплощение в создании Евразийского Экономического Союза.

Для интеграции в мировой рынок на юго-восточном направлении Казахстан подал заявление о вступлении в Организацию экономического сотрудничества. В ноябре 1992 года он был принят в ее члены на чрезвычайном заседании министров государств-участниц.

Вышеуказанные принципы явились значительным фактором реализации внешнеполитического курса Республики Казахстан. В данной связи можно отметить, что внешняя доктрина государства отвечает всем основным парадигмам современных видений международных отношений, а также реальному положению, складывающемуся в международной геополитической борьбе.

Таким образом, Казахстан в целом создал достаточно эффективную модель внешней политики, которая способна адекватно реагировать на процессы и тенденции развития современных международных отношений.

Литература:

1. Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки внешней политики. – Алматы, 1997. – С. 14

ОБ ИДЕЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ

Ибраев Ж.У., Енсебаева Э.Т.

К концу двадцатого века в Европе нашлись вдохновители идеи Соединенных Штатов Европы (СШЕ). Открыто в СМИ эта реанимация началась с выступления Министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера в Университете им. Гумбольдта в июне 2000 года. Его выступление носило название: «От союза государств к федерации». Правда, Й. Фишер не употребляет понятие СШЕ, но весь смысл его выступления сводится к этому [1].

Выступление Й. Фишера о том, какую политическую форму должна принять интегрированная Европа, вполне логично. После того, как Европейский Союз (ЕС), преодолел

много препятствия на пути своего развития, создав единый рынок, единую экономическую и валютную систему, ввел единую монету «Евро», – это в экономической области, – ввел принципы общей внешней политики и политики безопасности, учредил пост главного координатора общей внешней политики и политики безопасности и, наконец, принял решение о создании, правда в ограниченном количестве, европейской армии миротворческим характером, и вполне справедливо перед Европейским Союзом встал вопрос о политической форме европейской интеграции.

И здесь вполне логично всплывает старая идея, выдвигавшаяся великим французским писателем В. Гюго в 1849 году на Первом конгрессе сторонников мира [2]. В противовес антинародной политике европейских правителей тех времен, разжигавших националистическую вражду и войны между народами Европы, В. Гюго выдвинул идею братства между народами Европы, призвав их к единению и образованию единого европейского государства по примеру США, то есть к созданию СШЕ.

Таким образом, идея СШЕ была публично выдвинута. Постепенно она стала завоевывать умы европейцев, главным образом передовых европейцев, думавших о том, как избежать вражду и войны в Европе, о единении европейцев при полном сохранении идентичности европейских наций и стран. Разумеется, были, и их немало, и противники этой идеи, яростно ее критиковавшие.

Идея СШЕ то угасала, то вспыхивала вновь с новой силой, особенно тогда, когда в Европе полыхал пожар войн или вспыхивали революции. Так, например, было во времена первой и второй мировых войн. И, естественно, в таких случаях защитники и противники идеи СШЕ активизировались. Одним из самых яростных критиков идеи СШЕ был В.И. Ленин, опубликовавший в 1915 году, т.е. в самый разгар первой мировой войны, известную статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой с классовых позиций критиковал идею СШЕ, считая, что единение Европы было бы в интересах крупного европейского капитала против пролетариата, демократии и социализма [3]. К счастью, оценки и опасения вождя пролетарской революции не оправдались. После второй мировой войны идея единения Европы, европейской интеграции вступила в новую фазу.

В условиях холодной войны и биполярности Европа не хотела быть местом, где две супердержавы выясняли отношения между собой, Европа хотела взять свою судьбу в собственные руки, а это было возможно только, если Европа объединится и будет составлять единое целое и выступать как субъект международного права.

Европейская интеграция, стартовавшая в 1950 году, развивалась по двум каналам – экономическому, когда было создано Европейское Объединение Угля и Стали, а затем Европейское Экономическое Сообщество, и политическому, когда в 1953 г. была сделана

попытка создания Европейского Политического Сообщества [4]. Если экономическая интеграция развивалась более или менее успешно, то дело с политической интеграцией шло очень плохо. Это объяснялось тем, что именно политическая интеграция во многих случаях задевала область государственного суверенитета. А это самая болезненная тема. Тем не менее процесс политической интеграции медленно, с большими осложнениями, но шел. И в 1986 г. процесс европейской экономической интеграции и процесс политической интеграции слились воедино, когда страны, участвовавшие в интеграции, решили проводить общую внешнюю политику и политику безопасности, а позднее создать европейскую армию, взяв таким образом вопросы обороны в собственные руки. С этого момента ЕЭС трансформировалось в Европейский Союз. Произошло это в 1992 г.

ЕС развивался успешно, демонстрируя всему миру преимущества интеграции. К нему потянулись многие европейские страны, прежде всего Центральной и Восточной Европы. Первоначально в составе ЕС было шесть, затем двенадцать, потом пятнадцать стран. Сейчас в него изъявили желание вступить двенадцать европейских стран. Это сразу создало проблему для ЕС, речь пошла о том, как руководить таким большим объединением, какие методы использовать при принятии особо важных решений, затрагивающих государственный суверенитет. И самое главное, какую политическую форму должна иметь интегрированная Европа.

ЕС подошел в своем развитии к фазе, когда во весь рост встал вопрос, что из себя должна представлять интегрированная Европа, в какую политическую форму она должна облачиться. Отсюда та дискуссия, которую начал Министр ФРГ Й. Фишер и Президент Франции Ж. Ширак (последний выступил в германском рейхстаге). Й. Фишер и Ж. Ширак предложили реформировать политические институты ЕС. Й. Фишер сказал, что ЕС должен трансформироваться из союза в федерацию. Ж. Ширак в какой-то степени согласился с мнением Й. Фишера, но с некоторыми оговорками [5].

Выступления Й. Фишера и Ж. Ширака вызвали большую полемику в Европе. Она развернулась вокруг политического устройства интегрированной Европы. Между тем имеется давно существующая формула политического устройства Европы. Она формулируется следующим образом: «Европа-госу-

дарств или Европа-отечеств?» Так какую из них предпочитают европейцы, или, точнее, какую модель интегрированной Европы?

«Европа-государств» – это давно знакомая конфедерация государств, которая уже имела место в Европе. Швейцарская модель здесь не подходит, потому что это конфедерация кантонов с этническими группами в рамках одного государства. Между прочим, нынешнее устройство ЕС – это и есть конфедерация, только более современная. Но эта форма уже не устраивает европейские страны, участвующие в интеграции.

«Европа-отечеств» – это и есть федерализм, за который ратует Й.Фишер. Эта формула означает, что французы, немцы, англичане, испанцы и т.д., образуя европейскую федерацию, должны согласиться в том, что необходимо уступить часть своего государственного суверенитета в пользу федеративных органов. Эти уступки касаются, прежде всего, таких областей государственного суверенитета, как оборона, внешняя политика, безопасность, коммуникации, транспорт, экономика и некоторые другие. Однако каждый европеец будет знать, что у него есть отечество, свой национальный язык, своя культура, обычаи, нравы и т.д. Таким образом, будет сохранена национальная идентичность каждой страны, участвующей в интеграции. Несмотря на уступки части государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов, у стран, входящих в федерацию, останется еще значительная доля того самого государственного суверенитета. Говоря о будущей европейской федерации, Й.Фишер предложил начать реорганизацию институтов ЕС с преобразованием Европейского Совета или Исполнительной Комиссии в Европейское Правительство и для защиты интересов каждой страны при принятии важных решений строго придерживаться принципов квалифицированного большинства.

Й.Фишер не употребляет понятие СШЕ, но весь ход его рассуждений о будущей европейской федерации логически свидетельствует о том, что речь идет о СШЕ. Ясно, что он спешит со своим проектом федеративного устройства Европы. Европа еще не готова к восприятию его предложения. Отсюда та критика в СМИ идеи Й.Фишера. Все считают, что это его личное, а не официальное мнение. Ж.Ширак, выступая в Берлине, в рейхстаге и на пресс-конференции сказал, что не надо спешить, ускорять процесс европейской политической интеграции, следует, по его

мнению, идти шаг за шагом по пути политической интеграции, укрепляя при этом франко-германское сотрудничество, которое и является мотором европейской интеграции. «Принятая Хартия фундаментальных прав ЕС», – сказал он, – является частью будущей европейской конституции».

Осторожность, проявляемая многими руководителями стран ЕС в вопросах политической интеграции, объясняется тем, что европейская общественность еще не готова к восприятию в полной мере европейских наднациональных институтов, в сознании европейцев еще глубоко сидит мысль о национальной идентичности, гарантом которой является государственный суверенитет. Европейцы готовы к интеграции на уровне общества, экономики и защиты политических прав, но их сознание еще не готово к интеграции на уровне политических институтов. Поэтому многие исследовательские центры европейских стран заняты поиском таких приемлемых форм федеративного устройства, которые сохраняли бы идентичность европейских наций, участвующих в интеграционном процессе. Европейцы глубоко переживают потерю государственного суверенитета в процессе интеграции.

Но, несмотря ни на что, Европа интегрируется, она становится единой и со временем будет выступать на международной арене как единое целое, как субъект международного права.

Дискуссии о политической форме объединяющейся Европы продолжаются, о чем свидетельствует выступление Канцлера Германии Герхарда Шредера в журнал «Шпигель», когда он предложил реорганизовать институты Европейского Союза, именно, Исполнительную Комиссию преобразовать в Правительство, Парламент предоставить право формирования бюджета, Совет Министров трансформировать в верхнюю палату Европейского Парламента и в целом принять общеевропейскую Конституцию [6].

По своему характеру эти предложения соответствуют духу идеи Соединенных Штатов Европы.

И здесь необходимо отметить, что формула «Европа-государств или Европа-отечеств» не принадлежит авторам данной статьи, она принадлежит Шарлю де Голлю, президенту которого, собственно, и начался в полной мере процесс экономической и политической интеграции Европы [7].

Литература:

1. Фишер Й. От союза государств к федерации. Университет Гумбольдта. Июнь, 2000. <http://www.elisee.fr/disk.htm>
2. Гюго В. Речь на Первом конгрессе сторонников мира в Париже (1849 г.). – ПСС., Т. 15. – С. 205.
3. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. – ПСС., Т. 26. – С. 351–355.
4. Declaration Du 9 Mai 1951 // Mond. 9 Mai, 1951.
5. Ширак Ж. Выступление в германском рейхстаге. <http://www.ausuaertiges.amt.de>
6. G.Schroders vorschlage zur EU-reform // Spiegel. 30 April, 2001, № 18. <http://www.Spiegel.de>
7. Gaulle Ch.de. Pour l'avenir. – Extraits – Paris, 1973. – P. 229.

СИНЬЦЗЯН ВЧЕРА И СЕГОДНЯ к 45-й годовщине образования

Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

(окончание, начало в № 3-4, 2000)

Сыроежкин К.Л.

Социально-экономические преобразования в городах

Начавшиеся социально-экономические преобразования в сельской местности не могли не охватить и городские слои насе-

лая и химическая промышленность, где рост числа предприятий происходил за счет крупных и средних и куда преимущественно и направлялись централизованные бюджетные ассигнования (См.: Таблицы 7–9).

Таблица 7. Объем и структура промышленного производства в СУАР КНР (1978–1998 гг.) (млн юаней)

Годы	Объем промышленного производства	Общественная форма собственности	Коллективная форма собственности	Частная форма собственности	Иные формы собственности
1978	3.391,0	3.022,0	369,0		
1985	8.678,0	7.318,0	1.193,0	120,0	47,0
1987	11.564,0	9.577,0	1.632,0	220,0	135,0
1990	21.992,0	17.652,0	37672,0	339,0	329,0
1995	59.052,0	46.131,0	86924,0	1.621,0	267,0
1998	75.801,0	50.108,0	8.549,0	5.487,0	11.657,0

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 348.

Таблица 8. Капитальные вложения в различные сектора экономики (млн юаней)

Годы	Всего	Государственный сектор			Коллективный сектор	Частный сектор
		Всего	Капитальное строительство	Реконструкция		
1981–1985	14.912,9	13538,6	8.568,0	2.843,3	698,7	684,7
1986–1990	33.197,3	28.177,8	16.188,0	6.237,9	21.100,1	2.909,4
1991–1995	116.221,9	97.938,9	66.296,7	18.071,6	5.450,9	8.088,8
1996	38.784,7	31.118,1	20.793,8	6.708,2	2.216,4	3.301,1
1997	44.681,5	36.324,5	25.139,2	7.118,1	2.126,0	4.067,3
1998	51.976,7	42.255,2	69.084,5	6.908,5	2.089,8	4.118,7

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 131.

Таблица 9. Капитальные вложения в различные секторы экономики (млн юаней)

Тип предприятия	Число предприятий	Объем выпускаемой продукции			
		в ценах 1990 г.		в текущих ценах	
		(млн юаней)	%	(млн юаней)	%
Всего	7068	41.138,5	100,0	69.844,9	100,0
по формам собственности:					
государственные предприятия	2800	26.938,7	65,5	50.107,5	71,4
в том числе:					
предприятия центрального подчинения	7737	18.319,6	68,0	37.030,3	73,9
местные предприятия	1663	8.619,2	32,0	13.077,3	26,1
коллективной формы	3518	5.515,5	13,4	7.600,0	10,9
акционерные	122	545,5	1,3	816,9	1,2
совместные	83	246,4	0,6	331,6	0,5
фирмы с ограниченной ответственностью	237	4.263,1	10,4	5.863,3	8,4
частные	187	524,0	1,3	684,1	0,98
с капиталом из Гонконга, Домэня и Тайваня	55	6.605,9	16,1	9.504,8	13,6
с др. иностранным капиталом	58	5.001,2	12,2	6.561,7	9,4
по масштабам предприятия:					
особо крупные	3	10.590,0	25,7	23.374,0	33,7
крупные	44	7.498,2	18,2	12.555,6	18,4
средние	170	6.916,5	16,8	9.504,4	13,6
мелкие	6851	16.133,8	39,3	23.930,8	34,3

Источник: Синьцзян туңцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 349.
Все расчеты сделаны автором.

Новые подходы в стратегии индустриального развития региона предопределили изменение подходов к различным социальным слоям городского населения, а также новые тенденции их формирования и развития.

Особенности формирования рабочего класса в 80–90-е годы характеризовались следующими чертами. Во-первых, сосредоточение рабочего класса происходило преимущественно в районах Северного Синьцзяна; причем на более крупных и экономически эффективных предприятиях, как правило, центрального подчинения.

Во-вторых, наблюдалась тенденция распыления рабочего класса (особенно из числа лиц неханьских этнических групп) по мелким предприятиям коллективной формы собственности.

В-третьих, подавляющую часть рабочих составляли сельскохозяйственные рабочие и, хотя в конце 80-х – начале 90-х годов наметилась тенденция к их сокращению, в 1998 г. их удельный вес в общей численности рабочих и служащих оставался весьма значительным, достигая 28,1%. Напротив, несмотря на стре-

предприятиях СУАР, сопровождающаяся сокращением учеников и «замораживанием» роста управленческого аппарата. Однако эта тенденция имела место только на промышленных предприятиях; в структуре рабочих и служащих, занятых в других отраслях производства, дело обстояло противоположным образом.

В-четвертых, в годы шестой пятилетки наметились тенденции к сокращению удельного веса женщин в структуре рабочих и служащих СУАР, изменения источников пополнения отряда рабочих и служащих (формирование рабочего класса преимущественно за счет городского населения), а также старения рабочих и служащих (См.: Таблицы 10–11).

Наконец, фактически без изменений оставалась этническая структура категорий «рабочие и служащие», в которой представители национальных меньшинств составляли от 11 до 49%, причем в сферах сосредоточения рабочего класса – от 8 до 22%. На больший удельный вес представителей национальных меньшинств наблюдались в непроизводственных отраслях: образование, ку-

мительное промышленное развитие СУАР КНР, прирост промышленных рабочих происходил медленно и за период 1978–1998 гг. их доля в общей численности рабочих и служащих увеличилась с 20,7% лишь до 23,4%. Безусловно, положительной являлась наметившаяся в эти годы тенденция к увеличению удельного веса производственных рабочих и инженерно-технического персонала на промышлен-

Таблица 10. Распределение трудовых ресурсов СУАР КНР по сферам народного хозяйства (1978–1998 гг.) (тыс. человек)

Сферы занятости	1978	1988	1998
Численность неханьских этнических групп населения	7.201,1	8.732,4	10.732,4
Численность сельского населения	9.116,1	7.838,2	8.719,3
Численность городского населения	3.214,0	6.426,0	8.754,2
Численность населения, занятого в сельском хозяйстве	9.001,1	9.9506,1	11.308,8
Численность не занятого в сельском хозяйстве населения	3.329,0	4.758,1	6.164,7
Общая численность трудовых ресурсов	4.912,5	5.937,1	6.809,2
в том числе:			
растениеводство, животноводство, лесоводство и рыболовство	3.539,9	3.662,2	3.878,0
добывающая промышленность	102,2	132,0	229,1
обрабатывающая промышленность	407,7	591,1	575,9
энергетика	14,3	31,3	57,5
строительство	180,0	260,8	199,7
геологоразведка и мелиорация	52,6	73,8	35,7
транспорт и связь	136,0	196,0	231,9
оптовая и розничная торговля	139,0	342,5	664,6
финансы и страхование	12,5	36,6	49,1
коммунальные службы	0,2	2,3	8,6
бытовое обслуживание	21,0	60,2	144,4
здравоохранение, спорт, социальное обеспечение	44,8	72,7	89,7
образование, культура, искусство, радио и телевидение	143,3	249,2	323,8
наука и комплексное техническое обслуживание	21,0	31,1	27,2
государственные и партийные органы, общественные организации	88,2	194,7	244,8
другие отрасли	9,8	0,6	49,2

Источник: Синьцзян туңцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 57, 59, 87–88.

Таблица 11. Источники пополнения трудовых ресурсов города в СУАР КНР (1985–1998 гг.) (тыс. человек)

	1985	1990	1995	1996	1997	1998
Всего	108,7	153,0	194,4	195,1	237,0	43,9
в том числе:						
трудоустроены на:						
государственные предприятия	75,9	96,1	127,0	153,5	153,9	154,7
предприятия коллективной формы собственности	22,8	43,2	24,4	26,5	24,4	21,3
предприятия иных форм собственности	2,0	2,0	4,73	7,9	5,2	9,2
организовали свое дело	8,0	11,7	8,3	7,2	53,5	58,7

Источник: Синьцзян туңцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 104.

тура, искусство, финансы и страхование, здравоохранение, спорт и социальное обслуживание, а также торговля, общественное пи-

сегодняшней ситуации в СУАР КНР является и то обстоятельство, что пополнение рядов рабочих и служащих за счет местных эт-

тание, служба быта и материальное снабжение. Наименьший – в наукоемких отраслях и на промышленных предприятиях, особенно крупных [25].

Характерной и весьма существенной приметой времени для понимания

нических групп осуществляется только на местных предприятиях, на предприятиях центрального подчинения, производящих, как мы видели выше, львиную долю промышленной продукции, этого не наблюдается [26].

С началом проведения в китайской экономике радикальных реформ произошли некоторые изменения в профессиональной подготовке рабочего класса Синьцзяна, хотя неправомерно было бы утверждать, что они привели к его качественному переорождению. Несмотря на повышение общеобразовательного и профессионального уровня синьцзянских рабочих, большая их часть имела лишь начальное образование и по уровню своей подготовки была не способна овладеть новой техникой. Слабой оставалась и профессиональная подготовка рабочих и служащих СУАР, занятых в промышленных отраслях, что объяснялось, прежде всего, неразвитостью системы профессионально-технической подготовки и медленными темпами ее внедрения.

Существенное значение имел и этнический фактор. По сравнению с ханцами, профессионально-технический уровень рабочих и служащих из числа национальных меньшинств остается существенно ниже. Низким остается и уровень инженерно-технического представительства на промышленном предприятии автономного района, причем это касалось как количественной, так в основном и качественной стороны. Даже на ведущих предприятиях удельный вес инженеров и техников в общей массе рабочих и служащих в середине 80-х годов не превышал 4%.

Все эти факторы свидетельствуют о том, что, несмотря на включение СУАР в общий поток осуществляемых в КНР социально-экономических реформ, структура рабочих и служащих автономного района, недостаточность технического персонала и высококвалифицированных рабочих не давали возможности для перевода экономики в новое качественное состояние; автономный район оставался не подготовленным к самостоятельному эффективному индустриальному развитию не только на мировом уровне, но и в масштабах Китая. Требовалось принятие срочных мер для повышения качественного состояния его трудовых ресурсов, включения механизмов, позволяющих в полной мере раскрыть потенциал автономного района.

Главными мероприятиями, предпринимаемыми в этом направлении, было развитие образования (в том числе национального),

активизация деятельности научно-технической и творческой интеллигенции, а также привлечение высококвалифицированных специалистов из внутренних районов Китая и зарубежных стран.

Одновременно с этим на государственном и региональном уровнях предпринимаются усилия по подготовке научно-технических специалистов, управленцев и педагогических кадров. На государственном уровне решается вопрос о закреплении автономных национальных образований за более развитыми в экономическом и культурном отношении регионами КНР. Для СУАР в качестве таковых определяется провинция Цзянсу с такими ее индустриальными центрами, как города Нанкин и Шанхай [27].

Эти мероприятия, безусловно, дали свои результаты, но качественно изменить сложившуюся ситуацию они были не в состоянии. Многолетние усилия в «перевоспитании специалистов физическим трудом», в истреблении «ядовитых трав» все же принесли свои плоды — многие из опытных специалистов так и не вернулись из тюрем и ссылки, а те, которые остались в живых, оказались истощенными (и физически, и морально) и в значительной мере утратившими свою квалификацию. Что касается поколения «культурной революции», то оно оказалось профессионально неподготовленным. Поэтому даже полная реабилитация и возврат оставшихся специалистов на свои места существенным образом не повлияли на крайне тяжелое положение народного хозяйства, последнее оставалось оголенным и обескровленным [28]. Даже количественно автономный район не был обеспечен научно-техническими специалистами и управленческим персоналом; еще более плачевно обстояли дела с качественными и этническими характеристиками этих социальных категорий.

С одной стороны, доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди специалистов в СУАР остается незначительной. С другой, несмотря на существенный рост представительства национальных меньшинств в этой социальной категории, это увеличение происходит почти исключительно за счет стремительного роста преподавательского состава учебных заведений, имевшего место в 90-е годы. Все остальные категории технических специалистов представлены преимущественно ханьской этнической группой. Так, в 1996 г. в СУАР насчитывалось 325,3 тыс. специалистов, составляющих

10,37% от общей численности рабочих и служащих. Среди них более 140 тыс. или 43,04% являлись представителями национальных меньшинств [29]. Это, безусловно, внушительная цифра. Однако если мы обратим внимание на тенденцию роста специалистов в СУАР (См.: Табл. 12), то увидим, что их рост происходил преимущественно за счет преподавательских кадров, которые формировались преимущественно из числа представителей неханьских этнических групп. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество специалистов на предприятиях центрального подчинения почти вдвое превышало их число на местных предприятиях. С учетом этнической структуры рабочих и служащих на тех и других предприятиях можно говорить об ограниченной доле специалистов из числа национальных меньшинств.

Таблица 12. Численность различных категорий специалистов в СУАР КНР (1978–1998 гг.) (человек)

Категория специалистов / год	1981	1987	1990	1992	1995	1998
Общая численность	120.277	188.330	241.524	404.540	437.209	355.878
Инженерно-технические работники	31.669	63.145	92.383	95.814	109.463	59.009
Техники в сельском хозяйстве	15.370	21.779	25.089	25.432	28.096	27.727
Техники в здравоохранении	44.840	61.033	71.906	74.149	79.014	60.008
Научные работники	3.816	3.816	4.326	5.094	4.825	2.701
Преподаватели	24.582	38.692	47.820	204.051	215.811	206.433
Численность специалистов на 10000 рабочих и служащих	532	773	923	1.296	1.402	1.256
Численность специалистов на 10000 населения	93	134	158	263	263	204

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. — Урумчи, 1999. — С. 632.

Не менее существенны еще несколько замечаний. Первое, даже на крупных и средних промышленных предприятиях доля технических специалистов в общей численности рабочих и служащих не превышает 5%, а на предприятиях легкой, текстильной и обувной промышленности — менее 2%. Второе, 75,5% технических специалистов работают в Северном Синьцзяне, причем 80% из них в поясе Урумчи — Санджи — Шихэцзы — Карамай. В Южном Синьцзяне работает 24,5% общего числа технических специалистов, причем на промышленных предприятиях только 15,9%. В некоторых районах Южного Синьцзяна доля специалистов не превышает 2,5% от их общего числа в автономном районе. Например, в Кызылсу-Киргизской автономной области — 0,7%, Кашгарском округе — 2,5%,

Хотанском округе — 1,9%. Третье, имеет место тенденция к старению технического персонала в СУАР. Из числа занимающих в 1985 г. высшие технические должности специалистов в 1990 г. 45% достигли пенсионного возраста, а 75,5% занимающих должности среднего звена достигнут пенсионного возраста в 2000 г. [30].

Более того, расширение сети национальных школ и ускорение процесса национального образования стали, не решив проблемы противоречия между огромными потребностями народного хозяйства в специалистах высокой квалификации и ограниченными возможностями их подготовки, предопределили возникновение новых трудностей, выходящих далеко за рамки социально-экономических проблем.

Во-первых, все настойчивее дает себя знать существующее несоответствие между обра-

зовани-
ем вы-
пускни-
ков раз-
личных
учебных
заведений (как
качественно,
так и по
сферам
специализации)
и конк-

ретными потребностями автономного района в специалистах.

Во-вторых, изменения в национальной политике, приведшие к резкому расширению сети национальных школ и факультетов с преподаванием на языках национальных меньшинств, породили проблему нехватки преподавательских кадров, с одной стороны, а с другой — неудовлетворительного их профессионального уровня и качества преподавания в национальных школах.

В-третьих, остро ощущается недостаточность материально-технической базы учебных заведений СУАР, отсутствие литературы и методик преподавания на языках национальных меньшинств, особенно это касалось технических специальностей.

В-четвертых, дает себя знать ограниченность притока в учебные заведения нехань-

ской молодежи из сельских районов, существенно сокращающая спектр возможностей по подготовке сельской интеллигенции.

В-пятых, существенное влияние оказывают и различия в качественном уровне абитуриентов из числа ханьцев и национальных меньшинств; а предоставление последним определенных льгот при поступлении в учебные заведения, являющееся вынужденной мерой, подспудно способствует формированию и укреплению психологической установки об «ущербности неханьских народов».

Наконец, вызванная ходом экономической реформы на селе необходимость в увеличении рабочих рук в отдельном крестьянском хозяйстве, привела к возникновению становящейся все более очевидной тенденции к сокращению доли учащих из числа национальных меньшинств и преимущественного ограничения уровня их образования начальной школой [31]. Результатом всего этого явилось то, что, не смотря на расширение сферы образования и увеличение числа учащихся, их качественный уровень далеко не отвечал потребностям автономного района, а дефицит специалистов оставался проблемой номер один его экономического развития.

Все вышесказанное косвенно подтверждает сделанный ранее вывод: количественное и качественное состояние неханьской этнической составляющей трудовых ресурсов региона не гарантирует его эффективное развитие как самостоятельной государственной единицы.

Поскольку за счет внутренних резервов решить проблему эффективного экономического развития региона в короткие сроки не представлялось возможным, она могла быть решена только за счет привлечения для работы в автономном районе специалистов из внутренних районов Китая. И у нас нет оснований рассматривать этот вынужденный шаг как «очередную попытку китаизации Синьцзяна». Задача сохранения достигнутого в прошлые годы паритета между ханьским и неханьским населением региона, по-видимому, не ставилась; во всяком случае, об этом свидетельствует официальная статистика по изменению демографической ситуации в автономном районе в 80-е – 90-е годы. Требовалось решать задачи экономического развития региона и другого пути, как мы видели, просто не было. Более того, центральному и местному руководству приходилось иметь в виду и то обстоятельство, что подавляющая часть занятых в науке, технике, образовании

и культуре, здравоохранении и промышленности СУАР квалифицированных работников являются прибывшими в 50-60-е годы мигрантами, среди которых как в 80-е, так и в 90-е годы наблюдалась тенденция эмиграции. Причем учет профессиональной и возрастной структуры эмигрантов убедительно показывал, что покидают СУАР наиболее квалифицированные и трудоспособные кадры, потеря которых не восполняется как за счет внутренних, так и за счет внешних источников [32].

Таким образом, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в выводе экономики из состояния застоя, опережающие даже средние по стране темпы развития региона, качественно изменить социальную структуру городов и ее отдельных составных частей, провести структурную реформу, изменить характер управления промышленными предприятиями и т.д. к концу 90-х годов так и не удалось.

Состояние индустриальной сферы производства и этносоциальная структура трудовых ресурсов СУАР демонстрируют его неспособность развиваться полностью самостоятельно, что объясняется не только качественным состоянием личностного фактора производительных сил, но и самой структурой производства, достаточно узкой специализацией автономного района и существенной зависимостью его ключевых индустриальных отраслей (нефтедобыча и нефтепереработка, текстильная и пищевая промышленность, энергетика) от центра как в плане государственных дотаций, так и в плане своевременного технического переоснащения предприятий и комплектования их штата квалифицированными специалистами.

Во всяком случае, как и в предшествующий период [33], и в 90-е годы, несмотря на значительное увеличение поступлений местного бюджета, автономный район в значительной степени существовал за счет централизованных бюджетных ассигнований (См.: Табл. 13), которые к тому же расходовались весьма нерационально и в большей своей части уходили на удовлетворение непроизводственных потребностей, том числе и разбухающего административно-управленческого аппарата. Более того, потребительский рынок СУАР даже в настоящее время только на 60% покрывается за счет ресурсов автономного района, 30% – с внутригосударственного рынка

Рыночные поставки на 60% покрываются за счет внутригосударственного рынка, на 30% – за счет рынка автономного района и на 10% – за счет поставок из-за рубежа [34]. Другими словами, автономный район продолжает «жить в долг».

Таблица 13. Структура бюджета СУАР КНР (1986–1998 гг.) (млрд юаней)

	1986	1989	1990	1991	1992	1997	1998
Доходная часть	3,43	4,34	4,62	5,10	5,47	13,54	14,85
в том числе за счет:							
местного бюджета СУАР КНР	1,02	1,95	2,18	2,65	2,61	5,76	6,66
государственной финансовой помощи Синьцзяну	2,41	2,39	2,44	2,45	2,86	6,84	8,01
включая:							
фиксированная помощь	1,59	1,53	1,53	1,53	1,77	1,93	1,93
помощь по отдельным проектам	0,82	0,86	0,92	0,91	1,02		
Расходная часть	3,51	4,20	4,78	5,60	6,43	13,54	14,85

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 185. «Синьцзян шэхуэй цзинцзи». 1993. № 3. – С. 75.

Подобное состояние индустриальной сферы производства, в сочетании с наметившимися тенденциями формирования трудовых ресурсов СУАР, приводит к весьма важным выводам.

Во-первых, с распространением в промышленности «контрактной системы» и новых форм организации труда, отдающих предпочтение качественному состоянию трудовых ресурсов, существенно ограничивается пополнение рядов рабочего класса ведущих предприятий региона за счет сельских слоев населения, прежде всего – представителей неханьских этнических групп.

С другой стороны, высвобождение в сельской местности значительной массы «избыточных трудовых ресурсов», часть из которых устремляется в города, требует их трудоустройства, в том числе и на промышленных предприятиях региона, учитывая политическую установку «преимущественного формирования рядов рабочего класса автономного района за счет национальных меньшинств». Ограничение этого процесса логикой экономической целесообразности (включая и качественные критерии), сопровождающееся привлечением квалифицированных трудовых ресурсов из внутренних районов Китая, расценивается этими слоями местного населения как «ущемление прав национальных меньшинств» и является одной из причин дестабилизации обстановки в городах. Следование же ему в условиях современного качественного состояния трудовых ресурсов СУАР ведет к снижению эко-

номической эффективности промышленных предприятий, распылению промышленного потенциала региона по мелким предприятиям (преимущественно кустарным), на которых только и могут быть трудоустроены эти социальные группы.

Все это ставит как центральное руководство, так и руководство автономного района перед дилем-

мой выбора между экономической целесообразностью и политической необходимостью. Либо приоритет «ускорению» экономического и культурного развития региона, включение преимущественно экономических методов управления, преобладание экономической целесообразности, и тогда – естественные качественные и этнические изменения трудовых ресурсов, снятие национально-специфических критериев их оценки и предпочтение профессиональным. Либо достаточно длительное балансирование на достигнутом уровне в ожидании административно управляемых искусственных изменений этносоциальной структуры города и деревни, приоритет политической необходимости, и тогда – снижение значимости экономических механизмов и рычагов управления, усиление административного вмешательства во все сферы общественной жизни, в том числе и в этносоциальную.

Во-вторых, общий низкий качественный уровень трудовых ресурсов региона усугубляется отсутствием в должном количестве и качестве научно-технической интеллигенции и существенными трудностями с ее подготовкой. По расчетам китайских специалистов, для обеспечения планируемого прироста промышленного и сельскохозяйственного производства СУАР к концу 2000 г. потребуется, по крайней мере, 650 тыс. различного рода научно-технических специалистов (включая естественные и гуманитарные науки) со средним и более высоким уровнем образования [35], что в условиях имеющего-

ся потенциала и мощностей практически не реально (См.: Табл. 13). В имеющемся же в настоящее время корпусе научно-технических специалистов лица с высшей технической квалификацией не превышают 1,5%, а численность специалистов с уровнем образования выше среднего специального всего – 8,2% [36]. Принимая во внимание наметившуюся в конце 80-х годов тенденцию к сокращению числа учащихся и девальвации ценности знаний, характерную в особенности для представителей местных этнических групп, возможности автономного района по «самообеспечению» в данном вопросе существенно сокращаются.

В-третьих, состояние индустриальной сферы производства показывает и неспособность СУАР развиваться полностью самостоятельно, что объясняется не только качественным состоянием личностного фактора производительных сил, но и самой структурой производства, достаточной узкой специализацией автономного района и существенной зависимостью его ключевых индустриальных отраслей от центра как в плане государственных дотаций, так и в плане своевременного технического переоснащения предприятий и комплексования их штатов квалифицированными специалистами.

Наконец, особое внимание заслуживает и региональная экономическая диспропорциональность в Синьцзяне. Преимущественно дунгано-ханьский Север сегодня является главным производителем совокупного общественного продукта, основным промышленным и научно-технологическим центром, отдельные регионы которого в пределах автономного района обладают либо интонациональной (казахской и монгольской) автономией, либо статусом городов районного (уйгурская автономия) подчинения. В этих условиях акцентация внимания на национальном элементе не всегда находит адекватное понимание не только у ханьцев (учитывая их значимость в экономике не

только данного региона, но и СУАР КНР в целом), но и у местных кадровых работников, не склонных делиться благами с более отсталыми регионами СУАР КНР, что формирует базу не только для возникновения межэтнических конфликтов, но и регионального сепаратизма.

Не меньшее значение для возникновения подобного рода конфликтов имеет и расширяющаяся их социальная база. С началом экономических преобразований в автономном районе значительно возрастает численность маргинальных и люмпенизированных слоев населения (См.: Табл. 14). При этом, учитывая характер прироста населения и усиление значимости экономических критериев оценки трудовых ресурсов, есть основания предположить, что это увеличение происходит преимущественно за счет представителей неханьских этнических групп. Пополняя ряды «избыточных трудовых ресурсов», они служат социальной основой возникновения различного рода конфликтов в регионе. Трудоустроить их на промышленных предприятиях городов, как мы видели выше, не представляется возможным не только в силу низкого уровня их профессиональной подготовки, но и в силу необходимости повышения экономической эффективности последних. Выход – включение их в категорию рабочей силы, которая может быть устроена на предприятиях за пределами региона по программе «обмена трудовыми ресурсами». Наиболее подходящий для этих целей регион – постсоветская Центральная Азия и Казахстан, по отношению к которым в синьцзянской прессе уже сегодня ставится задача «замещения выбывающих из региона русскоязычных трудовых ресурсов трудовыми ресурсами из Синьцзяна» [37].

Таблица 14. Удельный вес лиц трудоспособного возраста и коэффициент занятости в народном хозяйстве СУАР КНР (50-90-е годы)

	1953	1964	1982	1989	1998
Удельный вес лиц трудоспособного возраста в общей численности населения	56,5	52,7	51,0	57,9	64,95
Коэффициент занятости лиц трудоспособного возраста в народном хозяйстве	89,1	85,7	79,7	71,7	60,1

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 632. Синьцзян шэньхуа цзинцзи. 1993. № 3. – С. 75.

национальном элементе не всегда находит адекватное понимание не только у ханьцев (учитывая их значимость в экономике не

В КНР в целом и СУАР КНР в частности достаточно внимательно отслеживаются социально-экономические и политические

процессы, происходящие в Республике Казахстан, и постановка такой задачи, по-видимому, имеет под собой некоторые основания, связанные с нарастанием стагнационных экономических процессов в республике и девальвацией значимости собственного личностного фактора производительных сил. Если в начале 90-х гг. синьцзянскими экономистами ставилась задача догнать Казахстан по уровню социально-экономического развития (1991 г.) в течение 10–20 лет, то сегодня положение качественно изменилось. Первая половина 90-х гг. с ее бесхозяйственностью, разрушением экономических связей, бесконтрольностью внешнеэкономических операций и т.д. позволила значительно ускорить решение этой задачи. И хотя даже сегодня мы имеем основания говорить о более высоком статусе Казахстана (особенно в части, касающейся личностного фактора производительных сил) по сравнению с СУАР КНР, дальнейшее следование логике разрушающих отечественную экономику мероприятий в очень скором времени может изменить вектор направленности в пользу автономного района, что превратит Казахстан из равноправного торгово-экономического партнера в сырьевой придаток не только «западных демократий», но и Китая. Особенно актуально эта проблема звучит в контексте планов руководства Китая по ускоренному освоению Запада [39], в состав которого входит и СУАР.

План «Большого развития Запада» и перспективы Синьцзяна

Одним из следствий развернувшихся в КНР реформ стало отставание развития центральных и западных районов от восточных и приморских, где реформы имели наибольший успех. Уже к середине 80-х годов диспропорциональность регионального развития Китая стала очевидной проблемой. Причем проблемой не только экономической, но и политической. Руководство более развитых в экономическом отношении приморских районов Китая начало выражать явное несогласие с требованием Центра оказывать помощь менее развитым районам. Угроза регионального сепаратизма встала во весь рост.

Учитывая сложившуюся ситуацию, руководство КНР принимает решение по ускоренному развитию центральных и западных районов. На 5 пленуме ЦК КПК XIV созыва (сентябрь 1995 г.) Цзян Цзэминь подчер-

кивает: «Решение вопроса диспропорциональности регионального развития и поддержание сбалансированности регионального развития – стратегическая задача реформ и развития. Начиная с 9-й пятилетки, необходимо усилить внимание к экономическому развитию центральных и западных районов, постепенно пытаться переломить тенденцию постоянно углубляющихся региональных диспропорций, прилагать усилия к сокращению этого разрыва» [40].

Эта же мысль повторяется им в докладе XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.) [41], а позднее – на рабочем совещании ЦК КПК по поддержке бедных районов (июнь 1999 г.) и на встрече с делегатами 3-й сессии ВСНП 9-го созыва от Шанхая (март 2000 г.) [42].

Решение о «большом развитии Запада» принимается на заседании Госсовета КНР, состоявшемся 19–22 января 2000 г., и утверждается 3-й сессией ВСНП 9-го созыва в марте 2000 г. Выступивший на пресс-конференции председатель Государственного планового комитета Цэн Пэйян подчеркнул, что в разработанный план 10-й пятилетки включает в себя и план «большого развития Запада». Планом предусматривается, что около 70% финансовых средств, поступающих из различных источников, будут вложены в основные фонды центральных и западных районов. Объем капитальных вложений только в 2000 г. составит 30 млрд юаней. При этом Цэн Пэйян подчеркнул, что данный план не является какой-то очередной кампанией, а представляет собой долгосрочную государственную программу, реализация которой рассчитана не на одно поколение. Особо подчеркивалось, что «в реализации стратегии большого развития Запада ключевым звеном являются кадры. С одной стороны, необходимо ускоренно готовить местные кадры, а с другой – необходимо широко привлекать таланты из восточных районов страны и из-за рубежа... Для более эффективного использования этих талантов необходимо создать им необходимые условия для жизни и работы» [43].

План «большого развития Запада» предусматривает решение нескольких ключевых вопросов:

- ускоренное создание базовых объектов, предусматривающее развитие инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, аэропорты, электросети, связь, радио и телевидение), а также проведение ирригационных работ;

• ускорение строительства объектов, обеспечивающих охрану окружающей среды;

• активная перестройка производственной структуры, предусматривающая упорядочение структуры сельскохозяйственного производства, рациональное использование и охрану природных ресурсов, упорядочение структуры промышленности, ее переорганизацию и реконструкцию на базе применения высоких технологий и передового опыта, усиленное развитие туризма и сопутствующих ему сфер народного хозяйства;

• развитие науки и техники, образования, ускоренная подготовка специалистов, предусматривающая в качестве главной задачи повышение качественного уровня трудовых ресурсов региона;

• укрепление сил, поддерживающих реформы и политику открытости, предполагающее изменение психологии, ориентацию на рынок, оптимизацию сфер вложения капитала, развитие предприятий всех форм собственности [44].

Уточненный по отношению к конкретным условиям Синьцзяна план предусматривает:

• совершенствование имеющихся автомобильных и железных дорог с доведением их до общегосударственного уровня; строительство новых магистралей, соединяющих промышленные центры СУАР с внутренними районами Китая; строительство железной дороги, соединяющей СУАР с Таджикистаном и Узбекистаном, улучшение аэропортов в Урумчи и Кашгаре, ускорение строительства аэропортов в Хотане и Караме; прокладку оптоволоконных и цифровых линий связи; широкомасштабные ирригационные и мелиоративные работы, предусматривающие использование водных источников севера на юге;

• в области защиты окружающей среды предусматривается оснащение промышленных объектов оборудованием, ограничивающим вредные выбросы;

• расширение «зеленых зон», проведение мероприятий по предупреждению высыхания, засоления и эрозии плодородных почв;

• в сфере перестройки производственной структуры предусматривается усиленное развитие специфических для Синьцзяна сфер сельскохозяйственного производства (хлопководство, овощеводство, культивирование растений, составляющих сырье для китайской медицины, животноводство); стремительное развитие нефтегазо-

вой отрасли, ускорение развития специфической для СУАР промышленности (текстильная, добыча золота и меди, виноделие); развитие туристического бизнеса;

• в области науки и образования предусматривается расширение опытно-конструкторских и технологических разработок на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве; формирование развитой системы научных учреждений; широкая подготовка специалистов из числа национальных меньшинств, углубление реформы образования с упорядочением специализации учебных заведений и учебных программ;

• расширение процесса урбанизации [45].

В числе приоритетных на 10-ю пятилетку в СУАР выделено 30 объектов: ирригационных – 7; сельскохозяйственных – 1; энергетики – 5; градостроительных – 2; нефте- и газопереработки – 3; промышленных и транспортных – 12. Расчетная сумма капиталовложений на эти объекты составит 70 млрд юаней, из которых в 2000 г. поступит более 25 млрд юаней, в том числе свыше 60% из государственных фондов [46].

Цифры впечатляющие и сопоставимые с объемом пятилетнего бюджета всего автономного района на сегодняшний день. Понятно, что в самом автономном районе таких денег просто нет, и вполне естественно, что основная нагрузка по реализации плана «большого развития Запада» ляжет на государственный бюджет.

Больше тревожит другое, собственными силами, даже при наличии в достаточном количестве финансовых средств, СУАР эти задачи не решить. На сегодняшний день, несмотря на имеющиеся место существенные изменения в автономном районе, в силу низкого культурно-профессионального уровня его населения, низкого уровня образования, структуры трудовых ресурсов, менталитета населяющих СУАР этнических групп и т.д., к решению столь грандиозных задач он просто не готов.

Это в полной мере осознается и разрабатчиками плана «большого развития Запада» [47]. Именно поэтому в качестве главной составляющей части решения поставленных в нем задач встает вопрос о необходимости привлечения в регион дополнительных трудовых ресурсов из восточных районов Китая, не только обладающих более высокой квалификацией, но что важнее – совершенно иным менталитетом, в основе которого лежит не принцип коллективизма и

упование на помощь государства и ожидания «манны небесной», а стремление реализовать свои индивидуальные возможности.

Сколь много в количественном отношении потребуются этих «талентов» и каким образом сложатся их взаимоотношения с местным населением региона, покажет время, но то, что это приведет к существенному изменению этносоциальной структуры региона, у нас не вызывает сомнений. Так же, как не вызывает сомнений и то, что вновь прибывшие будут мириться с проявлениями этнического сепаратизма в регио-

не. На смену выбывающим сегодня из автономного района кадрам, прожившим здесь не одно десятилетие, в значительной степени освоивших местную культуру и традиции, терпимо относящихся к местным этническим группам, придет новая генерация кадров, для которых принцип толерантности и политической целесообразности имеет второстепенное значение, а первостепенную роль играет принцип экономической и политической необходимости. Вывод из этого, думается, очевиден и не требует дополнительных комментариев.

Литература:

25. См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – С. 97-105.
26. См.: Синьцзян туңзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 97-98.
27. См.: Синь шици миньцзу гуңцзо вэньсюань сюаньбянь (Сборник документов по национальной политике в новый период). – Пекин, 1990. – С. 182.
28. Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – С. 122.
29. Мянсянь 21 шицзе Синьцзян цзинцзи кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю (Стратегия открытых дверей и развития экономики Синьцзяна на пути в 21 век / Под ред. Хуан Цзюня и Цэн Дачжао. – Урумчи, 1999. – С. 226.
30. См.: Мянсянь 21 шицзе Синьцзян цзинцзи кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю. – С. 226-227, 235-236; Цзюсян 21 шицзе ды Синьцзян. Цзинцзи цюань. – С. 335.
31. См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – С. 127-134; Сыроежкин К. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика. – С. 97-124; Он же. Этносоциальный фактор развития иньцзяна // Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 3. – С. 84-86; Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1986, № 3. – С. 44-46.
32. См.: Ян Чжэнь, Тун Юйфэнь, Юйнь Синь. Синьцзян жэнькоу шэньцзи цянъи яньцзю (Исследование по внутренней и внешней миграции населения Синьцзяна). – Урумчи, 1996. – С. 85-104.
33. Как сообщалось, за период с 1950-1989 гг. центральное правительство предоставило Синьцзяну в виде финансовых компенсаций на 26,64 млрд юаней, что составляло 61,6% всех расходов автономного района; за эти годы централизованные капиталовложения в капитальное строительство составили 26,611 млрд юаней, или 73,38% всех расходов Синьцзяна на капитальное строительство. Кроме того, за 1958-1989 гг. СУАР было выделено: 7786 тыс. тонн стали, 4,186 тыс. тонн цемента, 1,286 тыс. автомобилей, 13,695 железнодорожных пассажирских вагонов, 16,973 единицы сельскохозяйственных машин, 4,103,5 тыс. тонн удобрений, 1,354 тыс. тонн ядохимикатов, 175,6 тыс. тонн сахара, 160,085 тонн чая, 259,02 млн метров шелковых ниток, 3,622,1 тыс. велосипедов, 1,824,5 тыс. швейных машинок, 2,097,7 тыс. радиоприемников. Всего за сорок лет централизованные вложения в экономику, культуру и политическое развитие Синьцзяна составили 53 млрд юаней (См.: Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 1990, № 4. – С. 15; Синьцзян шэхуй цзинцзи, 1991, № 4. – С. 4).
34. Мянсянь 21 шицзе Синьцзян цзинцзи кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю. – С. 105.
35. Чжунго Сибэй миньцзу динцзи цинцзи кайфа яньцзю (Исследование по экономическому развитию национальных районов северо-запада Китая). – Пекин, 1988. – С. 69.
36. Сибу да кайфа – мянсянь синь шицзе ды чжунда цзюэцэ (Большое развитие Запада – главная политика нового столетия). – Урумчи, 2000. – С. 3.
37. Чжунго яньцзю, 1994, № 3-4. – С. 22.
38. См.: Чэнь Шичэнь Хасакэсидань Гунхэго юй Чжунго Синьцзян цинцзи фачжань ды бигэю яньцзю (Сравнительное исследование экономического развития Республики Казахстан и СУАР КНР) // Синьцзян шэхуй цинцзи, 1993, № 2. – С. 48-53.
39. В понятие «Запад» в КНР включают следующие административные образования: провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань, и Гуйчжоу, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономный районы, город Чунцин (провинция Сычуань). Общая площадь составляет 5,4 млн кв. км (56% всей территории Китая), численность населения – 285 млн человек (23% всего населения КНР), объемы полезных ископаемых составляют 50% от общих объемов Китая, потенциальные водные ресурсы – 77,75% от общегосударственных (Сибу да кайфа – мянсянь синь шицзе ды чжунда цзюэцэ. – С. 140).
40. Сибу да кайфа – мянсянь синь шицзе ды чжунда цзюэцэ. – С. 3.
41. Цзян Цзэминь. Гаосян Дэн Сяопин литунь вэйда цичжи ба цзянцэ чжунго тэсэды шэхуйчжун

шие шоаньянь туйсян эршин шице (Высоко подняв великое знамя теории Дэн Сяопина, двинуть дело строительства социализма с китайской спецификой в XXI век. Доклад на XV съезде КПК). — Пекин, 1997. — С. 29-30.

42. См.: Сибу да кайфа — мяньсян синь шице ды чжунда цзюэцз. — С. 3-4, 7-8.

43. Там же. — С. 19-20.

44. Там же. — С. 20-24.

45. Там же. — С. 100-104.

46. Там же. — С. 129-130.

47. См.: Там же. — С. 111.

ЕС КАК НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА: ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

(окончание, начало в №1, 2001)

Лаумулин М.Т.

Возвращаясь к проблеме единой европейской оборонной политики, следует отметить, что в этой области наметились три позиции. Британская точка зрения, исходя из которой Лондон формирует свое отношение к ЕВОП, базируется на идее укрепления европейского крыла НАТО. Французская позиция заключается в максимальном укреплении самостоятельности ЕВОП по отношению к НАТО. Германская позиция занимает среднее положение между английской и французской и предлагает активное строительство единой европейской военно-политической структуры, которая существовала бы в тесном взаимодействии с атлантическим союзом.

Заслуживает внимания также позиция Турции, которая принимала участие в консультациях на правах ассоциированного члена ЗЕС. Турция выразила недовольство своей будущей ролью в ЕВОП. Анкара уже сегодня готова предоставить в распоряжение европейских сил контингент численностью 4-5 тыс. чел., включая одну сухопутную бригаду, две эскадрильи истребителей Ф-16, некоторое число авиации и военных судов. Турция настаивает на своем праве, как член НАТО и ЗЕС, более активно участвовать в принятии решений в рамках ЕВОП. Кроме того, неясным остается вопрос о государственной принадлежности Кипра, на котором планируется разместить ряд воздушных и морских объектов европейских вооруженных сил. Анкара резко выступила против представительства греческой части Кипра в ЕВОП. Попытки урегулировать спорные вопросы с Турцией будут предприняты 4 декабря этого года на встрече министров иностранных дел ЕС.

Большим местом ЕВОП остается значительный технологический и финансовый разрыв между США и европейскими странами. При численности вооруженных сил США в 1,37 млн чел. Пентагон затрачивает на каждого военнослужащего в год 26 800 долл.; численность вооруженных сил европейских участников НАТО составляет 2,3 млн чел, а ежегодные средние затраты каждого военнослужащего — 4 000 долл. В целом затраты на военно-технологические нужды у европейских государств-членов НАТО составляют 60% от американских, а эффективность — 10% от уровня американской армии.

Отставание европейцев наглядно вылилось во время конфликта в Косово: 80% боевых вылетов и 90% бомбовых и ракетных ударов были осуществлены американскими ВВС. Огромное отставание между американцами и европейцами наблюдается в области транспортных средств и доставки, без развития которых все европейские амбиции обладать мобильными силами быстрого реагирования будут бесполезны. Только на развитие транспортных средств необходимого уровня ЕС должен затратить около 125 млрд ДМ (около 6 млрд долл.). Между тем выделяемых отдельных государствами и в целом ЕС средств для развития ЕВОП явно недостаточно. Так, расходы Германии оцениваются в размере 30 — 40 млрд ДМ, в то время как к 2003 г. реально будут выделены в счет экономии и реформы бундсвера только 19 млрд ДМ. Финансирование ЕВОП тесно связано с существующими бюджетными дефицитами стран ЕС, а также с предстоящими расходами Евросоюза по расширению на восток и приему новых членов.

Проблему единой европейской внешней и оборонной политики невозможно рассматривать без атлантического контекста. Болезненными для европейцев остаются такие вопросы, как их военно-техническое отставание от США и существующие противоречия между союзниками по НАТО в некоторых сферах. За последний год о будущих перспективах развития отношений между НАТО и ЕС в рамках стратегической безопасности высказывались такие крупные американские и европейские политические деятели, как У.Сколэмб (заместитель министра обороны США по политическим вопросам), Д.Корнблум (посол США в ФРГ), А.Лашет (член комитета по вопросам внешней политики, общей обороны и безопасности Европейского Парламента), К.Фойт (координатор германо-американских отношений МИД ФРГ) и ряд других. Все это подтверждает серьезность обострения трансатлантических отношений.

Координатор германо-американских отношений МИД ФРГ К.Фойт относит к противоречиям между ЕС и США помимо главного вопроса о выборе внешнеполитической стратегии и обеспечении безопасности следующие: политика США в отношении ООН; отказ американского сената ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний; предполагаемый выход США из Договора по ПРО и создание собственной системы противоракетной обороны; споры вокруг компетенции международного суда; конвенция по противопехотным минам; конвенция по климату и протокол Киото.

В своей оценке нарастающих европейских-американских противоречий немецкие политики исходят из того факта, что изменилось восприятие самой Германией своей роли в Европе, НАТО и в целом в международных отношениях. ФРГ больше не является объектом американской и шире — западной политики в области безопасности, а ее субъектом, т.е. Германия также в полной мере несет ответственность за безопасность и стабильность на европейском континенте и прилегающих к нему и важных для ЕС, со стратегической точки зрения, регионов. Таков главный вывод, который извлекла немецкая правящая элита из событий прошедшего десятилетия. В отношении митов американской внешней политики в Берлине совершенно четко осознают, что Вашингтон озабочен дальнейшим распространением и

утверждением по всему миру так называемых американских ценностей, защитой американских национальных интересов так, как их понимают в Вашингтоне.

Немецкие эксперты убеждены, что в настоящее время трансатлантические противоречия концентрируются вокруг вопроса о единой европейской политике в области безопасности и обороны. Различия между США и ЕС проявляются также в отношении России. Немецкие эксперты даже считают, что отношения Запада с Москвой могут в будущем стать своего рода пробным тестом для прочности трансатлантических связей. Если интересы Вашингтона в большей мере сфокусированы на российский ядерный арсенал и энергетические ресурсы, то Европа в большей степени озабочена своим соседством с Россией и вытекающими из этого факта последствиями для всей региональной политики. Таким образом, ЕС заинтересован прежде всего в стабильности России и СНГ посредством укрепления их демократических институтов и рыночных преобразований в экономике этих стран.

В ряде отраслей экономики США и ЕС уже давно выступают в качестве ярых конкурентов. Это касается таких сфер, как импорт сельскохозяйственной продукции из центрально-американских владений стран ЕС в США, продажа стали и текстиля, телекоммуникации и авиастроение. Однако в настоящее время большее значение приобретает даже не тот факт, кто больше захватит рынков, а вопрос о том, кто будет контролировать международные технологические стандарты. При этом противоречия касаются не только информационных технологий, что также важно, но и биотехнологий. ЕС пытается защитить свой рынок от наступления американской гормональной продукции и продуктов, произведенных путем генных изменений. Эти противоречия связаны, как считают немецкие эксперты, с разной иерархией ценностей в США и ЕС, что является фундаментальным противоречием. В сфере идеологии и культуры европейцы и особенно немцы выступают с жесткой критикой американской позиции в отношении полного запрета экспорта религиозных сект (сайентологии), детской порнографии, расизма и праворадикальных идеологических материалов. Общественность и широкие круги ЕС критикуют также сохранение смертной казни в США.

Центральное место в структуре европейско-американских противоречий занимают, как отмечалось выше, проблемы обеспечения стратегической безопасности. В Берлине исходят из того, что уже не существует прямой угрозы Европе. В Вашингтоне считают, что Запад уже сталкивается с новой угрозой, которая исходит от так называемых пороговых государств или «государств-негодяев», пользуясь терминологией США. В Европе к американским опасениям и особенно к грандиозным планам по развертыванию противоракетной обороны от этих стран относятся со скепсисом. Как считают европейские эксперты, этот шаг США может серьезно подорвать стратегическую стабильность.

По мнению ряда аналитиков, существующие трансатлантические политические и экономические связи создают такой прочный каркас, который не даст подорвать атлантическое единство. Они рассматривают ситуацию по трем параметрам: во-первых, взаимно интегрированная экономика США и ЕС уже является объективной реальностью, не зависящей от политической конъюнктуры; во-вторых, в вопросах международной финансовой архитектуры и мировой торговли США и ЕС имеют одинаковый вес, что позволяет нивелировать противоречия и находить компромиссы; в-третьих, в области безопасности лидирующая роль принадлежит Америке, и Европа все еще следует ее курсу.

Однако не все европейские аналитики смотрят на характер американско-европейских отношений столь оптимистично. По мнению С.Эвертса (Центр по изучению европейских реформ), валютная и в целом финансово-экономическая политика ЕС входит в противоречие со сложившейся мировой валютной системой, контролируемой Соединенными Штатами. Этот процесс является следствием развития объективных факторов: население ЕС уже превышает население США, и разрыв будет увеличиваться по мере расширения Евросоюза, что объективно отражает увеличение численности владельцев евро; вклад ЕС в мировую торговлю на 25% превышает американский и вдвое – японский. Евро начинает вытеснять доллар и йену с их традиционных зон влияния, прежде всего в АТР. В валютных резервах Гонконга доля евро увеличилась за истекший год с 10% до 15%. Сужение долларовой зоны является не просто финансовым и экономическим фак-

тором, оно напрямую отражается на способности США проводить так называемую долларовую дипломатию, — превращаясь тем самым в фактор политический [1].

Отдельные немецкие эксперты, в первую очередь из Германского общества внешней политики (ГООП), опасаются, что США могут попытаться втянуть европейские государства – члены НАТО в очередной дорогостоящий проект, чтобы подорвать их финансово-экономические позиции, как это имело место в случае войны в Югославии. Как считает заместитель директора исследовательского института ГОВП И.Краузе, в феврале 2000 г. в ходе трансатлантического форума по безопасности в Мюнхене стало очевидно, что центральным пунктом американско-европейских противоречий стало уже нескрываемое намерение Вашингтона создать национальную систему противоракетной обороны. У немецких экспертов вызывает удивление тот факт, что в США, несмотря на полное политическое единодушие по этой проблеме, до сих пор нет реальных калькуляций в отношении стоимости противоракетного проекта. Предполагаемые расходы колеблются от 6 до 60 млрд долл. В связи с этим у европейских экспертов в военной области возобладало мнение, что, с технологической точки зрения, такой проект выглядит чрезвычайно проблематичным, а с финансовой – крайне дорогостоящим [2].

Однако некоторые германские специалисты не исключают того, что идея создания масштабной противоракетной обороны может радикально повлиять на международную систему безопасности. Невызывает сомнений тот факт, что Россия не оставит без ответа новую американскую инициативу. В этой ситуации возможны три варианта: 1) Россия оценивает создание противоракетной обороны как угрозу лично себе и принимает контрмеры путем создания адекватной системы или наращивания собственного ракетно-ядерного потенциала; 2) Россия создает аналогичную систему в сотрудничестве с Китаем как ответ на стратегическую неуживчивость США; 3) Россия совместно с США работает над стратегическим сдвигом, который должен уменьшить опасность, исходящую от радикальных исламских режимов.

ЕС абсолютно не готов к выполнению такого проекта, как ПРО, по финансовым соображениям: бюджет Евросоюза с трудом выдерживает нагрузки по расширению

НАТО, ЕС и реализации единой европейской программы в области внешней политики и обороны. Франция и Великобритания рассматривают создание действенной системы противоракетной обороны как угрозу своему статусу ядерных держав и сведение на нет, со стратегической точки зрения, своего собственного потенциала ядерного устрашения. В ФРГ очень сильны эскапистские настроения, базирующиеся на убеждении в том, что с окончанием холодной войны реальных угроз стратегического характера Западу больше не существует. Причем во Франции по-прежнему существенную роль играют традиционные антиамериканские рефлекссы.

В Берлине опасаются, что Вашингтон будет наращивать давление на европейских союзников по противоракетному вопросу, исходя из необходимости обеспечить защиту американским войскам, дислоцированным в Европе, и сохранить эффективность единой оперативной системы управления НАТО.

Настоящие европейско-американские противоречия в сфере безопасности имеют еще один важный аспект – реализацию провозглашенной год назад государствами ЕС единой внешней и оборонной политики. Как считает Ф.Майерс (Центр изучения европейской интеграции в Бонне), после введения евро осуществление этой политики превратилось в центральный пункт процесса европейской интеграции, перейдя из экономической плоскости в военно-политическую и геополитическую. Германия не должна недооценивать негативное восприятие Вашингтоном данной европейской инициативы. Так, бывший министр обороны США С.Козн прямо заявил в феврале 2000 г., что создание автономной, отдельной и независимой европейской организации вне НАТО наносит ущерб единству атлантического альянса. Однако именно к этому в конечном счете стремятся ФРГ и Франция и в меньшей степени – Великобритания. В этой связи США намерены ясно дать понять своим союзникам из состава ЕС, что новая инициатива не может рассчитывать на потенциал шести государств – членов НАТО, которые пока не входят в Евросоюз, – Норвегии, Исландии, Польши, Чехии, Венгрии и Турции.

При этом, как считает Ф.Майерс, позиции двух лидеров европейской военно-политической интеграции – Франции и Германии – несколько отличаются. Париж выступает категорически против устоявшейся «американизации» НАТО, когда любые решения

могли приниматься только с согласия Вашингтона. Конечной целью Франции является обладание европейскими державами способностью самостоятельно принимать решения и осуществлять акции военно-политического характера, аналогичные косовской операции. Французская точка зрения базируется на убеждении, что в многополярном мире Европа может и должна стать самостоятельным полюсом силы. Позиция Германии скорее напоминает «шпагат» между традиционной привязанностью к атлантическому союзу и необходимостью проводить собственную политику в сфере безопасности, исходя из европейских интересов. Франция и Великобритания требуют повышения расходов именно на задачи единой европейской внешней и оборонной политики, считая, что доля ФРГ несоразмерно мала в сравнении с ее экономическими возможностями. Берлин фактически загоняется в бюджетную ловушку, встав перед дилеммой: или реформировать бундесвер, как того требуют немецкая общественность и бундестаг, или направить средства на поддержание единой европейской оборонной политики. При любом решении страдает полноценное участие ФРГ в общеевропейском проекте [3].

В Берлине, как и в ЕС в целом, ясно осознают, что Европа больше не может оставаться на правах младшего стратегического партнера Америки. Будущая американская политика не оставляет сомнений на тот счет, что США попытаются закрепить свое военно-политическое лидерство на Западе и в мире. Эту точку зрения четко сформулировал Р.Зелик, бывший заместитель госсекретаря США и бывший заместитель командующего штабами вооруженных сил США при Белом Доме, советник министров финансов в администрациях президентов Р.Рейгана и Дж.Буша-старшего и советник по вопросам внешней политики и безопасности кандидата на пост президента США от Республиканской партии Дж.Буша-младшего.

В своей статье, опубликованной еще год назад в немецком журнале «Международная политика», издаваемом ГОВП, Р.Зелик излагает принципы будущей внешней политики Республиканской партии. Она будет включать в себя шесть основных направлений: 1. США должны будут стремиться к улучшению своих отношений со всеми своими союзниками на Северо-Американском континенте, в Европе и на Дальнем Востоке. Основной целью является укрепление общей

обороны, совместное реагирование на новые угрозы и стратегическая зависимость этих союзников от США. 2. США должны быть готовы к защите от угрозы со стороны трех крупнейших евразийских держав – Китая, России и Индии в случае, если не удастся их интеграция в контролируемые Америкой системы безопасности. 3. США совместно с ЕС и Японией должны поощрять и защищать те государства в Восточной и Центральной Европе, Латинской Америке и на Дальнем Востоке, которые осуществили приватизацию своих экономик, поддерживают развитие среднего слоя и представительной демократии. 4. США должны усилить свое противостояние с теми диктаторскими государствами, которые угрожают ее жизненным интересам и представляют угрозу ближайшим союзникам Америки. 5. Республиканское правительство должно оживить кампанию за расширение системы свободной мировой торговли на глобальном и региональном уровне. 6. Перед лицом новых угроз Америка должна провести структурную перестройку своих вооруженных сил и их усиление [4].

Кроме того, в Европе усиливаются опасения, что создание противоракетной системы является не единственным американским проектом, подрывающим стратегическую стабильность. Недавно в немецкие СМИ просочилась информация, что в США рассматриваются планы, как обойти ограничения Договора СНВ-2. Согласно этому, пока еще не ратифицированному соглашению, у США останется только 3 500 боеголовок (в настоящее время – 7 206). Американские инженеры и техники разрабатывают технологии, по которым можно создавать полностью новые ядерные боезаряды из расщепляющихся материалов, извлеченных из списанных для уничтожения боеголовок. Вместо прежних, предназначенных для уничтожения крупных наземных целей, городов и промышленных объектов, ракет шахтного базирования W-76 мощностью 100 килотонн предлагается в подземных шахтах разместить новый вид оружия – W-88 мощностью 475 килотонн, который прежде располагался исключительно на подводных лодках. Таким образом, общее число американских боеголовок достигнет 6 000, что прямо нарушает Договор СНВ-2.

Европейско-американские противоречия в области безопасности затрагивают также другие чувствительные стороны. Так, недавно государства ЕС впервые официально подтвердили существование направленной на

Европу американской шпионской системы под названием «Эшелон». Для этих целей США используют свои центры в баварском городе Бад-Айблинг и в английском городе Менуиз-Хилл. Руководство системой осуществляется из штаб-квартиры Национального Агентства по безопасности США в Форт-Миде (штат Мэриленд). Как считают в Германии, «Эшелон» является одним из инструментов экономического шпионажа в конкурентной борьбе США с ЕС за мировые рынки. В ФРГ против шпионской деятельности американцев наиболее решительно настроена партия «зеленых». Стратегический отдел Министерства обороны Франции подозревает компанию «Микрософт» в сотрудничестве с американской Службой Национальной безопасности с целью создания шпионских программ. Эти программы должны охватить 90% производимых «Микрософтом» компьютеров. Министерство обороны США является крупнейшим заказчиком этой компании. Зафиксирован точный случай помощи американских спецслужб национальным компаниям во время переговоров о закупке Саудовской Аравией европейского авиобуса.

Наиболее важным пунктом является американская база прослушивания в Менуиз-Хилле: на ней заняты 1 600 сотрудников, которые осуществляют массированный просмотр информации, в том числе за счет близости от пункта трансатлантического стекловолнового кабеля, через который сегодня проходит большая часть мирового обмена информацией. Все сообщения по электронной почте или факсимильной связи отправляемые представителями правящих кругов, финансовой и промышленной элиты европейских государств, скапливаются в фильтровочной базе данных «Эшелона».

Германская разведка БНД обнародовала в своем аналитическом докладе в 2000 г. что через два года немецкие города окажутся в пределах досягаемости стратегических ракет некоторых азиатских стран. Согласно этому докладу следующие государства развивают баллистические ракеты и ядерное оружие: КНДР (дальность ракет до 200 км), Индия (до 2500 км), Пакистан (до 1500 км), Иран (до 2000 км), Израиль (до 200 км), Ирак (до 3000 км). США считают, что европейские государства проявляют очевидную медлительность в принятии решений мерах безопасности в связи с реальной стратегической угрозой со стороны так называемых пороговых государств.

Итак, в настоящее время четко обозначились стратегические приоритеты США и ЕС. Вашингтон заинтересован, с одной стороны, в полноценном участии европейских союзников в своей новой стратегической инициативе, а с другой, – не допустить превращения стратегических сил ЕС в конкурента НАТО, где Америке принадлежит бесспорное лидерство. Евросоюз твердо взял курс на создание к 2003 г. собственных сил быстрого развертывания численностью 50 – 60 тыс. чел., которые должны стать по замыслу европейских лидеров инструментом геополитического влияния ЕС. Иными словами, крупные европейские державы намерены самостоятельно осуществлять военные операции, аналогичные тем, которые осуществляла НАТО на Балканах в 1990-е гг. По некоторым сведениям в штаб-квартире ЗЕС в Брюсселе отрабатываются сценарии военных операций в Западной Африке с участием европейских сил быстрого развертывания.

Решение о создании собственных стратегических сил ЕС принято год назад, однако до сих пор ряд существенных вопросов, касающихся конкретных проблем реализации этого проекта, остается без ответа. Как считает эксперт в области безопасности А.Миддель, таких вопросов шесть: 1) из каких средств будет происходить финансирование 60-тысячного контингента ЕС, его обеспечение новейшими видами вооружений, транспорта и связи; 2) как в реальности будет воспринято появление этих сил государствами, не входящими в НАТО, ЕС и ЗЕС, но примыкающими или попадающими в зону стратегической ответственности этих вооруженных сил ЕС; 3) как можно будет предотвратить кризис внутри НАТО, который может естественно возникнуть на основе недоверия США к силам ЕС в силу их боевой неподготовленности; 4) где заканчиваются географические границы зоны применения сил Европейского Союза; 5) смогут ли блокировать нейтральные члены ЕС решения о применении этих сил; 6) когда ЕС намерен создавать единую военную промышленность, которая бы функционировала по единым технологическим стандартам и была бы конкурентно способна по отношению к американской?..

Очень важным для стран Центральной Азии является вопрос о географических пределах зоны ответственности, которые могут на себя взять европейские силы быстрого

реагирования в рамках НАТО, ЕС или ОБСЕ. Немецкий эксперт в области безопасности Л.Рюль пришел к выводу, что у Запада, который строит свою политику на основе «Новой стратегической концепции» НАТО, принятой в апреле 1999 г., фактически нет реальной антитеррористической стратегии. Запад беспомощен перед лицом растущей угрозы дестабилизации обширного региона, охватывающего, как считает Л.Рюль, две основные дуги нестабильности: от Кавказа через Ближний Восток до Балкан; от Центральной Азии через Иран, Афганистан, Пакистан до Кашмира и Индии.

Таким образом, в настоящее время трансатлантическое сотрудничество переживает ряд серьезных проблем, вытекающих из усиления центробежных сил внутри НАТО, укрепления геополитических амбиций ЕС и реструктурирования мирового соотношения сил. В настоящее время Париж видит в единой европейской внешней и оборонной политике уникальную возможность для направления развития Европы в голлистском направлении, т.е. создание объединенного, сильного и равноудаленного от США и России военно-политического союза. Франция внимательно следит за всеми политическими шагами уполномоченного ЕС по внешней политике и обороне Х.Соланы и блокирует все его попытки тормозить европейские, стратегические амбиции в пользу НАТО.

Берлин озабочен в первую очередь спасением политического единства ЕС, видит в единой оборонной и внешней политике инструмент для укрепления европейского единства, но в то же время плохо представляет себе безопасность Европы без США. Для Лондона совместный стратегический проект ЕС представляет по-настоящему малый интерес в контексте обеспечения собственной безопасности, которая изначально ориентирована на англосаксонский союз и НАТО. Великобритания рассматривает его прежде всего как часть своих обязательств перед партнерами по ЕС.

Как считает ряд наиболее дальновидных экспертов ФРГ, в недрах атлантического альянса идет процесс, продиктованный объективными причинами. Он заключается в том, что политика Европы все более приобретает континентальный характер, а атлантическая составляющая ее безопасности, прежде всего, европейская зависимость от НАТО и США, уменьшается. Вопрос состо-

ит в том, насколько далеко зайдет континентальный характер развития ЕС, примет ли он евразийский характер. Европейские стратеги не скрывают, что интересы ЕС лежат не только собственно в Европе, но простираются далеко за ее пределы – на регионы Средиземноморья, Северной Африки, арабского мира Восточной Европы, Среднего Востока, Кавказа и Центральной Азии.

В последнее время в Европе с беспокойством следят за развитием событий в регионе Центральной Азии и Кавказа. В начале 2001 г. немецкая разведка БНД подготовила доклад, касающийся сохранения стабильности в южных регионах СНГ. В докладе прогнозируется развитие ситуации в Центральной Азии в 2001 г. и выражаются серьезные опасения относительно возможной дестабилизации ситуации в регионе. Немецкие эксперты предупреждают, что положение на Кавказе и в Центральной Азии может серьезно ухудшиться. И. Фишер в ходе визита в Москву в начале февраля 2001 г. поставил в известность своих российских партнеров по переговорам, что Федеральное правительство относится к развитию ситуации в Центральной Азии со всей серьезностью. Он отметил также, что ухудшение положения в Центральной Азии и на Кавказе напрямую затрагивает интересы Германии. По его мнению, исламисты стремятся укрепить свое положение в регионе с целью расширения поставок наркотиков по всей Европе. Таким образом, Кавказ и Центральная Азия все более вовлекаются в сферу обеспечения безопасности ЕС [5].

Приход в Белый Дом республиканской администрации во главе с Дж. Бушем моментально обострил все расхождения между США и европейскими государствами в сфере безопасности. Вопросы будущих отношений между объединенной Европой и Соединенными Штатами обсуждались в конце января 2001 г. в ходе встречи в МИД ФРГ глав государств и министров иностранных дел центрально-европейских государств, в котором приняли участие Федеральный канцлер ФРГ Г. Шредер и министр иностранных дел И. Фишер, представители высшей бюрократии Евросоюза во главе с Председателем Еврокомиссии Р. Проди и ответственным за Единую европейскую внешнюю и оборонную политику ЕС (ЕВОВ) Х. Солана, представители интеллектуальной элиты Запада, включая Г. Киссинджера и Ж. Делора.

Центральный вопрос, относящийся к сфере единой внешней и оборонной политики ЕС, был поставлен американской стороной: как собираются использовать свои вооруженные силы европейцы в случае, если против этого выступят США, и где лежит сфера применения единых вооруженных сил Европы. Немецкая сторона считает, что такие вопросы должны решаться на основе провозглашенных в Северо-Атлантическом договоре принципов.

Немецкая сторона ясно дала понять, что рассматривает ЕС как геополитическую силу мирового масштаба. В настоящее время в ЕС происходит борьба двух течений: первое, олицетворяемое немецким министром иностранных дел И. Фишером и французским Президентом Ж. Шираком, выступает за выделение внутри ЕС, особенно после расширения Союза, ядра государств, которое будет принимать геополитические решения и нести ответственность за внешнюю и оборонную политику ЕС; второе течение, представляемое традиционалистами, придерживается прежней модели, по которой ЕС представлял собой клуб, открытый для вступления. Для США предпочтительнее иметь дело со второй группировкой.

Представляют интерес немецкие оценки предполагаемых широкомасштабных инноваций новой администрации США в военной области, т.е. этот вопрос напрямую касается планов осуществления ЕВОВ. В Европе не сомневаются, что эти планы являются ядром будущей внешней политики новой администрации. В Берлине подозревают, что помимо широкомасштабной НПРО администрация Дж. Буша планирует создать суперсовременную – в техническом смысле – систему военного реагирования в любых конфликтных точках планеты. Одновременно США будут демонтировать устаревший арсенал времен холодной войны, включая не только ядерное оружие, но и его договорно-правовое обеспечение, и если понадобится – в одностороннем порядке.

Серьезной проблемой будущих американо-европейских отношений остаются Балканы. Немецкие политики серьезно относятся к заявлениям Дж. Буша о том, что американские вооруженные силы должны покинуть Балканы или существенно ограничить здесь свое присутствие. С одной стороны, это дает возможность ЕС на практике использовать единые европейские

и взять ответственность за стабильность и безопасность в Юго-Восточной Европе на себя. С военно-технической точки зрения, ЕС уже к этому готов. Но, с другой стороны, в некоторых политических кругах высказываются опасения, что, с политической точки зрения, уход американцев может привести к подрыву стабильности в регионе, как это имело место ранее в Боснии. По мнению немецких специалистов, снижение американского присутствия должно компенсироваться усилением роли ЕС в тесном сотрудничестве с Россией.

В Берлине опасаются также, что при новой американской администрации может иметь место изменение в европейской политике Великобритании. В лице У. Клинтона, считают немецкие эксперты, Э. Блэр и лейбористское правительство потеряли проверенного партнера, который в целом снисходительно относился к дрейфу Лондона в сторону дальнейшей интеграции в ЕС. Дж. Буш может поставить вопрос о сохранении «особых отношений» между США и Великобританией в более категоричной форме. При этом немецкие эксперты напоминают, что две базы раннего предупреждения на территории Англии играют важную роль в осуществлении американской программы НПРО. Не исключено, что и европейцы, и американцы могут усилить нажим на Лондон, чтобы тот окончательно прояснил свою внешнеполитическую ориентацию. В Берлине с неудовольствием констатировали, что на саммите ЕС в Ницце в декабре 2000 г. Великобритания пыталась затормозить принятие решения по созданию единой европейской армии. Еще до вступления в должность нового американского президента Берлин обратил внимание на резко усилившееся сотрудничество между ЦРУ и британской разведкой МИ-6, что косвенно говорит об усилении консервативных кругов в Великобритании. В конечном счете, все это может подорвать усилия Г. Шредера по созданию в ЕС прообраза некоего социал-демократического надправительства (так называемой третьей середины), находящегося под контролем немецких, французских и британских социалистов.

В этом русле в ФРГ нарастает критика в адрес США. Министр обороны ФРГ Р. Шарпинг выступил 21 января 2001 г. с резкой критикой американской политики в области информационного обмена в рамках союзнических обязательств НАТО. Речь идет

в первую очередь об информации, касающейся боеприпасов с урановой начинкой.

Различия в позициях США и европейских государств отчетливо проявились в начале февраля 2001 г. на традиционной, 37-ой по счету международной конференции по безопасности в Мюнхене, в которой приняли участие свыше 200 политиков и экспертов из ФРГ, России, США, НАТО, ЕС, КНР, Японии и Индии. Усилия европейских политиков и экспертов были направлены на то, чтобы убедить американскую сторону в полезности и важности для США европейской единой внешней и оборонной политики. В свою очередь, американские представители сделали все возможное, чтобы убедить европейцев в необходимости развертывания НПРО.

В ходе дискуссии произошла дальнейшая кристаллизация позиций сторон: европейцы в большей степени озабочены сохранением стратегического равновесия в мире, а их стратегические интересы сосредоточены исключительно в Европе; интересы США имеют глобальный характер, а Европу они рассматривают лишь как часть своей мировой политики. Это главное расхождение в позиции сторон, которое, как считают некоторые немецкие эксперты, в будущем может привести к более серьезному конфликту интересов.

В концентрированном виде позиция США была изложена в выступлении нового министра обороны Д. Рамосфельда, который обозначил четыре узловых момента трансатлантических отношений: 1) США будут развивать НПРО, которая предназначена также и для защиты Европы; Вашингтон не заинтересован в том, чтобы НПРО вызвала раскол среди союзников по альянсу; 2) американское присутствие в конфликтных регионах будет сокращаться; на Балканах с целью экономии ресурсов США будут проводить реорганизацию и реструктуризацию своего военного присутствия; 3) в отношении ЕВОВ США придерживаются точки зрения, что она ни в коем случае не должна снизить уровень сотрудничества в рамках НАТО и негативно сказаться на боеспособности альянса; Вашингтон категорически выступает против удвоения штабов и их функций и дублирования деятельности НАТО и ЕВОВ; США поддержат ЕВОВ только в том случае, если единая европейская оборона будет способствовать укреплению альянса в целом; 4) США однозначно выступают за расширение НАТО на восток, которое укрепит стра-

тегическую безопасность альянса в целом и его способность к проведению более быстрых и более эффективных операций.

Выступление германского канцлера имело целью изложение и доведение до американской стороны позиции ФРГ и ЕС по проблемам безопасности. Г.Шредер подчеркнул, что Германия и Европа осуществляют в настоящее время глубокие реформы, которые позволят им достойно встретить стратегические вызовы XXI века. Трансатлантическое сотрудничество по-прежнему сохраняет для ФРГ и Европы свое значение. Но в рамках европейской политики приоритетным для Германии является тесное германо-французское сотрудничество. ФРГ выступает за более эффективную Европу, которая выступала бы в качестве сильного военно-политического партнера Америки в решении глобальных проблем и в проведении геополитики. ФРГ стремится также к тому, чтобы теснее привязать Россию к экономическому, политическому и военному сотрудничеству с Западом, так как безопасность в Европе не может быть обеспечена без России.

Министр иностранных дел ФРГ Й.Фишер подчеркнул, что Европа выступает против развертывания гонки вооружений в Азии и в космосе. Немецкий представитель твердо обозначил цель ЕС, которая состоит в том, что не позднее 2003 г. ЕС будет располагать в рамках НАТО собственными силами быстрого реагирования численностью 60 тыс. чел. Задача Германии состоит в том, чтобы при реализации данной программы отстоять европейские интересы. Они состоят, прежде всего, в том, чтобы в результате НПРО Россия не была бы изолирована или не предприняла бы ответных мер, которые нарушили бы стратегическую стабильность в Европе.

Таким образом, после совещания в Брюсселе осенью 2000 года осуществление единой европейской внешней политики и политики в области безопасности перешло из теоретической плоскости в практическую. Лидеры государств ЕС выразили твердое намерение создавать единые вооруженные силы и проводить единую внешнюю и оборонную политику. Этот план приобрел конкретные практические очертания с соответствующими количественными и качественными параметрами. Безусловно, осуществление этого проекта потребует, как минимум, 3 – 5 лет, но в реальности он может затянуться до конца этого десятилетия.

Реализация ЕВОП уже сталкивается с рядом принципиальных трудностей и проблем. Это, в первую очередь, отношение между НАТО и будущей военной структурой ЕС. По этому вопросу обозначились две полярные позиции: английская, которая сводится к укреплению ЕВОП в качестве европейского элемента НАТО, и французская, настаивающая на безусловном европейском суверенитете в вопросах безопасности. Много будет зависеть от позиции Берлина, которая, на наш взгляд, еще окончательно не определена. Германия пытается фактически поддерживать обе точки зрения. Так, канцлер ФРГ Г.Шредер вновь подчеркнул на осеннем (2000 г.) заседании Парламентской ассамблеи НАТО, что Европа должна приобрести более весомый военный вес, но в рамках Северо-Атлантического альянса. Таким образом, вопрос о субординациях и отношениях между НАТО и ЕВОП остается главной проблемой руководства будущих единых европейских сил.

К другим проблемам ЕВОП относятся такие, как ее место в ОВСЕ, ЗЕС и ООН. Очевидно, что будущая европейская армия планируется как инструмент для проведения военных и миротворческих операций далеко за пределами Европы. До сих пор не ясен правовой механизм применения европейских сил. Тенденция идет к тому, что стратегия ЕВОП может просто копировать действия НАТО, как это имело место в войне против Югославии, т.е. вмешательство без соответствующего мандата международных организаций.

Крупной проблемой военно-технического характера остается невозможность без помощи США и НАТО придать единым европейским силам мобильный характер и создать соответствующие оперативные механизмы. Среди военно-политических трудностей, с которыми неизбежно столкнется осуществление ЕВОП, следует назвать создание действенного механизма принятия политических и военных решений. Принятый в ЕС и Евросовете механизм консультаций может оказаться неэффективным.

И, наконец, до сих пор неясно отношение США к единой европейской внешней оборонной политике, особенно после прихода к власти администрации Дж.Буша. Работники экспертного сообщества считают его «скептическим», хотя формально с апрельского саммита НАТО 1999 г. Вашингтон поддерживает европейскую инициативу. Некоторые немецкие

комментаторы пришли к выводу, что США просто не придают пока серьезного внимания процессу формирования ЕВОП, считая, что он далек от реализации. Однако для немецких политиков и политологов является несомненным тот факт, что в дальнейшем США сделают попытку поставить будущую европейскую структуру под свой контроль в рамках НАТО.

Расширение ЕС также тесно связано с проблемой ЕВОП. Существует предположение, что ЕВОП стала своеобразным ответом Евросоюза на расширение НАТО на восток, которое резко усилило влияние США в Восточной Европе. Включение этих стран в ЕС и соответственно – в единую европейскую воен-

ную структуру – должно компенсировать потерю влияния европейских держав. Тем самым, за созданием ЕВОП преследуются интересы крупных европейских государств, прежде всего Германии и Франции. Судьба ЕВОП будет во многом зависеть от позиции Берлина, который, с одной стороны, пока подчеркивает свою лояльность идее сотрудничества в рамках атлантического альянса, а с другой, выступает основным идеологическим, финансовым и политическим спонсором ЕВОП с конечной целью превратить ЕС в мировую силу не только экономического, но и военно-стратегического характера. При этом Германия, как надеются немецкие стратеги, будет играть в ЕС ведущую роль.

Литература:

1. Everts S. Eine Stimme fuer Euroland. Die Waehrungsunion und das transatlantische Verhaeltnis // Internationale Politik. 2000. Nr 3. – S. 31–36.
2. Krause J. Streit um Raketenabwehr. Ursachen der neuen transatlantischen Krise // Internationale Politik. 2000. Nr 3. – S. 37–42.
3. Meiers F.-J. Der europaeische Sicherheitspfeiler. Stein des Anstoesses fuer die USA // Internationale Politik. 2000. Nr 3. – S. 43–46.
4. Zeollick R.B. v. Essentials republikanischer Aussenpolitik. Worauf sich Europa einstellen sollte // Internationale Politik. 2000. Nr 3. – S. 49–50.
5. Die Welt. 15.02.2001.

В ПОИСКАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ КАЗАХСТАНА

Умбеталиева Т.Б.

Для Казахстана прошедшее десятилетие дало величайший исторический шанс и огромную надежду на создание действительно независимого государства. Как подчеркивает Президент республики, «страна и народ сделали бесповоротный выбор в пользу нового процветающего унитарного государства, и возврата не будет ни к тоталитаризму, ни к междоусобице, ни к какому иному прошлому» [1].

Однако глубокий кризис, поразивший все сферы общественной жизни республики после распада СССР, повлек за собой и гибель единой системы ценностей. Наиболее универсальным выступает социокультурный кризис, ибо потери в духовной сфере, нежели в экономической, являются невосполнимыми.

В настоящее время казахстанское общество в социокультурном измерении выступает в кризисном и реформируемом, переживая времена социального дробления и самовывживания. Кризис, прежде всего, проявляется в утрате целей. В то время, как влияние проводимых реформ наблюдается в возникновении полистилистической культуры.

На наших глазах происходит смена тоталитарного общества с моностилистической культурой, в которой человек был «винтиком» огромной государственной машины, на свободное демократическое, в котором утрачиваются прежние духовные ориентиры поведения личности.

Реформы не всегда воздействовали так, как ожидалось, порой они даже искажали динамику культурного и социального развития. Тем не менее налицо факт трансформации общества из тоталитарной в плюральную систему. Ведь главная цель социокультурной реформации – изменение положения индивида в обществе.

В этой связи интерес представляют исследование динамики социокультурного развития Казахстана, выявление основ и механизмов воспроизводства. Традиционно, прежде чем приступить к анализу тенденций в социальном и культурном отношениях, определимся с дефинициями, а также методом исследования.

Понятие «социокультурности» прошло долгий путь. Впервые этот термин был вве-

ден в социологическую науку М.Адлером, который под предметом понимал изучение социальных факторов становления и функционирования культурных ценностей и норм и их воздействие на общество и социальное поведение человека. Однако это определение не получило широкого распространения в западноевропейской социологии.

Структурный функционализм Т.Парсона, базировавшийся на принципах культурного детерминизма, резко сузил предмет социологии культуры, предложенный М.Адлером. Согласно ему культура служит основой развития и функционирования всех сфер жизнедеятельности общества. Кроме того, пропел четкие различия между социальным и культурным. Под социальным Т.Парсонс понимал реальную социальную жизнь – процессы, события, факты, а под культурным – воображение социальной жизни или представления о реальности людьми.

В трактовке российской социологической науки дефиниция «социология культуры» понимается как «отрасль социологического знания, изучающая закономерности развития культуры, формы проявления этих закономерностей в человеческой деятельности, связанные с созданием, усвоением, сохранением и распространением идей, представлений, культурных норм и ценностей, образцов поведения, регулирующих отношения в обществе, между обществом и природой» [2].

По мнению Ю.Волкова и И.Мостовой «социальная культура – это только значимые для людей приписывают разнообразным знакам: предметам, действиям или явлениям... Они приобредают социокультурный смысл только тогда, когда значат нечто для людей, т.е. направляют их действия, поведение, восприятие в определенное русло» [3].

Вследствие этого можно заключить, что базовую и фундаментальную роль в социокультурном процессе играют общество и культура. Если общество выступает как организованная способность людей творчески воспроизводить, превращать себя в свой собственный предмет вопреки попыткам разрушительных опасностей, зипрпин, дезорганизации, вызовам истории, культура представляет собой пространство деятельного самоосуществления человека

ства, единственный способ его бытия. Поэтому социальный и культурный процессы взаимообуславливают, формируют друг друга, представляя собой диалектически развивающееся интегральное целое.

Таким образом, социокультурное изменение представляет собой сложный многоплановый процесс. Оно имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования социальной динамики, и внимание исследователей может быть сосредоточено то на одном, то на другом аспекте.

Но общим во всех исследованиях выступает то, что ученые пытались высветить постоянную роль каждого из факторов – переменных в поведении людей, в социальной структуре и культурной жизни, постоянное действие каждого из них, объяснить причину их колебаний и изменений.

В научной сфере можно выделить несколько подходов: линейный, цивилизационный, исторический.

Главные принципы линейного измерения социокультурного процесса были сформулированы на рубеже XVIII и XIX вв. Данный подход основывался на концепции поступательного развития социокультурного процесса, который в свою очередь осознавался как следствие исторического развития общества, как его продукт.

Теоретики основное содержание исторического процесса видели в развертывании тенденции прогресса и эволюции, а также в разработке основных стадий, через которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. Основным творцом культурного мира признавался человек.

В рамках этого подхода «социальная динамика» рассматривалась как приложение формулы эволюции-прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества.

Следовательно, ученые изучение динамики социокультурных явлений представляли как выявление и определение различных типовых тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений.

Несколько в ином ракурсе рассматривается социокультурный процесс предста-

вителями цивилизационного подхода. Культура в данном подходе обозначается связующей субстанцией, выступающей полем притяжения любого социума. Зарождение «цивилизации» и возникновение традиционных государств, согласно теориям, связано в основном с культурным сдвигом в социальном развитии.

Социологами выявлено, что только на определенных этапах цивилизационного развития материальное доминирует, определяя культуру и способ жизни общества в целом. В более высокоразвитых обществах доминирует культура. Исходя из этого, ученые делают вывод, что в процессе развития цивилизации культура начинает играть доминирующую роль [4].

Исторический подход культурную политику рассматривает как формирование и функционирование общества по неким упрощенным универсальным нормам, которые породили множество схем культурно-исторических, мировоззренческих возможностей. Так называемые «отраслевые» модели культурной политики воспроизводили единообразие функционирования культурных образцов и разрабатывали технологии их достижения. В этом смысле культура рассматривалась как «динамика роста» культурного уровня населения, подтверждая тем самым идею авторитарной власти, что культурой можно «управлять» [5].

Сегодня в Казахстане мы имеем очередную версию историзма – представление о закономерностях изменения общества от тоталитарного к демократическому через ускоренную модернизацию. Насажение подобных представлений в культурной политике порождает дегуманизацию культуры, известный технократизм ориентаций, когда развитие сферы культуры представлено преимущественно в категориях технологического совершенствования и программного обеспечения. В арсенале культурной политики господствуют до сих пор не изжитые схемы, что развитие институциональных структур в сфере культурной деятельности равнозначно «освоенности» культуры.

Таким образом, налицо отсутствие культурологических оснований в культурной политике, что позволяет манипулировать культурой, превращать ее в фактор, «обслуживающий» реформы, и, прежде всего, выполнять функцию распространения «модернизационных образцов» – моделей поведения, норм и стереотипов западного образа жизни.

ни, а также механизмов адаптации к ним населения. Как результат – качественное понижение культурного уровня.

По мнению казахстанского ученого Е.Ертысбаева, исследования ценностных ориентаций населения республики должны вестись в рамках цивилизационного подхода и учитывать как специфику менталитета представителей различных цивилизационных ареалов, так и особенности переживаемого данным обществом этапа развития, особенно если это общество находится в процессе трансформации [6].

Динамику социокультурного развития Казахстана, с нашей точки зрения, следует изучать на основе новых концепций, получивших развитие в последнее время в российской социологической науке.

Данное направление получило распространение во второй половине XX века. Внимание в новых теориях было обращено на влияние культуры в процессе формирования общества, где понимание ее места и роли в социуме определялось не одноактно.

В российской науке эта методология получила более глубокое исследование в трудах А.Ахиезера. Гипотеза заключалась в том, что воспроизводство общества возможно только в случае, если само общество меняется в соответствии с изменениями в культуре. В противном случае наступает колоссальная социальная дезинтеграция. Основная проблема заключалась в отношениях между культурой и системой взаимодействий людей, которая включает и государство [7].

Наряду с этим новые теории также акцент делали на тщательное изучение постоянных сил и факторов, их воздействие на социальные и культурные явления, начиная с экономических изменений и кончая подъемом и падением наций.

Таким образом, развитие культуры не гарантирует, что люди могут эту культуру превращать в систему социальных отношений. И этот раскол между культурой и социальными отношениями проходит через каждую личность. А для того, чтобы общество воспроизводилось, культура, культурная программа должны быть функциональными, реализуемыми.

Главный интерес в изучении социокультурных процессов, происходящих в Казахстане, вызывает исследование социокультурных связей, повторяющихся во времени и пространстве «циклов» и их периодичность.

В настоящее время по истечении десяти лет с момента обретения независимости республики можно утверждать, что прошла первая волна изменения ценностных ориентаций, начало которой было положено после распада Советского Союза, где на протяжении многих десятилетий не существовало иной, кроме советской, культурной модели, которая была представлена соответствующими институтами и при этом достаточно широко распространена и влиятельна. Поэтому распад Союза не мог не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом.

По мнению ряда исследователей, в стране существовали «зародыши» альтернативных культурных форм. Существовали полуподпольные субкультурные группировки, которые не могли выйти из зародышевого состояния. Большинство культурных моделей при их аутентичной реализации создают целостный образ мира и человеческой жизни и не допускают фрагментации жизни на подлинную и неподлинную. Они требуют всей жизни целиком. Поэтому для самоутверждения они нуждаются в публичной репрезентации. Однако и то, и другое было невозможно в условиях господства советской культуры [8].

Многовековая традиция Казахстана, как и в других постсоветских республиках, была подавлена в советское время и перешла в латентное состояние. С распадом СССР и советской культуры возникла впервые возможность ее развертывания и публичной реализации. Однако отсутствие поддерживающих импульсов со стороны общества не позволило им выйти из прежнего состояния. Велось общество опирается на устойчивый фундамент социально-культурных установок, мало подверженных изменениям по сравнению с достаточно колеблющимися внешними факторами, которые могут иметь географическую, экономическую, политическую и информационную природу. Но на определенных моментах они могут входить в тело культуры, включаться в сознание менталитета народа. Так происходило и в казахском обществе, когда новые внешние факторы вновь преобладали над традиционными ценностными установками и не позволили им занять свою нишу.

Одновременно с возрождением альтернативных советской культуре парадигм республике начинается поиск новых иде-

логических схем, призванных заменить прежние ценностные ориентиры.

Согласно позиции российского ученого Г.Гольца, о реальном уровне развития культуры того или иного общества можно судить по удельному весу того или иного типа социально-психологических отношений, доминирующих в нем. Их многообразие он сводит к формальным, государственно-иерархическим, денежным, натурально-безденжным, семейно-родовым, клановым, гражданским. По его мнению, именно эти социальные отношения реально управляют культурным состоянием общества [9].

В этот период в стране сложилась иная социокультурная ситуация. Неэффективность привычных способов ориентации в окружающей среде, распад социальных общностей, являющихся основой для самоидентификации, повлияли на переоценку духовных ценностей и ориентаций массового сознания, и общественного мнения всех групп ее населения.

Ранее преобладавший в социально-психологическом отношении государственно-иерархический тип был сменен на денежный. Поэтому радикальная замена руководством государства политики централизованного руководства культурой на децентрализацию культурной жизни и ее департизацию привела к перенесению акцентов в культурной жизни общества с формирования у населения высокохудожественных вкусов, уважения к национальным культурным ценностям и традициям на развитие потребительских запросов в сферах досуга и развлечения. Произошла гипертрофия рекреационной функции искусства.

Вместе с тем сильное влияние оказали такие внешние факторы, как экономические, политические и информационные. Неконтролируемый информационный поток негативных элементов западной культуры в казахстанское общество привел к гипертрофии духовной сферы.

Результатом трансформации сферы социально-экономических отношений стало изменение ценностно-ориентационных систем на социальном, групповом и личностном уровнях. Произошла кардинальная смена всей нравственно-духовной парадигмы жизни страны, в ходе которой происходило нивелирование духовных ценностей, пересмотр исторического пути советского государства.

В своей основе эти процессы имели концепцию «вестернизации» культуры, коммер-

циализацию всей духовной жизни общества и все большее подчинение ее рыночным отношениям и рыночным ценностям.

Однако коренные, глубокие изменения в обществе неизбежно приводят к тому, что люди постепенно начинают пересматривать сложившееся представление о мире, о том, что в нем ценно для них, а что незначительно.

Поиск новых идеологических парадигм привел к рассмотрению в качестве консолидирующей идеи – евразийство. На саммите стран СНГ, состоявшемся в октябре 1994 года, Президент страны Н.Назарбаев выдвинул проект «Евразийского Союза», который должен был заложить основы нового сообщества, не обремененного марксистской идеологией и куда более свободно структурированного, чем Советский Союз. Предложенный проект носил умеренный и прагматичный характер, был основан на той точке зрения, что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам СНГ, – представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение.

Кроме того, был учтен как исторический, так и природный аспекты. Территория современного Казахстана географически входила в систему Евразийского Великого пояса степей и была ареальной зоной, где сложился историко-культурный комплекс кочевничества. Казахстан был и является связующим звеном на пути цивилизационной интеграции культур Востока и Запада.

Однако евразийство, обладая концептуальной мыслью, – единство народов Евразии – отвергает европейский путь развития во имя сохранения традиционных культур, определяя их как «цивилизации», акцентирует внимание на том, что индивид должен быть подчинен стоящему над ним коллективу, союзное государство полагает единственной возможной формой государственности.

Данная концепция сразу же вызвала определенную реакцию. Проблема, которую евразийство поставило как одну из основных, вылилась в попытку сформулировать некую новую идеологию интеграции. Эта идея – идеология многокультурного, многоэтнического целого, которым был СССР.

Очевидно, что идея евразийства не смогла удержать это пространство, в ней усмотрели апологию тоталитаризма. Такая трактовка нашла благодарную аудиторию в запутанной постсоветской обстановке.

Социологические опросы, проводившиеся в марте-апреле 1998 г., об отношении населения Казахстана к идеям евразийства показывали, что лишь 29 % респондентов поддерживают его основные принципы, тогда как 50 % считают, что Казахстану следует идти путем развитых стран, осваивая опыт и достижения западной цивилизации [10].

Стремительное размывание того целого, которое казалось достаточно прочно сложившимся за десятилетия совместного проживания, когда люди ощущали себя соотечественниками, и возникновение на месте этого очень четкого размежевания, самоощущения себя по своей национальной общности, по принадлежности к некоей общине, в которой доминирующим критерием является национальность, не позволило закрепиться идее евразийского государства.

Возможно, внедрению этой идеологии в тот период помешало то обстоятельство, что широкие слои общества были не знакомы ни с сутью евразийских идей прошлого, ни с концепциями неоевразийцев, а также отсутствием экономического обоснования предложенной идеи.

Следует учитывать и сложное социальное положение народа Казахстана. Остановка производства, простой крупных промышленных предприятий, обострившие в свою очередь проблему безработицы, а также рост инфляции выдвинули на первый план бытовые проблемы. Наряду с этим отмечается закрытие институтов культурной сферы — библиотек, домов культур, кинотеатров. Без духовного развития осталось подрастающее поколение.

Безусловно, немаловажное значение оказало отсутствие навыков работы в рыночных условиях, однако следует учитывать, что экономическое поведение людей не всегда выводится прямо из экономики в силу того, что оно регулируется и духовностью, в частности таким глубоким пластом общественной психологии, как менталитет.

В то время как одним из наиболее устойчивых компонентов советского менталитета было ощущение бессилия человека в социальном и политическом пространстве перед лицом государства, психология социального бессилия лежит в основе системы представлений государственно-патерналистской политической культуры, которая пронизана представлением о государственной власти как единственной силе, способной вершить судьбы народа.

Как отмечают психологи, комплекс социальной слабости влияет не только на политическое сознание и поведение, он оказывает сильное воздействие на всю структуру личности, особенно на ее самосознание и мотивационную сферу. Невозможность выйти собственными усилиями за рамки предопределенных социальными усилиями бедности и униженности породила целую систему механизмов адаптации к этим условиям. Таковым механизмом выступает криминализация общества, что связано с преобладанием в сознании людей доминанты, в которой рынок отождествляется с нерегулируемой экономической свободой, а также приходом на смену тотальной идеологизации утилитаризма.

Эти факторы обусловили то, что рыночные процессы шли как бы в вакууме, без каких-либо социальных, экономических и этических регуляторов, которые должны играть роль гарантов социального порядка, однако они лишь стимулировали экономическую преступность. В итоге рыночные правила поведения регулировались не апробированными социальными ценностями и нормами. Наряду с этим в памяти народа все еще сохранялся воспитанный с детства негативизм к капиталистическим отношениям.

Данные социологических опросов, которые проводились Институтом Гиллера и Бюро прикладных социологических исследований, демонстрируют, что несмотря на столь широкий спектр претензий к рыночной экономике, часть людей все же постепенно приспосабливается к жизни в новых условиях. 38% опрошенных полагают, что большинство людей приспосабливается, однако 58% респондентов считают, что «большинство людей не может приспособиться к жизни в рыночных условиях».

Наибольшее беспокойство в этот период у населения вызывала безработица, названная в качестве основной проблемы 58% респондентов. Тогда как «кризис морали, культуры, нравственности» — 16%, «отсутствие ясных целей, ориентиров развития республики» — 14% [11]. Налицо преобладание влияния в социокультурном развитии экономических и социальных факторов.

Обозначенные моменты позволяют сделать вывод о том, что в социокультурном процессе в этот период развития казахского общества наблюдается некоторая «консервированность», так как сознание выступающее мощным фактором социальных процессов, пребывало в промех-

точном состоянии. Ведь большинство достижений и неудач, осуществляемых в обществе преобразований, обуславливаются именно способностью или неспособностью сознания на всех уровнях перестроиться в соответствии с требованиями времени.

В октябре 1998 г. Президентом Н. Назарбаевым была озвучена новая стратегия развития Казахстана до 2030 года, в которой есть попытка осмысления и определения роли государства в решении экономических, социальных, политических, идеологических проблем. Особое внимание уделяется трансформации массового сознания, где основной упор делается на молодое поколение в связи с высокой степенью адаптированности.

Как отметил Президент в своем послании, государство способно ускорить процесс перемен путем разъяснения объективных тенденций, доведения важной информации до населения и, самое главное, путем реализации социально-экономической политики, направленной на самодостаточность.

В стратегии выделены семь приоритетов: национальная безопасность; внутривнутриполитическая стабильность и консолидация общества; экономический рост, базирующийся на открытой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных и внутренних сбережений; здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана; энергетические ресурсы; инфраструктура, в особенности транспорт и связь; профессиональное государство.

На основе этих долгосрочных приоритетов постепенно разрабатывается и последовательно реализовывается программа, концентрирующая усилия на конкретных действиях, намеченных в годовых, трех-, а затем и в пятилетних планах. В перспективе они должны служить для концентрации усилий государства и граждан для того, чтобы республика могла занять достойное место в мировой экономической, политической системе.

Стимулируя частную инициативу, создавая широкое поле деятельности для людей предприимчивых и энергичных, государство не отказывается от патронажных обязательств перед стариками, детьми, инвалидами. По мнению Премьер-Министра К. Токаева: «Это святая обязанность правительства, всей системы исполнительной власти. Одним из наших главных врагов становится бедность. Будем перетаскивать за ее черту всех нуждающихся и обязательно с общей помощью» [12].

Идейное продолжение получило в выдвинутых в январе 2001 года в пяти принципах Национальной идеи. Главная ее задача состоит в том, чтобы вдохнуть уверенность народу, дать возможность гражданам государства реализовать огромный созидательный, творческий потенциал.

В настоящее время можно говорить о формировании культурной инфраструктуры в стране, однако отсутствие наглядных результатов является показателем крайнего неблагополучия нашего социума. Возможно, следует особое внимание уделить выявлению катализаторов развития культуры.

С нашей точки зрения, основные процессы в культурной сфере происходили в интеллектуальной элите. Однако все эти движения так и замкнулись в элитной культуре, в которой действительно произошла рыночная революция. Но дальше культурное движение не пошло. Массовая культура на законы рыночной экономики ответила нарастающей примитивизацией отношений, так как здесь были очень сильны устои патриархальной культуры, и которая в своей основе оставалась, по определению Г. Моски, «примитивной», поскольку она слабо подвергалась воздействию со стороны иностранных элементов [13].

Ученые выделяют несколько векторов в духовном развитии. Так, с точки зрения Е. Ертисбаева, в Казахстане нет кризиса ценностей, связанного с трансформационными процессами, но не сосуществуют две различные модели ценностных систем, одна из которых тяготеет к постиндустриальной западной модели ценностей, а другая — к патриархально-коллективистской. Это связывает с состоянием социально-экономического развития страны. Поэтому, как заявляет исследователь, кризис, который переживает сейчас Казахстан, это не кризис ценностей внутри каждого отдельно взятого человека, а столкновение разных парадигм мышления в вопросе о выборе путей дальнейшего развития страны, выборе между обществом традиционного типа и обществом, где в центре внимания находится индивид, а не общность.

Исходя из этого, он делает вывод, что Казахстан относится к ярко выраженному синкретическому обществу, где ценность человека определяется не столько его качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому: профессии, этнонации, классу, организации [14].

Социолог Б. Туреханова также выделяет две тенденции в ценностной стратификации

общества в Казахстане. Но наряду с терри- оризацией западных, либеральных ценно- стей, присущих молодым образованным ин- дивидам, а также тем, кто смог полностью адаптироваться к изменяющимся условиям и даже достичь определенного уровня благо- получения, где все большее распространение получают ценности личной инициативы и ответственности за свою судьбу экономичес- кого процветания и карьерного роста, как отмечает Б.Туреханова, в казахстанском об- ществе еще присутствуют определенные со- циалистические образцы политических цен- ностей, которые до сих пор оказывают свое влияние, но уже в модификационной форме. Это проявляется в живущих патерналистских ожиданиях в отношении государства, в ори- ентации на социальную справедливость и ра- венство, к призыву установления социальной ответственности властных элит перед наро- дом [15].

С нашей точки зрения, в Казахстане сейчас можно выделить структуры и на- правления культуры. Для их определения мы используем терминологию, предложен- ную Н.Нечаевой и О.Бурмыкиной [16].

В обществе существуют два противопо- ложных полюса – элитная культура, кото- рой характерна активно-новационная до- минанта сознания, и массовая культура с присущим ей пассивно-традиционным ти- пом мышления.

В первом полюсе существенную роль играют ориентации, связанные с измене- ниями, активностью, личностными и индиви- дуалистическими установками. Люди, при- держающиеся инновационных взглядов, склонны поддерживать развитие частно- собственнических отношений, более адап- тированы к новым экономическим услови- ям и ведут себя в соответствии с требова- ниями рынка. Социологические опросы показывают, что в поддержку частной соб- ственности высказываются молодые, обра- зованные и обеспеченные люди.

Во второй – ценности, направленные на консервацию традиций и норм, в ней выра- жено общинное, коллективистское начало. Можно выделить два типа корпоративнос- ти – родоплеменные ценности (институт ро- довой взаимопомощи, ынтымак и т.д.) и ре- лигиозные ценности. Для них ценны черты традиционно-культурного идеала человека – справедливость, преданность, тяга к куль- турным корням и традициям. Ее представи- тели выступают против ведения частной соб-

ственности, менее адаптированы к рыноч- ным преобразованиям, соответственно это люди старшего возраста, менее образован- ные, необеспеченные, в основном сельские жители.

Но главную ставку официальные влас- ти сделали на традиционную культуру, в ча- стности, преобладает презентация нашего прошлого. Возможно, это связано с много- численностью представителей пассивно-тра- диционного полюса. Но здесь следует со- блюдать определенные рамки, главное – не допустить, чтобы внешняя презентационная сторона возрождаемых культурных стилей не стала весомее внутренней теоретической, не стала концептуальной. Иначе разрыв между на- родной и элитной культурой, который и ра- нее был значительным, может увеличиться с нарастающей силой.

При преобладании в недрах культуры традиционных идеалов направленность на достижение наивысшей производительнос- ти труда, естественно, отступает не только на второй план, но и приобретает второсте- пенное значение. В то время, как на первый план выступают моральные устои, арханчес- кие ценности, вековая устойчивость.

Однако вышеназванные структуры не существуют в чистом виде, наряду с двумя противоположными полюсами наблюдается наличие промежуточного слоя. Объеди- нение традиционного сознания и процесса вестернизации аккумулируются в джадидизме, предполагающем пропорциональ- ное соотношение старых устоев с новыми.

В казахстанском культурном простран- стве на протяжении тысячелетия развивались формировались элементы, составляющие важнейшие для самого существования стра- ны и народа идеи единства. Настолько ко- нообразно, разнородно, пестро было все в казахстанском обществе, что задача созда- ния некоего единства выглядит поистине титан- ческой. А вот проблема поддержания раз- ных образцов всегда была на периферии круга национально-политических, нравственных воп- росов. Основной проблемой выступает восток- культуросоцидающих импульсов.

Несмотря на то, что по имеющимся оценкам, в настоящее время казахстанский социум стремительно превращается в об- щество, где на одном конце полюса нахо- дится большая часть населения с бытовыми проблемами, а абсолютное меньшинство – в противоположном конце шкалы доходов огромными финансовыми возможностями

тем не менее сегодня можно говорить о про- цессе адаптации казахстанцев к происходя- щим переменам в социальной, политичес- кой и духовной сферах жизнедеятельности.

Все большее распространение в нрав- ственных качествах получает прагматизм: преобладающая направленность человека

только на личную выгоду в социально-по- литических ситуациях, в разрешении различ- ных конфликтов. Но вместе с тем налицо тенденция усиления ценности потребления. Как известно, потребительская психология очень часто перерождается в потребительс- кую идеологию.

Литература:

1. Назарбаев Н. Письмо народу Казахстана «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». – Алматы, Білім, 1997. – С. 85
2. Орлова И.Б. Социология культуры // Российская социологическая энциклопедия. – М., Норма-ИНФРА-М, 1999. – С. 503.
3. Волков И., Мостовая И. Социология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.И.Добренькова. – М., Гардарики, 1998. – 432 с. – с. 377-378.
4. Там же. – С. 379-381.
5. Селезнева Е.Н. Культурная политика сегодня: рецидивы историзма? // Социс. – 1996. – № 10. – С. 127-128.
6. Ертсыбаев Е. Массовое сознание в период общественной трансформации как факторе развития страны // Казахстан-Спектр. – 2000. – № 3–4. – С. 18-19.
7. Ахизер А. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. М., 1992.
8. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социс. – 1995. – № 4. – С. 4–5.
9. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиск взаимосвязей // ОНС. – 2000. – № 1. – С. 25.
10. <http://www.indem.ru/ic/kz01.htm>
11. http://www.glasnet.ru/~indemfond/indfrik1_r.html – 346K
12. Токаев К. Пришло время прагматиков // Континент. – 2000. – № 14, 14-25 января, интервью.
13. Москва Г. Элементы политической науки // Социс. – 1995. – № 4. – С. 140.
14. Ертсыбаев Е. Массовое сознание в период общественной трансформации как фактора разви- тия страны // Казахстан-Спектр. – 2000. – № 3–4. – С. 18–19.
15. Туреханова Б. Политические ценности населения Казахстана в контексте социальных измене- ний // Казахстан-Спектр. – 2000. – № 3–4. – С. 52.
16. Бурмыкина О.Н., Нечаева Н.А. Социокультурные аспекты адаптации населения к рыночной экономике // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. – 2000. – № 4. – С. 111.

РОЛЬ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В ФОРМИРОВАНИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Абдыгулова Н.

Опыт первых лет демократических пре- образований в республике, как и в других постсоветских государствах, безжалостно развеял иллюзии о возможности гладкого и беспрепятственного движения к демокра- тии. Этому во многом способствовала кри- зисная ситуация сложившаяся в казахстан- ском обществе.

Если абстрагироваться от некоторых составляющих этого кризиса, то можно выделить два основных аспекта его про- явления: а) социально-экономический и б) идейно-политический.

Социально-экономический аспект кри- зиса демонстрирует плачевное состояние отечественной экономики и вытекающее из

этого ослабление социальных гарантий со стороны государства. Наиболее показате- льным фактором данного аспекта яви- лось резкое снижение уровня жизни основ- ной массы казахстанского населения, что было вызвано как с задержкой заработной платы, пенсий и иных предусмотренных выплат, так и радикальным сокращением льгот для всех социальных групп.

Это результат отсутствия необходимых средств в бюджете, доходная часть которо- го, в основном, должна формироваться за счет отечественного товаропроизводителя. При этом необходимо оказать реальную и существенную помощь становлению мало- го и среднего бизнеса, как базовой основы

реального сектора экономики. Но, к сожалению, сегодня вся экономика Казахстана оказалась в состоянии стагнации, что значительно сократило налогооблагаемую базу республиканского бюджета.

Экономическая политика государства привела к значительному снижению производственного потенциала страны и стимулировала развитие «теневого» бизнеса, в обороте которого находятся немалые финансовые средства. Все это привело к нарастанию в обществе негативного отношения к проводимым реформам, к институтам государственной власти и, прежде всего, к коррумпированным чиновникам.

Выход из сложившейся ситуации возможен прежде всего, при правильном и полном использовании имеющихся ресурсов, способных обеспечить не только выход из кризиса, но и дальнейшее поступательное движение экономики Казахстана в режиме устойчивого развития.

Идейно-политический аспект кризиса проявляется в том, что после развала Советского Союза и крушения коммунистической идеологии казахстанский народ, как, впрочем, и народы других постсоветских государств, оказался в идеологическом вакууме. Суть такого состояния проявилась в том, что старая коммунистическая идеология канула в Лету, а новой идеи, которая консолидировала бы и направляла развитие общества у казахстанского народа не оказалось. Вследствие этого были размыты основные устои и моральные ценности.

Сложности в процессах демократизации суверенного Казахстана также могут быть объяснены недостаточной сформированностью политической культуры. Переход от однопартийной, пронизанной единой коммунистической идеологией, жесткой закрытой системы с извращенными волонтаристскими «экономическими законами», к открытому, плюралистическому, основанному на здравом смысле и естественных законах обществу, не может совершиться сразу и тем более безболезненно. Трудные процессы, сопровождавшие этот переход, посеяли во многих разочарование, а сам термин «демократия» обрел негативный смысл ассоциируясь с экономическими невзгодами и потерей общественных ориентиров развития. Но демократия не есть некий заверченный образ общества, а лишь средство, «орудие» достижения свободы, причем бесконечно совершенствуемое и развивающееся. И это сред-

ство не может быть механически позаимствовано из развитых демократий, поскольку оно является частью сознания, ментальности, стиля жизни и привычек поведения населения. То есть демократизация общественной жизни есть одновременно и процесс изменения сознания и стереотипов, складывающихся у людей в течение многих лет. Мировой опыт показывает, что не существует идеального способа управления обществом, но человечество еще не придумало чего-либо лучшего, чем демократия.

В контексте трансформации казахстанского общества получили новое качественное содержание институты, имевшие в тоталитарной системе квазидемократический характер. Ее институционализация происходит в условиях перехода от тоталитарной системы со всеми ее атрибутами в совершенно новое качество. Сложность состоит в том, что в стране происходит не просто переход от однопартийной системы к многопартийной, а идет демонтаж тоталитарного государства [1].

Это, прежде всего, относится к политическим партиям и партийной системе Казахстана, которые начали складываться в Казахстане с начала 90-х годов прошлого столетия. Но здесь справедливости ради надо заметить, что этот процесс начал обретать свои реальные очертания лишь в последнее время. Этому способствовали: 1) интенсивное формирование в последние два-три года политических партий иницируемых как снизу, так и сверху; 2) введение в избирательную систему элементов голосования по партийным спискам и т.д. В то же время говорить о складывании многопартийной системы в Казахстане пока преждевременно. Хотя по ряду признаков (как, например, наличие более десятка партий) можно формально утверждать наличие многопартийности.

Но здесь следует заметить, что множество партий еще не означает многопартийности в ее классическом смысле, т.е. ее полноценное воплощение и функционирование возможно лишь при такой форме правления как парламентская республика. Сама специфика функционирования казахстанских партий и партийной системы показывает, что степень их влияния на процесс принятия политических решений остается крайне низкой.

Одной из причин этого является то, что подавляющая часть казахстанских политических партий «...являются либо ин-

теллами, либо группами давления, либо политическими клубами» [2]. Помимо такой характеристики политических партий данной казахстанским ученым М.С. Машаном есть и другие объяснения слабости политических структур Казахстана. Так, например С.А. Дьяченко и Л.И. Кармазина объясняют данную ситуацию отсутствием достаточного организационного и финансового потенциала, узостью или неопределенностью электорального поля, схожестью программ, малой активностью, даже бездеятельностью и пр. [3]. Но ситуация изменилась к осени 1998 г., когда в результате конституционных изменений (октябрь 1998 г.) добавилось 10 депутатских мест в нижней палате Парламента Мажилисе, формируемых по партийным спискам по пропорциональной системе. Эти изменения ускорили процесс партотроения в Казахстане, инициировав и катализируя бум в партийном строительстве [4].

В данной статье мы хотели бы отметить необходимость рассмотрения проблем формирования партийной системы в зависимости от стратификационных процессов происходящих в недрах того или иного общества. Но для удобства рассмотрения здесь необходимо ввести опосредующее звено в виде тех или иных идейно-политических платформ, которые в той или иной мере отражают взгляды и интересы различных социальных слоев и групп.

Исходя из этого можно предположить, что по мере оформления новой социально-стратификационной структуры казахстанского общества, вычленения отдельными слоями и группами своих политических интересов, а также в контексте динамически изменяющейся социально-политической ситуации, неизбежно будет происходить разнородного размежевания политических сил. А это будет приводить к новым тенденциям в деятельности партий и движений. Но при всем этом разнообразии инвариантными останутся идейно-политические платформы, на которых будут они основываться так как на их основе могут появиться предпосылки для формирования различных политических объединений и блоков со схожими идейными установками и задачами, векторами политических действий.

Говоря об идейно-политических платформах надо заметить, что на данный момент в политической сфере Казахстана можно выделить четыре такие платформы:

1. Националистические и национальные платформы, в которых, так или иначе, утверждается приоритет интересов отдельных наций и этнических групп в ущерб интересам других наций и этнических групп;

2. Классовые платформы, отстаивающие приоритет интересов одних классов (гегемонов) над интересами других классов, социальных групп и слоев общества;

3. Радикально-либеральная платформа, утверждающая приоритет частной собственности над всеми остальными ее формами, что, в конечном итоге, приводит к выделению приоритета интересов очень узкой олигархической группы граждан над интересами подавляющей части населения страны;

4. Центристская платформа, которая утверждает приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными, региональными, профессиональными и другими интересами, а также полное равноправие всех форм собственности и широкомасштабное социальное сотрудничество.

Исходя из вышеприведенной типологии идейно-политических платформ, постараемся вкратце охарактеризовать каждую из них в отдельности.

Что же касается первой платформы, то развитие политической системы Казахстана после 1993-1994 гг. показало, что партии и движения национального и националистического толка (с доминированием идеи национальной обособленности и исключительности) не имеют широкой социальной базы в нашей стране. В настоящее время этническая мобилизация населения Казахстана после ее пика в 1991-1993 гг. пошла на убыль.

Вместе с тем здесь следует не упускать из вида того, что сам факт полиэтничности Казахстана может породить: 1) межэтнические противоречия представляющие наибольшую угрозу государственности суверенного Казахстана; и 2) с другой стороны - продуманная и взвешенная национальная политика государства способна не только ослабить эти противоречия, но и превратить их в мощный фактор социально-политического и культурного прогресса.

Вторая платформа. Для большинства казахстанских граждан идеи классового интереса также неприемлемы, так как в основе этой платформы лежат идеи классовой борьбы, а также стремление не только подчеркнуть, но и развить классовые противоречия в обществе. Но после крушения тоталитарного социализма, основанного на коммуни-

стической идеологии, социальная база и поле для политического маневра партий классового толка резко сузились.

Что касается **третьей платформы** – радикально-либеральной, то это те взгляды и идеи, которые идут под лозунгом абсолютного приоритета частной собственности. Как известно в результате «бешеной приватизации» основная часть собственности оказалась сконцентрированной в руках очень малой группы лиц (олигархов). Их интересы как раз и представляют партии и движения радикально-либеральной платформы.

Как показывает зарубежный опыт и непосредственно сама практика партийного строительства в нашей стране, радикальные воззрения в процессе демократических преобразований общества не имеют серьезной социальной опоры и перспективы. Поэтому можно предположить, что мала и социальная база таких движений, хотя они и обладают большими финансовыми ресурсами. И более того они готовы использовать эти ресурсы, чтобы прийти либо к власти, либо во власть.

Четвертая платформа. Из вышеперечисленных политических платформ, на наш взгляд только центристские подходы способны в максимальной степени отразить интересы большинства казахстанцев. Так как из этой платформы следует необходимость обеспечения реального равенства всех форм собственности и их взаимовыгодного развития, не выделяя одну форму собственности в ущерб другой, а также создание социально-ориентированной рыночной экономики, которая является не целью, а только **средством** построения «государства благосостояния». Центристская платформа дает возможность максимально учесть интересы всех групп и слоев населения, включая и социально-незащищенные слои населения.

Эта платформа в отличие от националистических и классовых платформ исключает из своей теории и практики принципы насильственного насаждения тех или иных моделей социально-экономического развития, оставляя за собой право учесть имеющийся мировой опыт. Она также исходит из того, что все процессы в области социаль-

но-экономического развития должны развиваться эволюционным путем, а не методом «шоковой терапии» (в отличие от радикально-либеральной платформы). Отсюда следует, что основной принцип воздействия на ход и темпы социально-экономического развития – это принцип постепенного и целенаправленного реформирования всех сфер казахстанского общества.

Идея необходимости рассмотрения формирования партийной системы в контексте идейно-политических платформ, отражающих в какой то мере взаимосвязь и взаимозависимость партийной системы со статификационными изменениями происходящими в недрах общества показывает, что на прямую невозможно это вычленивать. Тогда остается опосредованный путь, то есть показать эту зависимость через электоральную систему [5]. Поэтому вполне справедливо то, что многие ученые рассматривают последнюю как одним из показателей политической системы и того, как в ней складывается многопартийность. Ее основной целью должно стать справедливое отражение воли избирателей, способствующее вводу адекватного соотношения требований и поддержки, позволяющее на основе действия обратной связи проводить своевременную корректировку правительственного курса с целью недопущения социальных катаклизмов. Чем более социального взрыва непосредственно самой политической системы.

Что же касается перспектив развития партийной системы Казахстана в ближайшие два-три года, то они, на наш взгляд, будут тесно связаны и обусловлены с принятием нового законодательства о местном самоуправлении, включающего механизмы выборов региональных властей, а также, надежды на то, что маслихаты функциями не только представительного органа, но и, по существу, арбитражными в спорах общественных объединений и неправительственных организаций с местными администрациями. А это и новый импульс к партийной борьбе и, возможно и новой расстановке сил в партийной системе.

Литература:

1. Куанышев Ж.И. Институционализация плюралистической системы в бикультуральном обществе Казахстана // Казахстан-Спектр. – 2000, – № 3-4.
2. Машан М.С. Партийная система Казахстана: партийные и системные аспекты // Казахстан-Спектр. – 2001, – № 1.
3. См.: Дьяченко С.А., Кармазина Л.И. Республика Казахстан: особенности политической системы. – Алматы, 1999. – С. 77.

4. См.: Машан М.С. Расширение выборности и совершенствование выборного законодательства // Казахстан-Спектр. 2001. – № 1.

5. В данном случае мы опираемся на мнение Т.Т.Исмагамбетова о том, что «...электоральная система является: во-первых, институциональным фильтром между политической системой и общественной средой, окружающей эту систему; во-вторых, каналом ввода требований и запросов в политическую систему; в-третьих, одним из компонентов петли обратной связи между политической системой и окружающей ее средой, что особенно проявляется в период выборов. В пределах политической системы электоральная система составляет часть нормативно-регулятивной подсистемы, являясь комплексом политических и правовых норм и традиций. Электоральной системе свойственна функция коммуникативной подсистемы – конкуренция политических альтернатив». (См.: Исмагамбетов Т.Т. Особенности посттоталитарного развития электоральной системы Республики Казахстан. Дис... канд. полит. наук. – Алматы, 1999. – С. 9.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Шарипбаев К.К.

В Конституции Республики Казахстан 1995 года в статье 89 законодательно закреплена возможность местного самоуправления в РК. «В Республике Казахстан признается местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения» [1]. Но самого Закона о местном самоуправлении в Казахстане нет. Хотя в Законе Республики Казахстан «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» (от 23 января 2001 года) упоминается понятие местного самоуправления, но только в связи со статьями 35 п. 15 (Компетенция акима), где сказано: «Аким ... взаимодействует с органами местного самоуправления», ст. 19 п. 6 «Секретарь маслихата организует взаимодействие маслихата с органами местного самоуправления», ст. 29 п. 7 «Аким области... взаимодействует с органами местного самоуправления через акимов районов» [2].

Здесь справедливо ради можно указать еще несколько законодательных актов, имеющих отношение к местному самоуправлению в РК. Это такие как: «О бюджетной системе», «О государственной службе», Конституция региональной политики, но непосредственно сам закон, регламентирующий деятельность органов местного самоуправления в РК, еще не принят. Поэтому в этой статье придется говорить о тех сферах, которые относятся в настоящее время к компетенции органов местного государственного управления, но которые могут быть частично переданы органам местного самоуправления.

Предварительно рассмотрим некоторые факторы, сдерживающие развитие местного самоуправления в РК. Принцип единства го-

сударственной власти оправдан в настоящее время задачами сохранения единства государства и модернизации казахстанского общества. Но при последовательном проведении принципа единства государственной власти местному самоуправлению (в той форме, в какой местное самоуправление функционирует во многих развитых странах и какая закреплена в Европейской Хартии о местном самоуправлении) места нет. Поэтому и анализ ряда Законов РК и других законодательных актов (имеющих отношение к компетенциям, и которые могут быть отнесены к органам местного самоуправления) показывает, что правового поля для деятельности органов местного самоуправления в настоящее время не существует.

Если говорить о факторах, сдерживающих развитие местного самоуправления в Казахстане, то они таковы:

– существующее законодательство РК не отвечает сочетанию интересов и потребностей развития территории и местного населения с общегосударственной политикой. Ст. 85 Конституции РК определяет, что ответственность за состояние дел на соответствующей территории осуществляется местными представительными и исполнительными органами. Поскольку исполнительный орган ответственен за проведение общегосударственной политики, то интересы граждан формально осуществляются представительным органом. Иными словами при слабой законодательной и нормативной базе функции органа местного самоуправления фактически реализуются представительными органами власти;

– при нечетко сформулированных фун-

циях в системе единой власти маслихаты фактически играют совещательную роль, в то время как все решения принимают акимы, хотя в соответствии с законодательством представительные органы обладают некоторыми разрешительными полномочиями по утверждению планов экономических и социальных программ развития территории, местного бюджета и др. На практике данные потенциально важные полномочия маслихатов не работают, поскольку, во-первых, не имеют механизмов реализации, во-вторых, маслихаты не желают «портить отношения» с акимами;

— некоторые пункты статей Конституции РК и Закона РК «О местном государственном управлении в РК» ограничивают роль маслихатов в подготовке и принятии управленческих решений. Например, ст. 88 (2) Конституции РК гласит: «Проекты решений маслихатов, предусматривающие сокращение местных бюджетных расходов, могут быть вынесены на рассмотрение лишь при наличии положительного заключения акима»;

— в системе государственного управления отсутствуют механизмы реализации инициатив маслихатов в соответствии с интересами развития территории и местного населения.

Что же касается маслихатов, то они как представительные органы, не имеют возможности эффективно принимать решения поскольку:

— существует реальная зависимость маслихатов от исполнительной власти в вопросах финансирования и штатного расписания;

— представительные органы местного управления не имеют возможности влиять на выработку законов и общегосударственную политику, поскольку не обладают правом законодательной инициативы;

— отсутствует механизм эффективного взаимодействия центральных и местных органов управления, исполнительных и представительных органов власти при подготовке и принятии управленческих решений, нормотворчестве и т. д.;

— два основных источника власти на местах акиматы и маслихаты не имеют эффективного механизма взаимодействия, что приводит либо к их противостоянию, а чаще — к подавлению представительного органа властью акима;

— властные полномочия местных органов управления распределены неравномер-

но. Большая часть прав сосредоточена на областном уровне. Районный (городской) уровень представляется как орган реализации власти областного уровня;

— наиболее слабое звено в иерархии государственного управления — сельские (поселковые) акимы. Обладая полным набором обязанностей исполнительной власти и находясь ближе всего к гражданам соответствующей территории, они не имеют достаточных прав. Как правило, они не являются юридическим лицом, не имеют самостоятельного расчетного счета в банке, т. е. не имеют финансовых и материальных рычагов власти;

— отсутствует механизм участия нижних уровней местного государственного управления в процессе формирования расходной части бюджета. Практика формирования доходной части бюджета в свою очередь не способствует заинтересованности местных органов в расширении налоговой базы, а также созданию муниципальных предприятий и организаций;

— коммунальная собственность местных органов декларативна при отсутствии механизма ее выделения из государственной собственности и распределения по уровням управления. Отсутствие достаточной нормативной базы управления коммунальной собственностью не способствует образованию и деятельности муниципальных предприятий, создаваемых за счет местных финансовых источников, а также формированию общественных фондов, ассоциаций, объединений и т. д. по реализации совместных интересов различных территорий;

— существует проблема кадрового обеспечения органов местного государственного управления и самоуправления. Новый механизм формирования кадров на конкурсной основе в принципе не решает эту проблему, поскольку местное самоуправление не входит в систему единой государственной власти.

Помимо перечисленных факторов, сдерживающих развитие местного самоуправления, необходимо отметить недостаточный уровень инициатив населения, что связано неразвитостью гражданского общества в Казахстане, отсутствием среднего класса и среднего экономического и социального уровня населения.

После рассмотрения вышеизложенных факторов, мешающих развитию местного самоуправления в РК, обратимся к вопросам финансово-экономической базы местного самоуправления;

ного самоуправления; базе, которая в настоящее время относится, как мы выше отмечали, к органам местной государственной власти, но, может быть, частично, отнесена к органам местного самоуправления, в случае их законодательного оформления.

Можно с большой вероятностью предположить, что в случае принятия Закона РК «О местном самоуправлении в РК» финансовой основой местного самоуправления останутся те же источники, которые в настоящее время (в условиях отсутствия данного закона) образуют местные бюджеты.

Доходная часть местных бюджетов складывается из следующих составляющих:

— поступления от местных налогов (по доходный налог с юридических лиц — 50%; акцизы на все виды алкогольной продукции — 50%; игорный бизнес; подоходный налог с физических лиц; социальный налог; налог на имущество юридических и физических лиц; земельный налог; единый земельный налог; налог на транспортные средства; доля Республики Казахстан по разделу продукции по заключенным контрактам в части, поступающей в местный бюджет; сбор за регистрацию физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью; лицензионный сбор за право занятия отдельными видами деятельности; сбор за государственную регистрацию юридических лиц; сбор с аукционных продаж; сбор за право реализации товаров на рынках; плата за воду; плата за лесные пользования);

— неналоговые поступления (поступления дивидендов на пакет акций, являющихся коммунальной собственностью; поступления доходов от проведения лотерей местными представительными органами; вознаграждения, полученные за предоставление кредитов из местного бюджета; поступления от продажи имущества, принадлежащего местным представительным и исполнительным органам; поступления от аренды имущества коммунальной собственности; платежи за загрязнение окружающей среды в местные государственные фонды охраны окружающей среды; средства, полученные от природопользователей по искам о возмещении вреда; плата за государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, государственная пошлина; прочие административные сборы; административные штрафы и санкции, взимаемые государственными учреждениями, подведомственными местным исполнительным органам);

— доходы от операций с капиталом (поступления от приватизации объектов коммунальной собственности; поступления от продажи права постоянного землепользования);

— официальные трансферты (от вышестоящих и нижестоящих бюджетов; от физических и юридических лиц);

— погашения основного долга по ранее выданным из местных бюджетов кредитов [3].

Что касается экономической основы местного самоуправления, то ее составляют: собственность местного сообщества; государственное имущество, переданное в управление местному сообществу; местные финансы. В основном, как видим, это объекты коммунальной собственности. В настоящее время в Казахстане как таковой коммунальной собственности нет (собственность носит или государственный или частный характер). Поэтому образоваться коммунальная собственность может только из этих видов собственности. Тенденция развития коммунальной собственности состоит в следующем: государство передаст часть своей собственности в распоряжение местных исполнительных и представительных органов, а со временем и органам местного самоуправления. Частная собственность может участвовать в образовании коммунальной посредством передачи функций управления частной собственностью местному сообществу.

Наряду с теми возможностями развития местного самоуправления, которые связаны с финансово-экономической базой, следует обратить внимание на необходимость децентрализации власти и бюджетной децентрализации (разделение бюджетов всех уровней).

В этой связи представляет интерес опыт Соединенных Штатов Америки. Д. Бирд, директор проекта Агентства США по Международному развитию «Развитие местного управления», осуществляемого международной Ассоциацией Менеджеров Городов (ICMA), излагая основные принципы организации местного самоуправления в США, подчеркивал существующие различия между США и Казахстаном, которые не могут не сказаться на организации местного самоуправления в Казахстане. «...На первый взгляд, история, культура и статус развития США и Казахстана выглядят совершенно разными. Также, правда и то, что на глобусе, США и Республика Казахстан занимают почти поллярно разные положения. Однако, существует ряд других аспектов, которые необходи-

мо учесть и принять во внимание: 1) обе страны занимают огромные территории и богаты ресурсами; 2) обе страны обладают разнообразной этнической базой; 3) обе страны имеют высокообразованных людей в сравнении с общемировыми условиями; 4) климатические условия обеих стран очень схожи. Эти факторы могут облегчить приспособляемость определенного опыта США в вопросах децентрализации до тех пор, пока он воспринимается ключевыми руководителями в Республике Казахстан как желательный и полезный» [4].

Д.Бирд напоминает, что в США существуют: 50 – штатов (эквивалентных казахстанским областям); 3 400 – графств (эквивалентных казахстанским районам), 19 300 – муниципалитетов (эквивалентных казахстанским городам); 16 700 – тауншипов (эквивалентных казахстанским аулам); 14 600 – школьных районов (типа университетских кампусов) и 33 100 – специальных районов. «Для существования и взаимодействия всех этих уровней управления существует исчерпывающая законодательная база. По большому счету, несмотря на то, что эта законодательная база динамична и всегда приспособлена, один из основных ведущих принципов заключается в том, что каждый уровень управления должен заниматься теми видами деятельности, для выполнения которых он наиболее хорошо оснащен по размеру работ, уровню ресурсов и местонахождению» [5].

Вот этот принцип соответствия системы управления задачам, стоящим перед местным сообществом и возможностям данного местного сообщества, в силу его очевидности, может быть применен и к Казахстану. Этот же принцип может быть (наряду с другими) положен в основу концепции децентрализации в Республике Казахстан. Мы уже неоднократно говорили о том, что децентрализация властных полномочий и оптимизация экономических регионов – одни из главнейших условий развития системы местного самоуправления в Казахстане. Население может вполне осознать преимущества самоуправления, могут быть выделены компетентные лидеры, способные возглавить органы местного самоуправления, но жесткая централизация власти (или не менее жесткая «вертикаль власти», идущая на смену сверхцентрализованной системе государственной власти в Казахстане) не позволяют развиваться даже зачаточным формам местного самоуправления.

С точки зрения Д.Бирда децентрализация имеет следующие преимущества для общества:

«• Децентрализация дает возможность центральному правительству сконцентрировать внимание на вопросах национального значения, т.е. вопросах, которые по своему характеру не могут успешно решаться другими органами управления. Очевидно, что в иерархической, децентрализованной системе на каждый уровень управления можно возложить те функции, которые могут оптимально выполняться ими.

• Децентрализация способствует более глубокому вовлечению граждан в процесс управления, что одновременно способствует обучению граждан и вызывает у граждан чувство собственного достоинства и преданности государственной политике и решениям, в принятие которых они внесли свою лепту.

• Децентрализация может укрепить общую экономику, если финансовая система предоставляет стимул органам местного управления для участия в местном экономическом развитии.

• У децентрализации есть потенциал оказать едва уловимое, но очень важное позитивное воздействие на менталитет граждан. Моральный дух и сила граждан могут быть существенно улучшены, в силу того, что они сами могут позитивно влиять на улучшение их собственной жизни» [6].

Отсюда можно сделать вывод, что децентрализация власти, вопреки многим опасениям, способна, напротив, укрепить власть, так как она оптимизирует соотношение властных полномочий и ответственности за их осуществление. Относительно местного самоуправления децентрализация власти означает следующее.

1. Развитие местного самоуправления объективно предполагает децентрализацию власти, перераспределение ее по различным уровням исполнительной власти, а также исполнительных – к представительным органам, от представительских – к органам местного самоуправления.

2. Децентрализация власти по данной схеме достаточно длительный процесс, требующий создания законодательной базы в принципе еще не решает проблемы развития местного самоуправления на муниципальной основе. Поэтому на первом этапе развития местного самоуправления целесообразно сконцентрировать местное

управление на районном уровне путем перераспределения ряда областных полномочий исполнительной власти при активизации существующих механизмов, форм и методов развития представительной власти и органов местного самоуправления, включая развитие демократии и гражданской инициативы. Полученные в результате децентрализации полномочия целесообразно зафиксировать в Уставе района (города) или статусных актах, например, Положении об аппарате акима.

3. Развитие местного самоуправления на районном уровне требует укрепления полномочий акима сельского (поселкового) уровня, предоставление ему права юридического лица. Изменение статуса сельского (поселкового) акима явится основой инфраструктуры местного самоуправления на сельском (поселковом) уровне.

4. В соответствии со ст. 87 Конституции РК децентрализация власти на местном уровне означает децентрализацию следующих функций:

– разработка планов, экономических и социальных программ развития территории, местного бюджета и обеспечение их исполнения;

– управление коммунальной собственностью;

– назначение на должность и освобождение от должности руководителей местных исполнительных органов, решение иных вопросов, связанных с организацией работы местных исполнительных органов.

5. Мировая практика при делегировании власти исходит из следующих предположений (Европейская Хартия о местном самоуправлении):

– право местных органов приспособлять, корректировать полномочия, исходя из местных условий;

– право местных органов формировать политику и реализовать инициативы, исходя из местных интересов, в рамках действующего законодательства;

– права местных органов самим определять свою организационную структуру и приоритеты в расходной части бюджета, исходя из местных условий;

– право местных органов влиять на решения вышестоящих органов управления в процессе планирования и принятия любых решений, касающихся органов местного самоуправления и необходимых для обеспечения местной политики.

6. Существуют различные модели децентрализации власти. Однако если рассматривать ее как процесс наделяния полномочиями органов власти конкретного города, района, то необходимы конкретные практические шаги для достижения согласия между интересами центра, области и интересами города района. Механизм реализации: переговоры, совещательные комиссии, рабочие группы, программы реализации. В любом случае процесс децентрализации власти должен достичь уровня субъектов местного самоуправления.

7. Децентрализуемыми административными функциями первоначально могут быть такие, которые относительно легко передать на нижние этажи управления, а именно: дошкольные и школьное образование, здравоохранение и другие социальные программы.

Представляется целесообразным разделить функции управления соответственно уровням органов управления (сельский округ, район, область). Сельский округ может взять на себя вопросы землепользования, благоустройства территорий, содержания учреждений культуры, теплоснабжения, обеспечения водой и иные жилищно-коммунальные вопросы. Функции органов управления на уровне района расширяются за счет вопросов дошкольного, начального и общего среднего образования, первичной медицинской помощи, охраны общественного порядка, строительства, содержания транспортной инфраструктуры, охраны окружающей среды, торговли и бытового обслуживания. Функции органов управления на уровне областей еще более широки, и включают в себя практически все вопросы государственной и общественной жизни, за исключением входящих в компетенцию центральной власти.

8. Необходимо укрепить контрольные функции представительных органов. Разработать механизм участия маслихатов уже на стадии подготовки управленческих решений исполнительной власти на основе развития совещательных и консультативных функций представительных органов.

9. Развитие местного самоуправления диктует необходимость выделения коммунальной собственности из государственной и закрепления ее по уровням власти, включая уровень местного самоуправления.

В соответствии с Конституцией РК ст. 6 п. 1 признается равным образом государственная и частная собственность. Обозначение

на также коммунальная собственность ст.87 п.2. При этом право организации управления государственной собственности дано Правительству РК ст.66 п. 4; местные исполнительные органы наделены правом управления коммунальной собственности ст.87 п. 2. Но механизм реализации отсутствует.

Децентрализация власти тесно связана с разделением отношений владения между центром и регионами. Для централизации собственности необходимо осуществить ряд практических шагов:

– выделить из государственной и зафиксировать коммунальную собственность с разделением собственности между центром и регионами. Для централизации собственности необходимо осуществить ряд практических шагов:

- выделить из государственной и зафиксировать коммунальную собственность с разделением собственности между центром и регионами. Для централизации собственности необходимо осуществить ряд практических шагов:
- а) объекты социально-экономического хозяйства города как единое целое;
- б) коммунальная собственность, закрепленная за территориальными органами государственного управления;
- в) коммунальная собственность, закрепленная за предприятиями, организациями на правах полного хозяйственного управления;
- г) коммунальная собственность, закрепленная за предприятиями, организациями на правах оперативного управления;
- наделить маслихат правом контроля за управлением коммунальной собственности и правом создания муниципальных предприятий (организаций).

Если мы принимаем тезис о маслихате, как органе формирующем местную политику, то следует разделить полномочия исполнительных и представительных органов в сфере управления коммунальной собственностью. Например, маслихат представляет экономическую власть города, района и отвечает за разработку социально-экономических программ, формирование перечня муниципальных услуг, а также тарифов на данные услуги, условия тендера (контракта) на их реализацию. Акимат осуществляет исполнительно-распределительные функции, как поставщик услуг и организатор муниципальных служб.

Отсюда, маслихат должен быть наделен правом устанавливать правила по управлению коммунальной собственностью, а также правом создания и распоряжения муници-

пальными предприятиями (организациями). Полномочия участников управления коммунальной собственности необходимо зафиксировать в статусном документе, например, Положении об основах разграничения полномочий территориальных комитетов и акиматов, акиматов и маслихатов в сфере управления коммунальной собственности.

10. Необходима правовая и организационная основа создания и деятельности предприятий, организаций на территории местного сообщества.

Наконец, последний аспект, который связан с децентрализацией власти и разделением собственности между центром и регионами – это разделение бюджетов всех уровней. В этой сфере, если говорить коротко, для развития местного самоуправления, необходимыми являются следующие шаги. Децентрализация власти должна быть дополнена принципиальным реформированием существующих механизмов межбюджетного регулирования и практики сбора и распределения налогов. В качестве двух основных принципов финансово-бюджетного управления предлагаются следующие:

- обязательное закрепление за каждым уровнем управления как конкретных обязательств, так и устойчивых источников финансирования, что позволит уменьшить финансовые потоки и ослабить субъективную зависимость нижестоящих уровней власти от вышестоящих;
- распределение бюджетных средств должно производиться в соответствии с прогнозами социально-экономического развития территорий.

Мы рассмотрели некоторые возможные действия, выполнение которых будет способствовать становлению и развитию местного самоуправления, позволит нормально функционировать его органам. Конечно, предложенными мерами ограничиваться не следует; это только первые шаги. Безусловно, самым главным условием возможности функционирования местного самоуправления является принятие Закона РК «О местном самоуправлении в Республике Казахстан». Без этого Закона ситуация складывается таким образом, что инициативы населения в сфере самоуправления оказываются неправовыми. Уделим внимание этой проблеме, так как она важна.

В настоящее время в РК действуют столько органы местного самоуправления (так как законодательного оформления

еще нет), сколько общественные органы самоуправления на тех или иных территориях. Примером могут служить так называемые территориальные комитеты самоуправления, действовавшие с 1991 г. (первоначальное название КОСы – комитеты общественного самоуправления) до 1998 г., потом их правомочность была поставлена под сомнение. Хотя ТКС в Костанайе, например, пытались легализовать себя, разработав, совместно с городским акиматом Положение о ТКС и утвердив это Положение на сессии гормаслихата, однако с правовой точки зрения деятельность их оказалась безупречной. Как пишет казахстанский специалист по муниципальному праву А.А.Таранов, «критически оценивая подобные начинания, нельзя не видеть, что попытки объединения общественных инициатив и механизма местного администрирования не имеют правовой основы» [7].

Приходится констатировать, что без принятия Закона «О местном самоуправлении в Республике Казахстан» все попытки местного сообщества в той или иной форме развить местное самоуправление наталкиваются на правовые, финансовые, хозяйственные нарушения. Это положение в целом отражает современное состояние местного самоуправления в РК. В.И.Рубинский, в 1997 году – секретарь Костанайского гормаслихата, делая своим опытом работы с ТКС (а эти ТКС занимались социальными вопросами: добивались своевременной выдачи пенсий; содействовали обществу защиты прав потребителей; организовывали комитеты многодетных матерей и национально-культурные центры; проводили большое количество культурных мероприятий; влияли на деятельность коммунальных служб; шествовали над домами для детей-инвалидов и престарелых и т.д.), отмечал, вместе с тем, что «без законодательной базы, призывой на республиканском уровне», ТКС «чувствуют себя какими-то подпольны-

ми формированиями» [8]. Трудно не признать, что ТКС делали очень нужное дело, но делали его вне правового обеспечения; хотя все, что они делали, составляет самую сердцевину деятельности органов местного самоуправления. Поэтому Казахстану нужен Закон «О местном самоуправлении в РК». Но и после принятия этого Закона потребуются большая и кропотливая работа по разработке и внедрению достаточно большого количества реальных форм функционирования органов местного самоуправления. Предложения, высказанные в статье, имеют в виду именно эту цель.

Какой из проведенного анализа следует вывод для развития местного самоуправления в Казахстане?

Во-первых, следует создать четкие правовые основы местного самоуправления, иначе говоря, нужен Закон РК «О местном самоуправлении в Республике Казахстан».

Во-вторых, необходима определенная и ясная региональная политика страны.

В-третьих, требуется реальное осуществление децентрализации власти.

В-четвертых, необходимо развивать общий уровень демократизации в Казахстане, так как самым глубоким основанием возможности развития местного самоуправления в РК является дальнейшая демократизация казахстанского общества.

Казахстан, как унитарное государство, сталкивается с дополнительными трудностями в осуществлении политики развития местного самоуправления. Но Казахстану, в известной мере, легче проводить эту политику, в сравнении с федеративными государствами, той же Россией, например, где на собственные трудности местного самоуправления накладывается еще и «парад суверенитетов». Ясно одно – развивать местное самоуправление в Казахстане необходимо.

Литература:

1. Конституция Республики Казахстан. – Алматы, 1995.
2. Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» // Казахстанская правда, 30 января 2001 г.
3. Закон Республики Казахстан «О бюджетной системе» от 1 апреля 1999 г.
4. Бирд Д. Политические преимущества децентрализации: опыт США // Муниципальное управление. Информационный Бюллетень. 1999. Вып. № 12. – С. 7.
5. Там же. – С. 8.
6. Там же. – С. 8-9.
7. Таранов А.А. Муниципальное право Республики Казахстан. – Алматы, 1999. – С. 45.
8. Рубинский В.И. Казахская модель возникновения и развития местного самоуправления. Проблемы и перспективы // О местном самоуправлении. Сборник выступлений участников круглого стола. Фонд Сорос – Казахстан. – Алматы, Фонд Сорос – Казахстан. 2000. – С. 30-32.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В КАЗАХСТАНЕ

Матаев Г.М.

Как показывает мировой опыт в транзитных обществах, к которым относится и Казахстан, напрямую неприменимы понятия и категории экономики стабильных обществ (мы уже оторвались от экономики социалистического типа, но еще очень далеки от общества, экономика которого регулируется спросом и предложением). Поэтому, какие бы понятия, отображающие экономические процессы, происходящие в развитых странах, мы не привлекали для описания состояния казахстанской экономики, понятия эти не вполне соответствуют процессам в экономике Казахстана. Они будут только приблизительно отображать реальные процессы в Казахстане. В силу этого мы и отмечаем, что и то не так, и это не так. Вроде бы инвестиции, вроде бы реструктуризация, но без должного эффекта, вроде бы процедура банкротства, но без оздоровления, вроде бы фондовый рынок, но со странными ценными бумагами и способами их вывода на биржу и т.д. В таком положении нет ничего странного: транзитная экономика смешанного типа не может адекватно быть передана в понятиях стабильной экономики, хотя в некотором приближении, для обозначения и наименования, идущих у нас процессов, эти понятия можно применять, не следует только удивляться несовпадению содержания этих понятий в развитой экономике и в нашей.

Как известно, «средний класс» является средним между классом богатых и классом бедных. В развитых обществах средний класс – это большая группа населения (по некоторым выкладкам – около 60% населения этих стран); средний класс занимает прочные позиции практически во всех сферах общества, играя ключевую роль в функционировании государства (поэтому его оправданно называют «становым хребтом» общества). Каковы же основные характеристики среднего класса в развитых обществах, каковы критерии среднего класса?

Общепризнанно, что параметры, по которым определяется принадлежность к среднему классу, это следующие: уровень образования; уровень дохода; самодентификация себя как представителя среднего класса;

тип потребления; характер домовладения недвижимой собственностью. Эти признаки переменны, но их набор имеет классический характер для развитых стран.

Средний класс в обществе, находящемся в переходном или транзитном состоянии, заметно отличается от среднего класса стабильно существующих обществ. Отличия эти настолько существенны и глубоки, что о них можно и нужно говорить, как о существенных различиях.

Если в обществах, складывающихся в течение длительного времени, медленно эволюционирующих и преемственно развивающихся, средний класс явился результатом такого развития и выступает естественно сложившимся элементом структуры общества, играет специфическую и необходимую для общества роль – что и позволяет говорить об «организующем», «цементирующем» значении среднего класса в развитых, стабильных обществах, – то совершенно иное значение и роль среднего класса в обществах, резко меняющих свою ориентацию и переживающих переходный период. Обсуждение проблемы «что есть по существу средний класс в обществах транзитного типа» очень важно, так как позволяет решить ряд вопросов о природе социальной группы, именуемой средним классом в таких обществах, и, помимо этого, позволяет устранить много вопросов, возникающих вследствие не вполне ясного статуса этой социальной группы.

Для начала напомним, что есть «средний класс» в развитых странах. Во-первых, понятие «среднего класса» является собирательным: к нему причисляются люди, имеющие самые разные профессии, уровни образования, возраст, происхождение и т.п., то есть средний класс объединяет людей, обладающих достаточно разнообразными социальными статусами. Этот разнородный набор социальных статусов объединяется в одно целое уровнем доходов. Именно по этому уровню доходов является определяющим и конституирующим социальную группу, носящую название «средний класс». Второе, в развитых странах с достаточно высоким уровнем доходов на душу населения к среднему классу принадлежит значительная

часть населения этих стран, следовательно, в процентном отношении доля среднего класса в таких странах высока. Третье, надо иметь в виду, что в самом термине «средний класс» заложено вполне определенное понимание сущности социальной структуры общества. Понятие среднего класса неуместно, скажем, в марксистской классовой теории общества: в ней классы определяются по признаку отношения к собственности – владеют они собственностью или нет; в такой теории нет среднего класса. Понятие среднего класса возникает тогда, когда снимается вопрос о происхождении доходов: имеют доходы своим источником владение собственностью, ренту с собственности, прибавочный капитал, заработную плату или иные формы – становится безразличным; определяющим является абстрактно вычлененный уровень доходов. Поэтому, когда американским социологом У. Уотсоном была разработана теория социальной стратификации, согласно которой все общество можно разделить на три больших группы: высший класс, средний класс, низший класс (с выделением в каждой из этих групп по две подгруппы: высший высший класс – низший высший класс; высший средний класс – низший средний класс; высший низший класс – низший низший класс) – именно тогда получило «право гражданства» понятие «средний класс». Можно видеть, что средний класс – понятие абсолютно деполитизированное; оно приносит с собой тенденцию гражданского примирения и гражданского согласия. Последнее, если проследить эту тенденцию дальше, органично, через ряд опосредований, приводит к так называемому «гражданскому обществу» – желательному типу общественного устройства. Именно этим последним обстоятельством объясняется тот факт, что в развитых странах, в основных моментах построивших гражданские общества, большинство граждан относятся к среднему классу.

Итогом обращения к сущности среднего класса развитых стран является следующий вывод: средний класс обязан своим происхождением развитой инфраструктуре общества, базирующейся на развитой экономике и соответствующим ей отношениям в обществе, т.е. средний класс – результат прогрессивного и сбалансированного развития общества.

Теперь обратимся к социальной группе, именуемой «средним классом» в обществах транзитного типа, имеющих смешанный ха-

рактер экономики – именно таков в настоящее время Казахстан. На первый взгляд и здесь критерием принадлежности к среднему классу является уровень доходов. Но более углубленный анализ показывает, что в странах с транзитной экономикой уровень доходов как критерий среднего класса должен быть дополнен такими характеристиками, как структура и источник доходов. Простой пример, крупный рекетир – принадлежит ли к среднему классу и если да, то может ли средний класс считаться «становым хребтом» общества? Так как в эпоху первоначального накопления капитала крупных бандитов разного рода много, то, соответственно, высока доля их в составе среднего класса. Средний класс, в значительной мере составленный из таких людей, задает тон бытию общества в целом (и в этом смысле, действительно, во многом определяет, «организует» и «цементирует» общество, однако, при этом организуется не лучшее общество).

К среднему классу переходных обществ относятся и служащие банков, занимающие должности среднего звена. Однако в условиях, когда основная деятельность банков состоит в операциях с валютой и спекуляциях ценными бумагами – таковы банки у нас – и эта часть среднего класса мало продуктивна в создании здорового общества.

Можно привести множество аналогичных примеров, но лучше сразу сформируем тезис: в подавляющем большинстве людей, образующие «средний класс» современного Казахстана, очень мало похожи на «становой хребет» общества. Поэтому с таким средним классом не следует связывать надежды на развитие и, тем более, процветание общества.

Вообще, в своей надежде на средний класс, как опору общества, не следует особо обольщаться нашими возможностями, заимствовать то положительное, что сложилось в развитых странах. Там, действительно, средний класс играет роль стабилизирующего фактора и является «становым хребтом» общества. Это свое значение в развитых странах имеет только благодаря широкому экономико-политическому контексту; только в таком контексте средний класс есть то, что хотели бы видеть в нем и у нас.

Но может ли средний класс сформироваться в Казахстане в настоящее время, только потому, что он потребен и необходим в качестве стабилизирующего общества фактора? Вопрос остается открытым. В развитии общества часто бывает так, что что-то

является потребным, но достигнуть этого не удается. Кроме того, во многих не очень развитых странах совсем не средний класс играет стабилизирующую роль, а, например, силовые структуры, или бюрократия, или национальная идея или вождь. Да и в нормальном, демократически развитом государстве, если глянуть глубже, не средний класс является субъектом стабильности. Он – всего лишь проявление экономических отношений, позволяющих обществу быть стабильным и развивающимся. Сам факт существования среднего класса становится возможным при развитой экономике. Не средний класс создает развитую экономическую систему (хотя он и поддерживает ее в развитом состоянии), скорее средний класс и уровень развитости и стабильности экономической системы являются двуединым процессом. Поэтому наивно думать, что стоит только создать в Казахстане средний класс, как тотчас же и экономика станет стабильной и развитой.

Так как средний класс не возникает только лишь по желанию, будет нелишним рассмотреть наличное состояние структуры казахстанского общества, наметив социальные группы, на основе которых хотя бы в принципе средний класс может образоваться. С этой целью необходимо рассмотреть состояние «трудовых ресурсов», тенденции их изменения. Далее, следует проанализировать изменения в структуре занятости, интерес представляет также соотношение между наемными работниками и самодельным населением. Помимо этого, следует обратить внимание на тенденции развития негосударственного сектора экономики. Именно в отмеченных процессах, явлениях, социальных группах можно надеяться обнаружить ростки среднего класса.

Общая численность трудовых ресурсов в Казахстане имеет такую динамику: в 1994 году они составляли 9,2 млн. человек; в 1995 – 9,1 млн. человек; в 1996 – 9,1 млн. человек; в 1997 – 8,8 млн. человек; в 1999 – 8,3 млн. человек. Можно видеть, что трудовые ресурсы имеют тенденцию к снижению. Причем этот процесс имеет место при примерно равной численности по годам так называемого экономически активного населения (около 7 млн. человек), и уменьшении численности экономических неактивного населения. Тем самым возрос удельный вес экономически активного населения в составе общей численности трудовых ресурсов. В 1998 году экономически активное население

составило 84% от общего объема трудовых ресурсов, что является достаточно высоким показателем.

Некоторое увеличение уровня экономического населения за последние годы имеет в своей основе ряд процессов, из которых отметим такие как: «вынужденная активность», когда высвобожденные в связи с сокращением и увольнением с предприятий лица, вынуждены проявлять активность, искать свою нишу в условиях рыночных преобразований; возникшие новые возможности для активных и предприимчивых людей, совмещение основной работы с подсобной, побочной и т.д.

В последние годы, значительные изменения претерпело соотношение между занятыми в государственном секторе экономики и занятыми вне его. Если в 1994 г. от общей численности занятых в 6,6 млн. человек в государственных предприятиях работали 3,7 млн. или 57% и только 1,7 млн. человек (26%) были заняты в «частном» секторе, то уже в 1998 г. из 6,3 млн. работающих в государственных секторах экономики, работали 1,7 млн. человек, или 27% от общего числа работающих, а в «частном» секторе было занято 4,4 млн. или 71%. В этих изменениях нет ничего удивительного: они отражают процессы разгосударствления и приватизации.

Структурные изменения характеризуются также значительным увеличением числа лиц, работающих не по найму, т.е. занятых в собственном деле.

За 1994 – 1997 гг. число работающих не по найму, т.е. «на себя», увеличилось более чем в 4 раза и составило в 1997 году 2 439 600 человек, что составляло более 38% от общей численности занятых на тот период в экономике республики. Это лица, занятые по предпринимательской деятельности разного рода, в основном торговле, закупочной, запасающей производством, в фермерской трудовой деятельности, в семейных предприятиях и т.д.

Возрастание числа лиц, работающих не по найму, в принципе, является процессом, способствующим появлению в Казахстане социальной группы, которая может быть отнесена к среднему классу. Потому что, в отличие от развитых стран, где воспроизводство среднего класса во многом определяется чисто экономическими условиями и процессами, в Казахстане огромную роль играют (в силу практического отсутствия как реальных, так и объективных условий для

новления среднего класса) активность, мобильность, предприимчивость людей, которые и могут образовать средний класс. А люди с этими качествами концентрируются среди групп социальных, свободно избирающих свой экономический и социальный статус, свое место в жизни, т.е. именно в среде работающих не по найму. Так что возрастание числа лиц, работающих не по найму – процесс положительный в связи с задачей создания среднего класса в Казахстане.

Хотя данные государственной статистики 2000 года показывают увеличение численности наемных работников в августе по сравнению с январем на 4,4% (количество их составило 3,4 млн. человек).

Соотношение работающих по найму и не по найму меняется по регионам. Так, например, в большинстве областей Казахстана доля работающих по найму варьируется в пределах 62 – 67% от общего числа занятых. И только в таких областях как Алма-тинская, Жамбылская, Южно-Казахстанская и Восточно-Казахстанская доля работающих не по найму велика и составляет 40 – 44% от всех занятых в этих регионах.

В структуре занятости большую роль в последние годы играет мобильность населения. Здесь имеют место несколько процессов: общая миграция из страны и в нее; региональная миграция (в которой доминирует миграция из села в город); перемещение работников с крупных и средних предприятий в сферу «малого» бизнеса; перераспределение работников внутри отраслей (перетек рабочей силы из обрабатывающих отраслей, из автомобильной, химической, пищевой, текстильной в добывающие и в новые сферы,

Региональное снижение численности наемных работников происходит во всех областях Казахстана. Исключение составляют только города Алматы и Астана. Наиболее высокий уровень снижения этой категории работников отмечен в Северо-Казахстанской области (на 19%), Акмолинской (на 18%), Западно-Казахстанской (на 15%), Павлодарской (на 11%). Выбывшие работники или мигрируют из Казахстана, или образуют потоки внутренней миграции, или пополняют ряды безработных, значительно реже ищут профессию, оставаясь внутри тех же отраслей экономики.

По отдельным отраслям экономики снижение числа работников таково: транспорт и связь – снижение составило 10%, строительство – 9%, здравоохранение и социальные услуги – 2,5%. В целом по промышленности

снижение составило 7,1%; по сельскому хозяйству, охоте и лесоводству – 20,7%.

Для формирования среднего класса значительную роль играют процессы в так называемом неформальном секторе экономики. Так доля самодельного населения составила в 1998 году 33% от всего занятого населения, а произведенные им товары и услуги составили 26% от общего объема валового внутреннего продукта, и в последние два-три года наблюдается тенденция роста численности самодельного населения. В таких отраслях экономики как торговля, общепит, транспорт и сельское хозяйство объемы, произведенные самодельным населением велики и, соответственно, велика численность занятого в этой сфере самодельного населения, которая, например, в торговле и общепите достигает до 81,6%.

Так как уровень доходов самодельного населения, занятого в вышеперечисленных отраслях экономики, во многом зависит от эффективности труда этой группы населения, то, по крайней мере, часть самодельного населения может принадлежать к среднему классу (хотя бы по уровню доходов).

На наш взгляд обсуждение проблем стратификации населения Казахстана является необходимым для анализа процессов формирования среднего класса в РК. В самом деле, стратификация является контекстом формирования среднего класса – он должен сложиться в процессе стратификации, естественно и, вместе с тем, планомерно, вырваться из многих социальных групп и страт. Поэтому стратификация населения может рассматриваться как положительный момент для формирования среднего класса в Казахстане. Но чрезмерно резкая, очень сильная дифференциация населения по различным признакам и, в первую очередь, по уровню доходов, очень уж сильно стратифицирующая население, становится препятствием для складывающегося среднего класса, так как «размывает» его социальную базу, порождая ситуацию, когда возникает много бедных, мало богатых и совсем немного «средних». Для формирования среднего класса была бы очень выгодна ситуация, когда стратификационные процессы протекали бы таким образом, что концентрировались бы в «центре» на уровне средних доходов и среднего потребления достаточно большую группу населения – вот эта группа и являлась бы основой для среднего класса.

МИРОВОЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ МОДЕЛЕЙ

Ашимбаев М.С.

В рамках «третьей волны демократизации» (по С. Хантингтону) многие страны Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, СНГ осуществили или осуществляют политические преобразования в сторону построения демократической государственно-политической системы.

Представляется очевидным, что в мировом опыте невозможно найти хотя бы два абсолютно идентичных сценария разворачивания политического транзита. Однако все имеющиеся сценарии политической трансформации в той или иной мере обладают общими признаками, формами, близким содержанием, которые могут составить тот общий знаменатель, позволяющий сгруппировать страны, прошедшие или проходящие транзит. Такого рода обобщение через восхождение от абстрактного к конкретному представляет значительный интерес для анализа такого феномена, как политический транзит.

Приступая к анализу мирового опыта политического транзита, необходимо, прежде всего, оговориться, что процесс демократизации в большинстве государств Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и бывшего СССР еще далек от своего завершения. Однако накопленный этими странами опыт трансформации политических систем представляет большую практическую ценность, дает возможность проследить динамику демократических процессов и определить особенности трансформации политических режимов в различных странах.

Региональный подход позволяет сгруппировать транзитные страны по месту их географического расположения, т.е. на государства Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы, СНГ.

Латинская Америка

Как принято считать в политологической литературе, государства Латинской Америки относятся к странам «второго эшелона» модернизации. С точки зрения политической

трансформации, данный регион сочетает в себе опыт демократии, идущий еще с XIX в., и опыт всего XX в., который для Латинской Америки был веком непрерывных государственных переворотов, военных мятежей, десятилетий правления военных диктатур и т.д. Тем не менее следует признать, что, несмотря на внутреннюю нестабильность, политическая трансформация в латиноамериканских странах происходила в благоприятных внешних условиях. Как отмечает российский исследователь А.Н. Никитченко: «... демократизация в... Латинской Америке происходила в условиях стабильной международной обстановки, когда международные институты, региональные и мировые державы были готовы способствовать смягчению трудностей перехода...» [1]. Думается, что под косвенным влиянием данного обстоятельства на протяжении последнего десятилетия Латинская Америка развивается без диктатур, в условиях конституционных и демократических форм правления.

Вместе с тем следует признать, что при всех достигнутых позитивных результатах в трансформации своей политической системы представительная демократия в странах этого региона функционирует далеко не последовательно и не в полном объеме. Характерно, что повсеместно доминируют президентские республики с преобладанием сильной исполнительной власти над представительной.

При нынешних конституционных режимах представительной демократии как неотъемлемый компонент сохраняется важная роль традиционных для социальной политической жизни Латинской Америки популистских, персоналистских и патриархальных тенденций, а также эмоционального фактора. Данное обстоятельство обуславливает то, что, несмотря на размытие традиционных патриархальных ценностей и укоренение заимствованных форм западной демократии, во многих странах этого региона все еще сильны проявления авторитаризма, клановости и авторитаризма.

В отличие от глубоко укоренившихся традиций законности и правопорядка

основы конституционных режимов в Западной Европе и Северной Америке, в Латинской Америке эти понятия и соответствующие структуры в реальном политическом процессе все еще довольно слабо восприняты и неустойчивы. Это приводит к тому, что на разных уровнях и этапах латиноамериканского общества в качестве приоритетов чаще всего выступают не закон и законопослушание, а разного рода «неформальные правила» социально-политических и экономических отношений.

Указанное обстоятельство оказывает свое воздействие на процесс партийного строительства в странах Латинской Америки. Несмотря на достаточно продолжительный опыт партотенеза, латиноамериканские партийно-политические структуры не в полной мере соответствуют классическим образцам и не обладают устойчивостью. В деятельности партий велик удельный вес популистских мотивов. Наиболее яркое проявление этого можно найти в опыте Бразилии. По мнению А.В. Шестопал, «...одно из характерных для политической культуры Бразилии явлений – популизм, получивший сильный импульс в период демократизации, когда многочисленные политические лидеры и партии, жонглируя обещаниями, стали заигрывать с массами, отнюдь не отражая их интересов» [2]. Внутренняя жизнь партий характеризуется тем, что в них на перманентной основе идет борьба внутренних кланов, фракций и региональных групп, которые иногда раскалываются, вновь объединяются, образуют новые партии, заменяя старые.

Одной из специфических особенностей политического транзита в большинстве стран Латинской Америки является слабое разделение ветвей государственной власти, что также выступает «тормозящим» фактором в проведении политических реформ. Длительная историческая традиция закрепила в латиноамериканских странах «...приоритет исполнительной власти перед законодательной, выражающейся в феномене так называемой «суперпрезидентской республики» [3].

Отсутствие четкой структуры, разграничения полномочий и достаточной степени автономии ветвей власти в большинстве стран Латинской Америки обуславливает также то давление, которое оказывается на них со стороны различного рода внеконституционных «факторов власти». В частности, это проявляется в том, что на государствен-

ную политику в странах Латинской Америки продолжает оказывать сильное влияние военная элита, которая, уйдя из области публичной политики, но, сохранив при этом собственные рычаги давления, часто выступает в роли мощного «теневого» центра влияния.

Усиление президентской власти, основанной на популистских и часто авторитарных методах, изначально невыполнимые и многообещающие предвыборные программы политических лидеров, слабость представительной власти и партийных структур, их ангажированность политико-экономической элитой оказывают негативное влияние на социально-политическое самочувствие основной массы населения. Среди широких слоев населения распространено разочарование в конституционных учреждениях как рычагах изменения политики в их пользу. Это приводит к тому, что они, не чувствуя себя интегрированными в партийно-политическую систему, проявляют склонность или к сакрализации власти, или к абсентеизму, или к экстремальным формам протеста.

Тем не менее важнейшим направлением в процессе реальной демократизации Латинской Америки на современном этапе становится не только утверждение и упрочение режимов представительной демократии, но и дальнейшая, более глубокая демократизация общества. Речь идет, прежде всего, об укоренении демократических традиций среди населения.

Обобщая опыт политического транзита стран Латинской Америки, необходимо отметить, что особенности латиноамериканских государств в их отношении к демократии и ее властным формам обусловлены во многом историко-культурной уникальностью данного региона.

Латинская Америка в политическом и культурном отношении представляет собой особое цивилизационное образование, сложившееся из испанской культуры и древних культур коренных народов. Эта цивилизация обладает сильной инерцией и устойчивостью. На наш взгляд, именно по этой причине государства Латинской Америки то делают рывок в направлении демократических норм, которые иногда носят революционно-анархический характер, то откатываются назад – едва ли не к патриархальным идеалам.

С этим связан характер протекания политического процесса в странах региона. Опыт политического транзита Латинской Америки представляет собой такое развитие

политического процесса, для которого характерно отсутствие последовательности.

В частности, это находит свое проявление в том, что такие страны, как Мексика и Бразилия, хронологически «растянув» процесс модернизации по времени, по существу, превратили его в «имитационно-симуляционный» процесс [4]. Аргентина же, как считает Ф.Шмиттер, является страной «постоянно неконсолидированной демократии, прерываемой периодическим возвратом к диктатуре» [5].

Еще одной важной особенностью транзита в этом регионе является сильное влияние на политические процессы со стороны различного рода внеконституционных «факторов власти», в частности, военной элиты.

Центральная и Восточная Европа

Интересным по внутреннему содержанию сценарием политического транзита является опыт проведения политических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). В этой связи большой интерес представляет исследование процесса демократизации политических систем стран ЦВЕ, которое было проведено коллективом сотрудников ИМЭПИ РАН [6]. Думается, что будет вполне оправданным частично использовать данный материал при анализе политического транзита в странах данного региона.

Обособленный характер политической трансформации стран ЦВЕ обусловлен, прежде всего, общими для них условиями вхождения в транзит после крушения социалистической системы.

Во-первых, до начала политической трансформации страны ЦВЕ относились к группе не самых развитых в экономическом отношении стран мира, но были достаточно развиты по сравнению с другими государствами бывшего социалистического лагеря.

Во-вторых, до второй мировой войны эти страны уже имели опыт развития в условиях демократической государственности.

В-третьих, геополитическое расположение стран ЦВЕ между Западной Европой и Россией позволяло им самым непосредственным образом наблюдать преимущества и недостатки той или иной политической системы.

В-четвертых, имея за плечами опыт потери государственности и самостоятельности, население стран ЦВЕ исподволь всегда стремилось стать полноправно европей-

ским государством с целью достижения высоких жизненных стандартов.

Указанные общие условия вступления стран ЦВЕ в политический транзит, как представляется, обусловили и некоторую их общность в характере проведения ими системной трансформации. За истекшее десятилетие процесс политической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы включил в себя демонтаж прежней авторитарной политической системы, создание новых политических структур и налаживание их функционирования на основе демократических механизмов и процедур. Однако преобразования политических систем этих стран происходят неравномерными темпами. Глубина перемен, продвинутость по пути демократизации в разных странах разная. Большинство исследователей как в странах Центральной и Восточной Европы, так и на Западе авангардом демократизации называют Венгрию, Польшу, Чехию и Словению. На наш взгляд, в этих странах сформировались более или менее целостные демократические режимы.

За этот период в большинстве стран Центральной и Восточной Европы стабилизировалась система демократических институтов, атрибутов демократии, характерная для государств с демократической политической культурой. В первую очередь речь идет о парламенте и институте президентства.

Как и в развитых демократиях, в странах ЦВЕ функционируют две формы правления — парламентская или президентская. Но в большинстве этих государств утвердилась парламентская форма правления. Парламентаризм в чистейшей форме сложился в Чехии и Венгрии, в которых президент избирается парламентом. Парламентская демократия характерна также для Словакии, Болгарии и Словении, где президенты избираются всеобщим голосованием. После принятия Конституции 1997 г., парламентаризм стал в значительной степени характерен и для Польши. Во всех этих странах центром исполнительной власти является правительство, которое формируется парламентским большинством и несет ответственность за свою деятельность перед парламентом. Та роль, которую в системе власти играют премьеры в Чехии, Словакии, Венгрии и Польше, очень близка к роли канцлеров в Германии и Австрии. При парламентской системе власти президент не вмешивается в отношения между парламентом и правительством. Однако он может вы-

ступать медиатором в случае возникновения разногласий и конфликтов между политическими силами в обществе. При парламентской системе президент является гарантом конституции и общенациональным авторитетом. Вместе с тем президент не несет ответственности за деятельность правительства [7].

В таких условиях функцию контроля над деятельностью правительства в странах ЦВЕ постепенно начинает выполнять оппозиция. Во многом этому способствует формирующийся, хотя и с большими трудностями, прежде всего из-за слабости гражданского общества, новый механизм артикулирования и согласования различных общественных интересов. По мере осознания и оформления через партии, политические организации и протестные движения групповых интересов различных социальных слоев, последние все больше становятся субъектами политического процесса в странах ЦВЕ. В такой ситуации правящая элита вынуждена вступать с ними в диалог, учитывать их позиции при принятии решений, кооптировать во властные структуры и даже делиться с ними властью.

Формирование гражданского общества и эволюция формы правления в странах ЦВЕ сопровождается процессом децентрализации и деконцентрации власти, расширением основных политических прав и свобод граждан этих государств. Ни одна из организованных политических сил, в том числе и коммунисты, не была исключена из процесса демократических выборов. Созданы основы нового правопорядка, в том числе приняты новые конституции. Тем самым функционирование новых политических структур регулируется законодательным образом [8].

В начальной фазе политической трансформации в большинстве стран Центральной и Восточной Европы возникли сотни политических партий, общественно-политических организаций и движений. В парламенты избирались представители пятидесяти, а временами и более партий. Чтобы сформировать правительство, они вынуждены были вступать в политические коалиции и создавать парламентское большинство. В большинстве стран практически все правительства были коалиционными. В странах ЦВЕ это привело к складыванию политической культуры согласия. Элементы такой культуры, основанной на политическом торге, переговорах, толерантности и склонности к компромиссу, сложились в Венгрии и Чехии, в несколько

меньшей степени — в Польше и Словакии. В результате в этих странах крупных политических конфликтов не было.

Формирование политических коалиций, политических лагерей, пропорциональной избирательной системы, введение в избирательные законы 3–8 процентного барьера в разных странах, только преодолев который, партия может попасть в парламент, способствовало укрупнению и стабилизации партийных структур. В последнее время в ряде стран ЦВЕ стала проявляться тенденция к созданию двухпартийной системы при наличии еще нескольких активных партий. Такая тенденция стала отчетливо прослеживаться в Польше, Словакии, Чехии, Болгарии и Румынии.

В странах Центральной и Восточной Европы сохранена вертикаль государственной исполнительной власти, которая обеспечивает проведение единой государственной политики. Полное территориальное самоуправление существует, как правило, на низовом и среднем уровнях административно-территориального деления стран. Вместе с тем в некоторых государствах, к примеру, в Венгрии и Польше, самоуправление отчасти функционирует и на уровне крупных регионов. Однако наличие в странах ЦВЕ вертикали государственной исполнительной власти не вступает в противоречие с наличием местного самоуправления.

Несмотря на то, что процесс демократизации в странах ЦВЕ детерминирован внутренними факторами, большую роль в нем играет и внешний фактор. Одним из условий их вступления в НАТО и Европейский Союз является наличие демократической политической системы, что дисциплинирует политическую элиту и заставляет эти страны смягчать противоречия и конфликты в политической сфере, развивать и совершенствовать демократический политический процесс. Однако, как замечает российский исследователь А.И.Миллер, несмотря на то, что для большинства стран Центральной Европы (Польши, Венгрии, Чехии, Словении, Хорватии) сегодня открылась реальная возможность стать частью Запада, «...эти страны видят друг в друге конкурентов в очереди к двери «на Запад» и политическое сотрудничество в рамках региона по большей части пробуксовывает» [9].

Страны ЦВЕ, за исключением балканских, проходят транзитный период форсированными темпами. При этом так называе-

мый «прорыв к демократии» в этих странах при ближайшем рассмотрении оказался, скорее, не прорывом и прыжком, а возвратом к ранее имевшимся демократическим формам, которые раньше существовали или были готовы сложиться и прочно оформиться, но были насильственно заменены. Иными словами, в политическом транзите стран ЦВЕ можно, скорее, увидеть возврат к подготовительному состоянию, переход к естественному и более соответствующему реалиям состоянию.

В качестве примера можно привести Чехию, где все оказалось приспособленным, практически все готово к демократическим формам правления и жизни общества в целом. По всей видимости, именно поэтому считается, что она относительно легко вошла в демократию. Конечно же, можно удивляться такому ходу событий, однако в то же время необходимо вспомнить, как напряженно и мучительно жила Чехословакия между двумя мировыми войнами, иногда восставшая против неестественного для страны с глубоко укоренившимися демократическими ценностями режима. События 1968 г., например, показывают, что именно тогда страна была в напряжении, а вовсе не в ходе и после «бархатной» революции, которая поэтому и была такой естественной.

Указанная специфика во многом объясняет, почему странам ЦВЕ удалось достаточно быстро и системно поменять политическую организацию государства и способ производства. Причем если в странах СНГ, к примеру, задачи системного преобразования усложняли транзитный процесс, то в большинстве стран ЦВЕ, наоборот, решение одной группы проблем опиралось на преодоление трудности в других сферах. Сыграла свою положительную роль и неплохая организация власти на местном уровне, когда органы местного самоуправления брали на себя решение многих повседневных и небольших, но важных в масштабах страны задач.

Вместе с тем было бы неоправданным говорить, что политический транзит в странах ЦВЕ проходит без проблем и трудностей. Форсированный темп преобразований позволил продвинуться на ряде важнейших направлений реформ, но оставил в «тылу» множество нерешенных проблем. Одной из негативных сторон трансформации стран ЦВЕ явилось то обстоятельство, что реформы проводились сравнительно узким кругом властных элит. Различные социальные слои населения,

которые в начале преобразований в своем большинстве поддерживали курс реформ, со временем стали испытывать некоторое разочарование в их результатах. Характеризуя данную ситуацию, венгерский исследователь Г. Томас пишет: «Данные всех социологических исследований и опросов свидетельствуют о том, что общественное мнение в нашем регионе отвергает диктатуру, но хотело бы видеть сильную личность у кормила власти; оно выступает за народное правительство, но ненавидит парламент, партии и печать; его привлекает законодательство о социальных гарантиях и равенстве, но не профсоюзы; оно желает свергнуть сегодняшнее правительство, но не одобряет идею регулярной оппозиции; оно поддерживает идею рынка (само это слово символизирует западный уровень жизни), но хочет наказать богатых и экспроприировать их имущество, а также клеймит банкиров, граблящих простой народ...» [10].

Скрытый массовый протест большей части населения стран ЦВЕ против хода реформ, которые не привели к ожидаемому росту общего благосостояния, долгое время оставался потенциально дестабилизирующим фактором. В силу этих же причин в ряде стран ЦВЕ левые восстанавливали утраченные позиции.

Приход левых сил к власти в некоторых странах ЦВЕ обозначил начало реализации курса на сочетание темпов политической и экономической либерализации с социализацией экономической сферы общества.

В целом же можно согласиться с рядом российских авторов, которые утверждают, что «... демократизация в странах Центральной и Восточной Европы – это все еще открытый процесс. Поэтому очень трудно дать комплексную оценку происходящих перемен» [11]. Тем не менее проведенный нами частичный анализ некоторых сторон системной трансформации в государствах ЦВЕ позволяет в определенной степени приблизиться к представлению моделей политического транзита в этих странах.

Юго-Восточная Азия

Наряду с опытом проведения системной трансформации в странах ЦВЕ определенный интерес представляет собой практика политического транзита в государствах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Думается, мы не будем далеки от истины, если скажем, что процесс политической трансформации в большинстве стран ЮВА, которые относят-

ся к «третьей волне демократизации», начался не в результате военного поражения каких-либо авторитарных режимов, а в связи с переходом государств этого региона к так называемой «догоняющей модели» развития.

Развитие по «догоняющей модели» модернизации позволило ряду стран ЮВА достигнуть успешных результатов реформ в экономике без форсированных реформ в политической сфере. Иными словами, в самом начале переходного периода в этих странах был выбран курс на интенсивное экономическое развитие, которое предшествовало демократизации политической системы. Однако последующие этапы переходного периода в ряде государств ЮВА (Филиппины, Индонезия и др.) стали сопровождаться ретроактивным возникновением «просвещенных» авторитарных режимов. Как нам представляется, подобного рода трансформационные «откаты» имели под собой некоторые объективные основания.

Дело в том, что большинство государств ЮВА на начальном этапе системной трансформации обладало слабыми социально-экономическими и политическими предпосылками для демократизации политической системы. Поэтому для быстрого и успешного осуществления рыночных преобразований в странах этого региона потребовалось установление режима «просвещенного» авторитаризма. В трудных условиях переходного периода рычаги жесткого государственного управления оказались мобилизирующим механизмом и наиболее подходящей формой для последовательного проведения рыночных реформ.

«Просвещенная» авторитарная власть в странах ЮВА, хоть и формально, но вполне позитивно относилась к демократическим традициям, и ее функционирование происходило в целом в благоприятном международном контексте. Опыт стран «просвещенного» авторитаризма показал, что жесткая государственная власть в странах с переходной экономикой обладает реформаторскими способностями. При этом сам автократизм власти, имевший место в некоторых странах ЮВА, оправдывался, на наш взгляд, возрастающей ролью властных структур в этот период. Как замечает Ф. Шмидтер, положение «догоняющей страны», видимо, потребует большей опоры на государственное вмешательство в периферийные отрасли экономики; преодоление критических порогов при накоплении капитала может даже потребовать обраще-

ния к авторитарным методам управления, если не к откровенному бюрократическо-авторитарному правлению» [12].

Однако в то же время опыт ряда стран ЮВА свидетельствует о том, что существуют пределы такой реформы и, в конце концов, по своим результатам она оказывается неэффективной. Там, где режим «просвещенного» авторитаризма объективно не стремился к построению такой модели общества, в которой наряду с развитыми рыночными отношениями все большее развитие начинают получать демократические институты, такой режим неизбежно терял свою реформаторскую суть, что приводило к политическому тупику и кризису всей политической системы. Наглядным примером тому могут послужить события в Южной Корее конца 80-х, начала 90-х гг. и в Индонезии в последние годы правления Сухарто. По большому счету, либерализация политической системы в этих двух странах различалась лишь по форме, т.к. в Южной Корее, по сравнению с Индонезией, переход к политической трансформации прошел в более «плавной» форме. С известной оговоркой можно предположить, что примерно по такому же сценарию будут развиваться события в Малайзии. Однако в этой стране, как и в Индонезии, процесс политической трансформации будет «отягощен» этническим и религиозным факторами. Определенный интерес может представлять развитие политической ситуации в Таиланде, где, как и в ряде стран Латинской Америки, в процессе политической трансформации заметную роль играет военная элита.

Российский опыт

Наряду с опытом Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Юго-Восточной Азии чрезвычайно полезным и поучительным для Казахстана является опыт политического транзита России. Во-первых, в силу недавнего общего прошлого; во-вторых, из-за схожести внешних факторов, в которых протекает транзит; в-третьих, в силу заметной взаимной интеграции наших государств. В этой связи следует заметить, что говорить об опыте России в этом отношении еще преждевременно, т.к. магистральный путь ее развития еще недостаточно четко проглядывается. Однако она уже имеет определенные предварительные результаты в проведении системной трансформации, по которым можно судить

о характерных тенденциях политического транзита в этой стране.

Первая характерная тенденция, наметившаяся в политическом транзите России, заключается в том, что он с самого своего начала сопровождался жестким столкновением интересов внутри политической элиты между реформаторами и консерваторами, а на публичном политическом поле – между демократами (правыми) и коммунистами (левыми). Во многих исследованиях на эту тему подчеркивается, что именно реформаторские действия М.Горбачева в рамках еще бывшего СССР вызвали углубление уже четко обозначившегося раскола советской элиты на консерваторов и реформаторов.

Как пишет А.Ю.Мельвил, «...центрист Горбачев, склонный к постепенным и эволюционным методам в рамках системы, для укрепления своих позиций в противоборстве с фундаменталистами, как и многие другие лидеры-реформаторы, обратился за поддержкой к оппозиционным продемократическим силам вне ядра режима, одновременно стараясь не потерять контроль над ситуацией и сдерживая при этом радикалов с консерваторами. Легализация, а затем и институционализация радикальной демократической и реформаторской оппозиции (прежде всего в виде движения «Демократическая Россия» и Межрегиональной группы депутатов Верховного Совета СССР) вызвали ответную реакцию консерваторов, которые сомкнули свои ряды и тоже институционализировались в рамках депутатской фракции (а затем всесоюзного политического движения «Союз») и Компартии РСФСР. В течение определенного времени Горбачеву удавалось балансировать между теми и другими (постоянно играя на их конфликте и противостоянии), проводя политику зигзагов. Однако разрыв между двумя политическими полюсами, приобретающими собственную инерцию и логику развития, постоянно увеличивался. В результате политический центризм как метод «мягкого» реформирования советской политики закончился провалом. На неудачную попытку консервативного поворота ради спасения системы радикальные демократы ответили своим успешным контрпереворотом» [13].

Тенденция раскола политической элиты России получила свое дальнейшее и более углубленное развитие после прихода к власти Б.Ельцина в начале 1990-х гг. и продолжалась вплоть до последнего времени. «От-

казавшись от компромиссов, которых, пусть не последовательно, но все же искал Горбачев, и, добиваясь полной и безоговорочной победы над советским режимом, Ельцин и радикалы намеренно исключили возможность достижения компромиссной фазы пакта, который... в большинстве успешных демократических транзитов выполнял важную стабилизирующую функцию» [14].

Вторую характерную тенденцию, присущую политическому транзиту в России, можно свести к тому, что он характеризовался форсированными темпами либерализации политической системы и сопровождался масштабной децентрализацией государственной власти. Это привело, как нам думается, к неоправданно высокой децентрализации самой власти, что обусловило возникновение проблем в системе федерализма и ослабление необходимой связи по линии «центр – периферия». Данный процесс выступал тем объектом политическим фоном, на котором разворачивались процессы демократизации всех сфер общественной жизни России.

Третья характерная тенденция, прослеживающаяся в российском политическом транзите, заключается в том, что специфика политической либерализации в России обусловила значительное усиление власти олигархических кругов, что привело к дестабилизации устойчивости самой политической системы в стране. В основе сформировавшейся в России олигархической политической системы оказались основные корпоративные группы интересов узкого круга лиц, из-за чего массовые интересы были плохо артикулированы и не имели адекватной политической репрезентации.

Четвертая характерная тенденция, наметившаяся уже на нынешнем этапе российского политического транзита, заключается в том, что, осознав негативное влияние вышеуказанных процессов на поступательное развитие политических реформ, политическая власть в России прибегает к мерам по построению новой предельно жесткой вертикали государственной власти и уменьшению влияния на нее различных олигархических кругов.

Пятая тенденция связана с ролью президента в системе государственной власти. Конституционное устройство нынешней России дает повод ряду исследователей считать, что либерально-демократические черты ее политической системы сочетаются с персоналистско-авторитарными институ-

ми, призванными обеспечить реализацию избранной модели экономической реформы и необратимость самих реформ.

Несмотря на закреплённый в Конституции РФ принцип разделения властей, политико-государственная власть оказалась больше сосредоточенной в институте президентства. Поэтому некоторые западные исследователи нередко характеризуют российскую форму правления как «суперпрезидентскую». Однако, несмотря на то, что ряд исследователей утверждает о временности этого этапа (например, американский социолог О.Тоффлер в своей книге «Смещение власти» утверждает, что в связи с «созданием новой системы общественных богатств централизованные системы должны самоликвидироваться» [15]), тем не менее концентрации властных полномочий при движении к демократии трудно избежать вследствие противодействия со стороны скептически и консервативно настроенной части населения.

Касаясь этой проблемы, российский ученый В.В.Смирнов отмечает, что «Президент Российской Федерации и его Администрация являются целеполагающим и властным институтом, а Правительство – административно-исполнительным и подчиненным» [16].

Обобщая региональный опыт политического транзита, можно сделать следующие выводы:

1. Мировой опыт предоставляет нам множество примеров, как ускоренного хода политического транзита, так и медленного, постепенного. При этом мировая практика свидетельствует об отсутствии какого-либо общего правила, когда транзит более успешен: в первом случае или во втором. Иными словами, трудности и «пробуксовки» в проведении реформ случаются как в форсированном, так и в затяжном сценариях политического транзита. Казалось бы, при внешне благополучном варианте транзита нередко случаются неожиданные откаты от завоеваний демократии и реставрация прежнего режима. По всей видимости, такая ситуация возникает, скорее всего, тогда, когда переход к демократическим нормам осуществляется неестественным и неорганическим образом. В тех транзитных странах, где предпосылки к демократизации не успевают вызреть, сложиться и укрепиться, проникнув в ткань общества, там они не могут стать фундаментом последующего движения к демократии.

2. В целом переходы от недемократических форм правления, имевшие место в последние десятилетия в странах Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, настолько разнообразны, что их невозможно свести к какой-либо одной модели. Однако в тех случаях, когда политический транзит в некоторых странах был более или менее успешным, он подчинялся определенной интегральной логике трансформации недемократического режима в демократию. Частично эта логика воспроизведена российским исследователем О.Г.Харитоновой, которая попыталась создать синтетическую транзитологическую модель.

Согласно идеалтипической конструкции, построенной О.Г.Харитоновой, «...идеальный тип перехода к демократии будет, вероятно, состоять из четырех основных стадий: 1) либерализация политической жизни, предполагающая институционализацию гражданских свобод, контролируемое «приоткрытие» режима; 2) демонтаж наиболее нежизнеспособных институтов прежней политической системы; 3) демократизация, означающая установление норм, процедур и институтов нового демократического режима, основным критерием которой принято считать свободные выборы... и консолидацию демократической политической системы; 4) ресоциализация граждан в новую систему» [17].

В целом можно согласиться с подходом О.Г.Харитоновой, который в свою очередь основывается на исследованиях таких известных транзитологов, как А.Пшеворский, О'Доннел и Ф.Шмиттер.

3. Геополитическое расположение страны имеет важное значение для демократических преобразований. Нахождение «в зонах традиционных демократий» имеет существенное значение для ускорения политических реформ. В то же время сложное геополитическое положение может сдерживать процессы политической реформы.

4. Значительно влияние культурного уровня страны на процессы реформирования ее политической системы.

Однако, говоря о значении культуры для успеха политического транзита, не следует ограничиваться пониманием культуры, как только политической культуры. Культура в самом широком ее понимании важна не менее политической культуры. Если исходить из того, что развитию демократизации должна предшествовать доста-

точно широкая либеральная база, то необходимость культуры проистекает из того, что без нее не может быть либерализма.

Важна культура и в ее национально-ценностных измерениях. Если традиционная культура нации отторгает и не принимает необходимое для политического транзита содержание, если каждый шаг в транзите совершается вопреки ценностным ориентациям общества, то успех на таком пути вряд ли возможен. Опыт некоторых стран Азии и Латинской Америки это наглядно показывает.

5. Демократизация сегодня является одной из глобальных тенденций. Она тесно связана с глобализацией.

При этом глубинная сущность происходящих в посттоталитарных странах, в число которых входит и Казахстан, политических трансформаций сводится не к простой

постепенной и преодолевающей трудности унификации политических систем, а скорее к расширению типологического разнообразия демократий. Именно к такой трактовке склоняются сегодня многие зарубежные исследователи. К примеру, С. Хантингтон, подводя своеобразные итоги почти двух десятилетий «глобальной демократизации 3-й волны», приходит к выводу, что по мере усвоения формальных демократических институтов все большим числом разнородных обществ «сама демократия становится все более дифференцированной» [18].

6. Представляется недопустимым для любой страны чисто механический перенос тех методов, которые сыграли решающую роль в демократизации политической системы в других странах. Поэтому процесс демократизации для большинства стран должен носить индивидуальный характер.

Литература:

1. Никитченко А.Н. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теории международных отношений) // Полис. – 1996. – № 5. – С. 55.
2. Шестоупал А.В. Политические модели и историческая судьба (Опыт современной Бразилии) // Полис. – 1995. – № 4. – С. 173.
3. Там же. – С. 174.
4. Ильин М.В. Укоренять изменения в традиции // Полис. – 1999. – № 4. – С. 81.
5. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. – 1997. – № 4. – С. 4.
6. Гринберг Р.С. и др. Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки // Власть. – 2000. – № 2. – С. 22–36.
7. Там же. – С. 29–30.
8. Там же. – С. 29.
9. Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // Полис. – 1996. – № 4. – С. 123.
10. Tomas G. M. Capitalism, Socialism and Modernity. Цит. по Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Век XX и мир. – 1997. – № 4. – С. 7–8.
11. Гринберг Р.С. и др. Указ. соч. – С. 29.
12. Шмиттер Ф. Указ. соч. – С. 6.
13. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 23.
14. Там же. – С. 32–33.
15. Тоффлер О. Проблемы власти на пороге XXI века // Свободная мысль. – 1992. – № 2. – С. 117.
16. Смирнов В.В. Политическая система России на пороге XXI века // Власть. – 2000. – № 2. – С. 17.
17. Харитонова О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. – 1996. – № 5. – С. 73.
18. Huntington S.P. After Twenty Years: The Future of the Third Wave // Journal of Democracy. Vol. 8. – 1997. – № 4. – Р. 4.

ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ

Кадыржанов Р.К., Амирова А.А.

В данной работе проанализирована взаимосвязь социальных изменений и протестного поведения населения в контексте диалекта центр-периферия в модернизирующемся, отходящем от традиционной культуры и образа жизни обществе. Этот анализ представлен в работах Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта и других социологов и политологов.

В модернизирующемся обществе можно выделить центр и периферию, которые существуют в политическом, культурном, социальном и иных аспектах. Решающую роль в осуществлении модернизации неевропейского общества играют элитарные слои и группы. Они, как правило, являются инициаторами модернизации и в их руках находятся основные рычаги проведения в жизнь модернизационной политики. Важнейшим среди этих рычагов является государственная власть, применяемая элитами для принуждения несогласных и протестующих слоев населения и его групп к повиновению и принятию проводимой ими политики. В этом смысле элиты являются политическим центром модернизирующегося неевропейского общества.

Одновременно элиты являются и культурным центром общества, вступившего на путь модернизации. Ценности, которые задает центр такого общества, являются ценностями модернизации. Это преимущественно ценности западного общества, которые элита неевропейского модернизирующегося общества рассматривает как свои и как необходимые для всех слоев населения, чтобы приблизиться к западным образцам культуры и жизни.

Складывающееся таким способом отношение центра и периферии дает элите возможность внедрять в сознание масс модернизационную идеологию, ядро которой составляют западные ценности и представления. Как известно, основной функцией политической системы является авторитетно-властное предложение ценностей обществу. В случае модернизирующегося общества мы сталкиваемся с тем, что его политическая система выполняет именно эту функцию, активно применяя по отношению

к обществу, рассматриваемому как инертная социокультурная среда.

Сравнивая кибернетическую модель политической системы Д. Истона с «черным ящиком», российский социальный философ А.С. Панарин отмечает, что при модернизации не общество формирует «входы» в «черный ящик» политической системы, призванной адекватно реагировать на них своими решениями. Здесь, напротив, политическая система сначала принимает решение – инновационный проект, который для гражданского общества является принудительным «входом», на который предстоит реагировать. Таким образом, модернистская парадигма в отличие от представительской рассматривает гражданское общество как «черный ящик», не имеющий собственного субстанционального содержания, но реагирующий так или иначе на внешние «входы» и (или) «входы» [1].

Осуществляя инновационную программу модернизации, элита реализует свою «общественную миссию» – смену идентичности своей и всего общества в целом. Как свидетельствует мировой опыт, смена идентичности всего общества представляет собой длительный социально-исторический процесс, который может растянуться на многие десятилетия, в течение которых в модернизирующейся стране может смениться не одно поколение.

Из сказанного ясно, что периферия модернизирующегося общества представляет собой само гражданское общество, его различные части, слои и социальные группы, основной задачей которых является исполнение спущенной сверху программы действий и принятия навязываемых элитой ценностей и образцов поведения.

В социокультурном плане периферия является носителем традиционных ценностей и культуры, которые модернизационная элита рассматривает как помехи, как свидетельство отсталости руководимого ею общества. Преодолеть эти помехи и отсталость общества призван инновационный проект, который элита, не считаясь ни с чем, проводит в жизнь.

В результате в модернизирующемся обществе возникает ситуация своеобразного «внутреннего колониализма». Эта ситуация возникает вследствие того, что «модернизаторы колонизируют собственную нацию, подчиняя ее инновационному проекту» [2]. Отношение центр-периферия в модернизирующемся обществе, рассмотренное сквозь призму «внутреннего колониализма», соответствует, таким образом, отношению центр-периферия в имперских структурах, из анализа которых оно, собственно, и было введено в научный оборот.

Мировой опыт модернизации показывает, что одно из основных противоречий этого процесса проходит по линии центр-периферия. Глубоко и обстоятельно это противоречие, возникающее из него конфликты и протестное поведение исследовал Ш.Эйзенштадт. В его работах протест рассмотрен как одна из главных форм поведения масс и периферийных групп в их взаимоотношениях с центральными институтами и культурными кодами.

Было бы неправильно смотреть на взаимоотношения центра и периферии в модернизирующемся обществе как только лишь их противостояние друг с другом, то есть как принуждение, насилие центра над периферией и ответный протест периферии центру. Протест может носить мягкий, не связанный с какими-либо формами насилия, характер.

Мягкий протест может означать стремление периферийных социальных групп и слоев населения к участию в центральных институтах и процессах. Это стремление вызвано тем, что всем становятся очевидными преимущества нахождения в центральных институтах общества, поскольку с этим связано проведение в жизнь политики, отвечающей интересам определенных социальных групп. В связи с этим, как отмечает Ш.Эйзенштадт, не только элиты, но и широкие социальные страты, решая свои проблемы, отстаивая свои интересы и требования, пытаются воздействовать на центральные политические институты, участвовать в селекции правящей верхушки, в создании и кристаллизации центральных политических символов, а также в отборе и исполнении важных политических стратегий [3].

С этой целью социальные страты и группы формируют свои движения, партии, группы давления и другие организации, смысл деятельности которых направлен на

воздействие на центральные институты и, по возможности, участие в них. В конечном счете эти тенденции ведут к образованию массового консенсуального общества, идеалом которого является участие всех или большинства социальных групп в центральной сфере общества [4].

Данная тенденция широкой массовой консенсуальности находит свое полное институциональное выражение далеко не во всех типах современных обществ. Во многих режимах первой стадии модернизации она может быть слабой или же быть прерывистой. Что же касается тоталитарных режимов, то они полностью подавляют малейшие проявления этой тенденции. Но даже тоталитарные режимы пытаются легитимизировать себя в терминах подобных тенденций, поскольку иначе невозможно понять их политику, их стремление создать символы массового консенсуса и участия, которые призваны обеспечить причастность широких слоев населения к деятельности их центральных институтов.

В целом тоталитарные режимы в аспекте центр-периферия характеризуются жестким противостоянием, когда центр диктует периферии символы, ценности и требует их беспрекословного принятия. Тоталитарный коммунистический эксперимент модернизации в Советском Союзе и бывших социалистических странах убедительно демонстрирует, как партийно-государственное руководство, авангард общества, навязывает населению символы и ценности своего режима, не допуская никакого инакомыслия и всячески подавляя его малейшие проявления.

Последовавшая после падения коммунистических режимов либеральная модернизация в этих странах принципиально не изменила характера взаимоотношений центра и периферии. Центр, как и прежде, выступает в роли авангарда общества, автора и вдохновителя инновационного проекта модернизации и связанных с ним символов и ценностей, которые необходимо перенести в периферийные слои и группы, являющиеся носителями традиционных символов и ценностей. При этом основным средством переноса, то есть внедрения, инновационного проекта по-прежнему остается государственная власть.

Следовательно, в Казахстане и других новых независимых государствах, находящихся на первой стадии модернизации, ее тенденция массового консенсуального об-

щества находится еще в зародышевом состоянии. Объясняя это явление, необходимо иметь в виду не только наследуемое от тоталитарного прошлого подавление центром периферии, но и многовековую привычку периферии подчиняться центру.

Тем не менее центру так или иначе приходится считаться с модернизационной тенденцией массового консенсуального общества. Игнорирование ее, как показывает опыт России, Ирана и некоторых других стран, где происходили срывы либеральной модернизации, грозит обернуться катастрофическими для общества последствиями, тем более, что в этих странах, население которых отличается сильной тягой к социальной справедливости, основания для массового консенсуального общества являются широкими и твердыми. Однако этому потенциалу предстоит еще реализоваться в ходе модернизации по линии центр-периферия.

В противном случае напряжение протестного потенциала периферии, неизбежное в ходе модернизации, будет нарастать и может достичь состояния «жесткого» конфликта. Следовательно, центральным элитам необходимо вырабатывать социальные технологии, направленные на удовлетворение требований периферии на участие в центральной сфере общества. В конечном счете эти требования связаны с реализацией ценности социальной справедливости для всех, как центральных, так и периферийных слоев и частей общества. Причем требования социальной справедливости обращены именно к центру, к центральным институтам, и именно в этом состоит отличие современных обществ от имперских и иных социальных структур прошлого.

Ш.Эйзенштадт выделяет основные виды протеста – социальный, культурный и международный и их основные темы. Общим знаменателем ориентаций протеста он считает, во-первых, их стремление трансформировать вновь возникающие социальные и политические центры, их символы, а также социальную структуру в целом; во-вторых, их относительно широкую распространенность среди главных артикулирующих (articulate) групп и страт общества [5]. Без второго условия социальный протест периферийных групп и слоев общества не может быть услышан его центральными институтами.

Ориентации протеста находят свое выражение в определенных, общих для них темах. Среди основных тем социального

протеста Ш.Эйзенштадт выделяет следующие три темы. Первая из них связана с поиском основных принципов социального порядка и справедливости, легитимации центра в целом и правящих групп в частности в терминах некоторых нетрадиционных ценностей, приемлемых для широких страт и в некоторой степени разделяемых ими и даже «созданных» ими. К этим ценностям могут быть отнесены некоторые социальные ценности, то есть ценности, по своему содержанию относящиеся к определенным проблемам распределительной справедливости, обращенной к верхам общества. Указанные нетрадиционные ценности могут быть связаны с репрезентацией символов всеобщей коллективности, эффективности, права и т.д. Речь идет о символах и ценностях, ориентированных на распределение различных ресурсов общества – власти, богатства, статусов, – и доступа к ним различных социальных групп и страт.

Фокусом второй основной темы социального протеста является природа вновь возникающего всеобщего гражданского, культурного и политического сообщества. Здесь внимание направлено на поиск новых общих символов, благодаря которым различные группы общества могут обрести персональную и коллективную идентичность в новой для них социальной реальности.

Предметом острого идеологического противостояния центральных и периферийных групп является проблема совместимости традиций и истории страны, с одной стороны, и модернизационного проекта и новой институциональной структуры, с другой стороны. При этом особое значение имеет поиск символов и ролей, которые могли бы соединить универсальные социокультурные ориентации модернизации с более частными по своему содержанию национальными традициями, найти тем самым основу для поддержания гражданского порядка [6].

Третья основная тема социального протеста фокусируется вокруг возможности достижения полной свободы творческой активности человека, его достоинства, формирования чистых, незамутненных межличностных отношений в рамках модернизации и возникающего на ее основе сложного разделения труда. Эта тема, как можно видеть, оказывается тесно связанной с известной из социальной философии проблемой отчуждения [7].

В обществах, находящихся на ранней стадии модернизации, отчуждение проявляется в разнообразных формах и потому оно проникает не только в сферу труда, как это было во времена Маркса, но практически во все сферы человеческой и социальной жизни. В связи с этим А.С.Панарин замечает: «По-видимому, можно сделать вывод, что Маркс преждевременно говорил об отчуждении личности. Капитализм классического типа, ставший объектом его критики, эксплуатировал рабочее равнодушие к тому, что находится вне его. Не так ведет себя модернизатор XX в. Его интересует отнюдь не только рабочее время. История модернистской теории – это история все более глубоких проникновений и изобличений, касающихся того, что служит помехой модернизации. Модернистская теория копает все глубже, беря на вооружение психологию, культурную антропологию, теорию менталитета. Ее мишенью становятся не только публичные институты, но и такие интимные структуры, как семья, воспитание, национальная ментальность, досуг» [8].

Одной из самых распространенных форм отчуждения в модернизирующемся обществе становится anomia. В ситуации anomia человек, никуда не уезжая, чувствует себя в родном обществе полностью дезориентированным, чужаком, маргиналом. Симптомами anomia являются неуверенность в завтрашнем дне, социальный страх, беспокойство и высокая внушаемость.

Anomia сопровождается также чувством униженности, как личностной, так и национальной. Ведь новая система ценностей, предлагаемая элитой обществу, как бы показывает ему его несовременность, отсталость. В связи с этим встает вопрос, возможно ли реальное развитие общества, когда его члены чувствуют себя униженными, несоответствующими времени, с ущербной идентичностью, а социальные условия препятствуют раскрытию их творческого потенциала.

По мнению В.М.Межуева, с таким сознанием вообще нельзя развиваться. Развитие есть удел уважающего себя человека, а ответом на национальное унижение может быть только ненависть к тем, кто тебя унижает и кого тебе ставят в пример. Убедите человека в том, что он – варвар, он и будет вести себя соответственно. В итоге мы получим не развитие, а произвол сверху и хаос внизу, что и наблюдается в России в насто-

ящее время [9]. Можно только добавить, что схожая социально-психологическая ситуация наблюдается не только в России, но и во всех бывших странах социалистического лагеря.

Как считает Ш.Эйзенштадт, вокруг проблем отчуждения и других тем социального протеста могут формироваться различные ориентации политического характера. Он выделяет среди них две фундаментальные ориентации, которые называются «правой» и «левой». В определенном смысле это деление напоминает деление партий на правые и левые, когда под правыми понимаются партии, выражающие консервативные взгляды, а под левыми – радикально-демократические.

«Правая» ориентация периферийно-массовых слоев в модернизации коренится в постоянной тревоге групп и страт, связанных со старым порядком, быть вытесненными со своих позиций, лишиться привычных ценностей и связанной с ними социальной уверенностью, потерять свое место в обществе. Вполне естественно, что эти группы и страты требуют возврата традиционного порядка и ценностей, их возвышения, а не унижения в новых условиях.

«Левая» ориентация в социальном протесте периферийно-массовых групп направлена на осуществление далеко идущих изменений в социальной структуре, в базовых принципах распределения ресурсов общества в пользу групп или классов, которые с их точки зрения, являются обездоленными в доступе к общественным благам и активному участию в политике.

Впрочем, обе протестные ориентации могут, в силу своей радикальности, различными путями оказаться взаимосвязанными в романтических поисках непосредственных, «чистых», неотчужденных человеческих отношений и привязанностей к традиционным символам. При этом традиционалисты утверждают, что такие отношения возможны только при относительно стабильных, установившихся условиях, при отсутствии воздействия разрушительных модернизационных сил растущей дифференциации, демократизации и массового общества. Политические радикалы левого толка утверждают, что такие отношения могут быть достигнуты в результате свержения существующего и установления нового порядка, институты которого будут соответствовать неотчужденным отношениям [10].

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что модернизация, несмотря на критику её теории и практики, остается основным способом социально-экономического и политического развития общества. Мировой опыт модернизации свидетельствует, что в её ходе возникают сложные отношения между элитой и широкими слоями и стратами общества, между

центром и периферией. В ответ на принуждение и навязывание центральными институтами новой идентичности обществу, в его периферийно-массовых слоях возникает и нарастает протестное поведение. Задача центра в этой ситуации состоит в том, чтобы максимально широко привлечь к деятельности своих институтов периферийные группы общества.

Литература:

1. Панарин А.С. Политология. Учебник. Изд. Второе, перераб. и дополн. – М., «ПРОСПЕКТ», 1999. – С. 111.
2. Там же.
3. Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966. – P. 15.
4. Ibid.
5. Ibid. – P. 31.
6. Ibid. – P. 32–33.
7. Ibid. – P. 33.
8. Панарин А.С. Указ. соч. – С. 104.
9. Межуев В.М. Указ. соч. – С. 109.
10. Eisenstadt S.N. Op. cit. – P. 33–34.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Досымов А.С., Берниязова М.Ж.

В современном обществе, всё более приобретающем характер информационного, наравне с традиционным анализом материального производства возрастает познавательный интерес, направленный на изучение производства духовного, в том числе на ценностно-смысловые параметры человеческой деятельности. В первую очередь эта новая тенденция группируется вокруг социального познания и обусловлена требованиями повышения эффективности процессов регуляции и интеграции общества. Особое место в ней занимает политическая коммуникация, приобретающая в условиях глобализации одну из ключевых ролей.

Процесс усиления роли политической коммуникации определяется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, это связано с функциональными возможностями информации вообще и коммуникации в частности в рамках осуществляемого политического процесса. Примером сказанному может служить многочисленная практика ведения целенаправленной информационной политики во время проведения военных действий [1] или же различных избирательных кампаний [2]. Их ре-

ализация, в конечном итоге, строится из осознания принципиальной необходимости формирования широкой социальной базы претворяемых политических решений.

Во-вторых, интерес к коммуникации как политическому явлению обусловлен развитием научных идей, изменением подходов к изучению общества. «Традиционный» подход, рассматривающий политические события как некие объективно существующие неизменные факты, независимые от взглядов участников и исследователей политического процесса, постепенно уступает новой исследовательской модели. Она исходит из того, что так называемая политическая реальность не является чем-то объективно существующим и независимым от точки зрения участников политического процесса [3]. Напротив, её формирование является результатом «соперничества» интересов правящей элиты, журналистов, различных «лидеров мнений» и прочих заинтересованных сторон. Причём некоторые исследователи, в частности Г.Лассвел и М.Эдельман, подчёркивают, что восприятие подобной информации зачастую происходит не критически, то есть не как мнения отдельного чело-

века или группы, а как «объективной реальности», не поддающейся никакой логической транскрипции [4].

Этот феномен во многом определяется, с одной стороны, противоречивостью процессов, происходящих в массовом сознании, интенсивным ростом информационных технологий и методов идейно-психологического воздействия. А с другой стороны, неравномерностью темпов развития общества и уровня культуры: когда человеку сложно выстроить целостную картину окружающей действительности, адекватно отражающей происходящие изменения.

На сегодняшний день исследователи в основном выделяют два способа идейно-политического воздействия – убеждение и манипуляция, которые в свою очередь отличаются от методов физического принуждения.

Основное отличие между ними состоит в том, что убеждение строится на честном, прямом обращении к людям, к их сознательному и критическому мышлению. В то время, как манипуляция является методом скрытого социального управления политическим сознанием и поведением граждан с целью принуждения их действовать (или бездействовать) часто вопреки собственным интересам. Действуя скрыто от управляемых, оно располагает множеством преимуществ перед силовыми способами реализации господства и апеллирует к иррациональным, инстинктивным и архаичным установкам и стереотипам человека, представляя собой наиболее изощренное и «удобное» средство политического контроля, особенно в ситуациях, ограниченных временными или ресурсными границами.

Технология общегосударственного манипулирования основывается на систематическом внедрении в массовое сознание различных социально-политических мифов, иллюзий, идей, норм, ценностей, которые должны восприниматься без критического осмысления, на веру.

Сочетание в массовом сознании привычного, традиционного и необычного, инновационного также даёт широкие основания для манипулирования. Обращение к традициям, обычаям, привычкам способствует сохранению устойчивости политической власти. Но для политического манипулирования наиболее важны мифы как фундамент, основа иллюзорной картины мира.

Следует отметить, что мифы характерны как для тоталитарного строя, так и для

демократических систем. В бывшем СССР широко использовались мифы, например, миф о неизбежном крахе капитализма и торжестве коммунизма как совершенного, идеального общества, о частной собственности как источнике социального зла, о ведущей роли рабочего класса и др.

Профессор Т.Шиллер в книге «Манипуляторы сознания» охарактеризовал пять мифов, которые использует правящая элита Запада, стремясь выдать желаемое за действительное:

1. об индивидуальной свободе и личном выборе граждан;
2. о нейтралитете важных политических институтов – конгресса, суда, президентской власти, средств массовой информации;
3. о неизменной эгоистической природе человека, склонности к потребительству;
4. об отсутствии в обществе социальных конфликтов, эксплуатации;
5. о плюрализме СМИ, которые представляют единую индустрию иллюзорного сознания, контролируемую рекламодателями.

Для политических мифов характерны следующие специфические особенности:

- они не появляются спонтанно, а создаются искусственно, сознательно и целенаправленно;
- основу их составляют осознанные и культивируемые политиками коллективные чаяния и надежды, усвоенные массовым сознанием;
- в них соединяются два разнородных качества: трезвый расчет и фанатичная вера, позволяющие политикам освободить себя от всех моральных преград;
- они не поддаются разрушению с помощью рациональных аргументов и потому вполне правомерна их оценка как ненаучного знания. Политические мифы в лучшем случае – полуправда;
- для них характерна непосредственная связь с политической реальностью, они призваны оправдать тот или иной ход событий, обеспечивать абсолютную уверенность людей в правоте осуществляемых политических акций;
- политические мифы появляются значительно позже мифов художественных, что обусловлено более поздним созданием политических структур и социальной дифференциацией [6]. (Последний тезис далек от самоочевидности, а потому не полностью разделяется нами).

Политическим мифам присуще также определенное противоречие. С одной стороны, они обладают особой устойчивостью, в основе которой находятся:

- а) взаимообусловленность мифа и массового сознания, ибо миф творится и поддерживается массовым сознанием, массовое сознание опирается на миф;

- б) живучесть элементов изначального сознания, которое оказывает значительное влияние на характер восприятия мифа и поведение;

- в) заинтересованность людей в политике и неспособность к обнаружению ее мифологического характера;

- г) осознание возможности находить смысл собственной жизни с помощью мифа.

С другой стороны, политические мифы весьма динамичны. Они могут исчезать и воспроизводиться вновь в зависимости от соответствующих потребностей.

Кроме того, в политическом манипулировании первостепенное внимание уделяется ценностному подчинению. Это – регулирование ценностей, когда в зависимости от обстоятельств в центр политики выдвигают «прагматические» или «гуманистические» мотивы: идеализация ценностей, отнесение их к будущему, потенциальному бытию; абсолютизация ценностей, апеллирование к таким добродетелям, которые выдаются за вечные и неизменные, пишутся с большой буквы и могут использоваться в разных сочетаниях: Свобода, Равенство, Справедливость, Патриотизм, Демократия, Мир и т.д. Тактика манипулирования не обходится без *ценностного ориентирования интересов* в соответствии с установленным критерием образа и качества жизни. Используется и *ценностное камуфлирование*. Важным является и *ценностное ограничение и самоограничение интересов*, предлагающее людям во имя национального возрождения, величия страны, ее радикального обновления и т.д. откладывать удовлетворение своих требований, т.е. политика «защитивания поясов». Этому служит и прием *«сваливания вины на других»*. Поиски «козлов отпущения» приводят к «пережиткам капитализма», «родимым пятнам» и т.д., к выявлению «вредителей», «ренегатов» и пр. [7].

Манипулирование предполагает и *ценностное оправдание принудительного воздействия* и *маскировку видов принуждения*. Тоталитарные режимы широко использовали террор и репрессии, но и они были вынуждены прибегать к их оправданию и маски-

ровке.

Исследуя различные формы и методы современного манипулирования, американский ученый Р.Гудин выделяет две главные модели манипулирования – «психологическую» и «рациональную» [8]. Основной характеристикой первой является использование автоматической реакции индивида на те или иные психологические стимулы. Сущность манипулирования заключается в данном случае в выборе наиболее подходящих стимулов для приведения в действие именно тех психологических механизмов, которые способны вызвать желаемую для манипулятора реакцию. При таком подходе человек рассматривается как простой поведенческий механизм, действующий по принципу стимул-реакция.

В «рациональной» модели манипулирование осуществляется не через использование психологических мотивов, а посредством обмана и вероломства. Среди форм манипулирования, относимых к этой модели, английский исследователь пропаганды Ф.М.Тэйлор выделяет следующие:

- сокращение количества доступной для рядового гражданина информации;

- использование пропаганды, т.е. предоставление гражданам отчасти верной, но тенденциозной информации;

- использование секретности, т.е. преднамеренное утаивание информации, которая способна подорвать официальный политический курс;

- информационная перегрузка, т.е. сознательное предоставление чрезмерной информации с целью лишить рядового гражданина возможности адекватно усвоить и верно оценить ее. Смысл такого подхода состоит в затруднении для индивидов фактического доступа к информации, что заставляет их полагаться на ее официальную интерпретацию [9].

Политика обмана имеет свои законы. Во-первых, ложь обычно определенным образом дозируется и не переходит некоторых пределов, чтобы сохранить видимость правдоподобности. Во-вторых, политик должен хорошо знать, что ожидает от него аудитория. Тот факт, что истина выступает порой в менее привлекательной форме, чем фикция, создает для политика определенную почву для маневрирования. Задача политика в этом смысле состоит в поисках выгодных для него иллюзий, на которых он может «сыграть». Третьей составляющей политики манипулирования

является так называемая «логика коллективного действия», т.е. определенная солидарность политиков, основывающаяся на понимании того психологического явления, что общественность теряет доверие ко всей группе политиков, если раскрывается обман одного из ее членов.

Американский институт анализа пропаганды, обобщая практику мировой журналистики, приводит следующие приемы, обладающие, по мнению специалистов, внушительной эффективностью [10]:

1. «Наклейка ярлыков» («присвоение кличек») – наделение личности или идеи уничижительной, оскорбительной или смешной кличкой, эпитетом, подрывающими их авторитет.

2. «Рекомендация («свидетельство»)» – использование для усиления эффекта и внушения популярности кандидата или предвыборного блока имен сочувствующих им известных артистов, ученых, спортсменов и прочих знаменитостей.

3. «Перенос» – идентификация качеств и свойств какого-либо лица или политической идеи с качествами и свойствами известных и авторитетных лиц или идей, т.е. оценка по ассоциации.

4. «Простые люди» («свои ребята») – идентификация интересов информатора или агитатора с интересами и чаяниями простых людей, молчаливого большинства нации, «соли земли» и т.п.

5. «Подтасовка карт» – откровенная фальсификация или искажение действительных фактов с помощью приемов, незаметных для масс.

6. «Блестящая посредственность» («наведение румян») – оперирование привычными, банальными истинами, хорошо известными всем, но вместе с тем достаточно абстрактными для обывателя, над содержанием которых последний обычно не задумывается.

7. «Общий вагон» («вместе со всеми») – нагнетание желаемой реакции на агитацию внушением мысли о ее общепризнанности и разумности («все так думают», «все так поступают», «и это правильно»).

Однако тактика навязывания ценностей обратно пропорциональна приверженности людей своим убеждениям.

Огромную роль в манипулировании играют средства массовой информации. Но существуют пределы манипулирования. Препятствиями здесь являются опыт людей, не-

подконтрольные власти напрямую системы коммуникации, такие как семья, друзья, знакомые, группы, значимые для индивида и его практической деятельности. Однако защитные механизмы против манипулирования ослабевают, когда речь идет о новой проблематике, где нет устоявшегося мнения.

Определенным препятствием, сдерживающим манипулирование, является разделение властей и принцип демократической организации средств массовой информации, что подразумевает наличие трех форм организации СМИ: частной, государственной и общественно-правовой при наличии контроля со стороны парламента, правительства или общественных советов.

Таким образом, существование обозначенного выше феномена «некритичности» массового сознания открывает широкую возможность применения различных манипулятивных действий и представляет собой реальную угрозу дестабилизации общественно-политической ситуации. Ее преодоление требует совершенствования идейно-психологического воздействия на массовое сознание, «основанного на признании прав каждого, где главным фактором самоидентификации общества является ответственность» [11]. Одним из таких социально-ответственных методов коммуникативного взаимодействия представляют собой *информационные технологии социального партнерства*.

Интересным представляется опыт США, который одним из первых использовал возможности информационных технологий социального партнерства. В 1967 г. Сенатом США был издан «Акт о возможностях, национальных целях и приоритетах». Этот документ содержал требования подготовки ежегодного социального доклада президенту, формирования при президенте группы советников по социальным вопросам и создания комитета конгресса США по социальной информации. Примечательно, что наблюдению здесь подлежала сфера образа жизни. При этом целью являлось формирование целостной репрезентации текущего взаимодействия социальных групп. Показатели этого рода были объединены в официальную общегосударственную систему «Социальные показатели». На ее создание ушло более 10 лет (1962–1973). Итогом приложенных усилий стал образованный в 1972 г. комитет по оцениванию перспектив последствий нововведений (ОТА) при конгрессе США [12].

Это была первая попытка создания *системы перспективной социальной информации*, позволяющей объективно и оперативно анализировать и прогнозировать процессы социального взаимодействия. Формирование эффективных партнерских отношений между государством и обществом представляет собой важнейший элемент доверия к государственным органам управления как фактора успешного развития страны.

Характерно, что другой целью подобных действий является контроль в области информационной безопасности страны. Так, в последние десятилетия в число основных целей национальной безопасности США, кроме защиты народа и территории, входит *защита образа жизни*. По мнению российского ученого И.Панарина, система «Социальные показатели» позволила военно-политическому руководству США оперативно реагировать на возникающие проблемы в «социальном самочувствии нации», фиксировать источники негативных внешних и внутренних информационно-психологических воздействий и эффективно их нейтрализовать [13].

В настоящее время, по мнению некоторых политологов, социально-политическая ситуация в Республике Казахстан носит достаточно устойчивый характер [14]. Более того, имеет положительную тенденцию дальнейшей ее стабилизации. Об этом, в частности, свидетельствуют замеры общественных настроений, регулярно проводимых Министерством культуры, информации и общественного согласия, по результатам которых видно, что динамика социальной напряженности в Казахстане за прошедший год заметно выправилась. В первую очередь это связано с выплатами задолженностей по пенсиям и заработной плате работникам бюджетной сферы и регулярной их выдаче, снижением темпов инфляции и роста цен, а также реанимацией некоторых остановленных ранее предприятий [15]. В то же время наличие ряда факторов, связанных с проводимыми экономическими и политическими реформами, многоаспектностью процессов трансформации общества и сложностью этнического состава, не позволяет отнести ка-

захстанское общество к разряду стран с высокими показателями внутривнутриполитической стабильности.

Сложившаяся противоречивая ситуация может указывать на достаточно высокий уровень коммуникативной уязвимости Казахстана, снова актуализируя проблему формирования и утверждения новой казахстанской идеологии, которая, по нашему мнению, должна представлять собой в первую очередь систему *ценностных ориентиров, сохраняющих преемственность общественной жизни*.

Первые шаги к интеграции казахстанского общества вокруг единых целей, идеалов и принципов уже были сделаны: это, во-первых, уяснение основных государственных приоритетов Республики Казахстан, осуществленное в Программе – 2030, а также пять принципов национальной идеи, выдвинутые Президентом РК в январе 2001 года. Подобные шаги особенно важны, так как позволяют обрести стабильные ориентиры для дальнейшего движения. Но в то же время сплочение народа вокруг обозначенных идей возможно лишь при условии растущего доверия к государству, что в свою очередь обуславливается экономическим и правовым развитием, укреплением традиций взаимного уважения в отношениях государства и его граждан. А потому национальная идея может быть реально сильна только тогда, когда будет подкреплена реальным и успешным открытым функционированием основных государственных институтов.

Таким образом, направление коммуникативных стратегий на современном этапе развития Казахстана заключается, на наш взгляд, в комплексном развитии взвешенного, социально-ответственного процесса взаимодействия государства и общества. Причем процесс этот в свою очередь необходимо строить на основе соблюдения принципов идеологического плюрализма и верховенства закона. Что касается коммуникативных стратегий социального партнерства, то они призваны соблюдать баланс системы всех общественных институтов, обеспечивающих эффективное функционирование государственного механизма.

Литература:

1. См.: Внешняя политика США: специфика и тенденции // США – Канада 2000. – № 4; Крысько В.М. Методы ведения информационной войны. – Минск, 1999; Political propaganda in Great Britain. – Oxford press, 1999.
2. См.: Политическое консультирование. – М., Центр политического консультирования «Никколо М», 1999; Лызов В.Е. Методика предвыборной работы с кандидатами на выборные должности в России.

- М., «Циркон», 1998.
3. Разворотнева С.В. Язык власти, власть языка (анализ исследований политической коммуникации в Америке) // Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара, Издательский Дом «Бахрах», 1999.
 4. См.: Там же.
 5. Шиллер Т. Манипуляторы сознанием. – М., 1980.
 6. Коммуникативные стратегии на пороге XXI века (материалы международной конференции) // Вестник МГУ. Серия 18, 1999. – № 3.
 7. Иконова О.Б. Социальные технологии партнерства // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 2000. – № 4.
 8. Philip M. Taylor. British propaganda in XX-th century. Selling democracy. – Edinburgh, Edinburgh University Press, 1999.
 9. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. – Л., 1991.
 10. Там же, – С. 21.
 11. www.rtnews.com/lewees_#3/
 12. Панарин И. Усиление роли информационных факторов в системе обеспечения национальной безопасности России // Власть. 1998. – № 1.
 13. Там же.
 14. Шауенов Е. Политическая стабилизация в переходном обществе (опыт стран третьей волны демократизации и посткоммунистического транзита) // Саясат – policy, – № 12 (67), 2000.
 15. Телебаев Г.Т. Социально-политическая безопасность страны: тенденции и прогнозы // www.kisi.kz

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (по результатам социологического исследования)

Шаймерденов Е.Ш., Шаукенова З.К., Ракишева Б.И.

Социальная база развития государственного языка значительно расширилась за период с 1997 по 2000 годы. Это показывают результаты социологического исследования «Языковая ситуация в Республике Казахстан», проведенного в апреле-мае 2000 года (выборка репрезентативная, 2000 респондентов, опрошенных во всех регионах страны) Институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» совместно с Департаментом по развитию языков МКИ-ОС Республики Казахстан. Данное исследование показало устойчивую динамику в расширении применения государственного языка во всех сферах жизни общества: 73,7% респондентов считают, что применение государственного языка расширилось в сфере образования и науки; 78,3% опрошенных утвердительно ответили на вопрос о расширении применения казахского языка в СМИ (радио, телевидение, печать); 71,7% опрошенных считают, что значительное расширение применения государственного языка произошло в органах государственной власти и управления.

Изучению уровня знания и использования государственного языка государственными служащими в их профессиональной деятельности посвящено специальное социологическое исследование, проведенное Институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» совместно с Департаментом по развитию языков МКИОС Республики Казахстан в декабре 2000 г.

Методика исследования. Исследование проводилось методом анкетирования респондентов в присутствии интервьюера. Продолжительность анкетирования 30–35 мин.

Выборка исследования. Выборка представляет собой двухступенчатую структуру, где по 1-ой ступени учитывался территориальный принцип отбора, по 2-ой квотный принцип, на основе категорий государственных служащих (А, В, С, Д, Е), национальности и пола. Объем выборки составил 1200 респондентов, отобранных согласно пропорциональной представленности государственных служащих во всех обла-

стях Республики Казахстан и городах Астана, Алматы.

Данное исследование позволяет в полном объеме получить информацию о языковой ситуации в сфере государственного управления.

В данной статье изложены отдельные результаты социологического исследования «Языковая ситуация в сфере государственного управления Республики Казахстан». Среди поставленных в данном исследовании задач были следующие:

- определение уровня знания и применения государственного языка государственными служащими в профессиональной деятельности (делопроизводство, составление документации, деловые переговоры, переписка, разработка законопроектов и других государственных актов);
- определение степени использования государственного языка государственными служащими в повседневной жизни (общение среди близких и родственников).

Язык общения на работе

Как показывают результаты проведенного социологического исследования, с коллегами по работе государственные служащие разговаривают чаще всего на русском языке (75,4%). В общении с коллегами казахский язык используется 21,9% опрошенных (См.: Табл. 1).

Казахский язык является средством общения с коллегами для 51,0% респондентов южного и 25,5% западного регионов.

Таблица 1. На каком языке вы чаще всего разговариваете с коллегами на работе? (%)

	%
Казахский язык	21,9
Русский язык	75,4
Казахский и русский языки	2,7

Трудности из-за незнания государственного языка

Более половины опрошенных госслужащих (66,1%) ответили, что не испытыва-

ют трудностей из-за незнания государственного языка при выполнении служебных обязанностей. Вместе с тем, 18,3% ответили на данный вопрос утвердительно и 15,6% сказали, что иногда испытывают в своей работе трудности из-за незнания казахского языка (Таблица 2).

Таблица 2. Испытываете ли Вы трудности из-за незнания государственного языка при выполнении служебных обязанностей? (%)

	В деловой переписке	В общении с коллегами	В общении с руководством	При работе с документацией	При получении информации	В работе с гражданами	При чтении профессиональной литературы	В переговорах	Средняя величина
да	29,5	7,8	6,6	28,2	16,2	13,7	27,4	17,1	18,3
нет	51,5	83,0	82,5	52,8	66,8	68,8	59,2	64,0	66,1
иногда	19,0	9,2	10,9	19,0	17,0	17,5	13,4	18,9	15,6

Из Табл. 2 видно, что в меньшей степени госслужащие испытывают трудности из-за незнания государственного языка в коммуникативной сфере (общении с коллегами, руководством, при переговорах, ведении приемов граждан), однако при работе с документацией, переписке, чтении профессиональной литературы эти трудности являются для них достаточно ощутимыми. О наличии трудностей в данных ситуациях сказали 29,5%, 28,2%, 27,2% опрошенных соответственно.

Заметных различий по этническому и региональному признакам в ответах респондентов на вопрос о трудностях испытываемых ими из-за незнания государственного языка при выполнении служебных обязанностей нет (Табл. 3).

Таблица 3. Испытываете ли Вы трудности из-за незнания государственного языка при выполнении служебных обязанностей? (%)

	казахи	русские	другие
да	17,9	19,5	18,8
нет	67,8	64,4	59,3
иногда	14,3	16,1	21,9

Применение языков при выполнении служебных обязанностей

Согласно данным проведенного социологического исследования в органах государственной службы, по мнению 41,5% опрошенных госслужащих, сегодня в равной степени используются государственный и русский языки.

При этом, во всех пяти рассматриваемых нами сферах деятельности госслужащих в настоящее время происходит использование государственного языка. Больше всего при работе с документацией (48,0%), а также в деловой переписке (41,5%), в работе с гражданами (44,1%), в переговорах

(39,9%), при проведении совещаний (34,1%). Каждый десятый (10,1%) опрошенный сказал, что в работе используется казахский (4,7%) и в основном казахский (5,4%) язык.

Применение казахского языка госслужащими в работе

В целом на вопрос: «Что Вы лично делаете на государственном языке?» из перечисленного – составляете документы, отвечаете на запросы, ведете прием граждан, проводите совещания, выступаете на конференциях и встречах, работаете на компьютере – 26,5% госслужащих ответили утвердительно и 45,3% отрицательно. Перечисленные виды деятельности не входят в служебные обязанности 28,2% госслужащих, ответивших отрицательно на данный вопрос (См.: Табл. 4 на следующей странице).

В целом из 71,7% госслужащих, в чьи служебные обязанности в разной степени входят перечисленные виды деятельности, более трети (35,8%) выполняют их на государственном языке.

В большей степени респонденты ответили, что на государственном языке они ведут прием граждан (48,3%), отвечают на запросы (42,5%), составляют документы (41,2%).

В меньшей степени государственные служащие на своей работе используют государственный язык при проведении совещаний (24,6%), в выступлениях на конференциях, совещаниях (24,6%).

На государственном языке все виды работ – составление документов (39,3%) и

писем (41,3%), проведение (48,8%) и выступление (54,1%) на совещаниях, конференциях, прием граждан (72,1%) – в большей степени респонденты, исходя из их ответов, могут выполнять сами. В среднем это составляет 51,1%. Далее следует помощь переводчика (в среднем 23,8%). На третьем месте – помощь коллег (в среднем 16,8%).

Таблица 4. Что Вы лично делаете сами на государственном языке? (%)

	Составляю документы	Отвечаю на запросы	Веду прием граждан	Провожу совещания	Выступаю на совещаниях	Работаю на компьютере	Средняя величина
да	32,3	35,4	34,9	14,4	15,6	26,1	26,5
нет	47,0	46,3	37,1	42,3	45,7	53,6	45,3
Это не входит в мои обязанности	20,7	18,3	28,0	43,3	38,7	20,3	28,2

Только 6,1% (в среднем) и 2,2% (в среднем) опрошенных госслужащих сказали, что при выполнении определенных видов работ на государственном языке они пользуются словарями и компьютерными программами.

Язык общения руководителей в органах государственного управления

Большинство непосредственных руководителей (63,0%) респондентов чаще всего разговаривают на русском языке.

Треть из общего числа опрошенных респондентов (30,0%) ответили, что их непосредственные руководители чаще разговаривают на казахском языке. В большей степени (39,9%) такой ответ распространен среди респондентов казахской национальности (См.: Табл. 5).

Таблица 5. На каком языке чаще всего разговаривает Ваш непосредственный руководитель? (%)

	казахи	русские	другие	Средняя
На казахском языке	39,9	10,6	20,0	30,0
На русском языке	52,9	80,7	77,1	63,0
На казахском и русском языках	7,2	8,7	2,9	7,0

Больше на казахском языке говорят непосредственные руководители госслужащих, опрошенных на Юге нашей республики (60,3%), меньше всего – в северных регионах, т.е. на Севере (14,3%).

Оценка общественных функций государственного языка

По оценке большинства (62,7%) государственных служащих, принявших участие в опросе, в настоящее время казахский язык выполняет общественные функции не полностью, а частично. Полностью используется государственный язык в разных сферах по мнению 13,0% респондентов. 11,1%

респондентов считают, что казахский язык не является языком, обеспечивающим выполнение различных сфер деятельности. В большей степени, по мнению респондентов, государственный язык является языком законодательных актов (33,3%). Меньше всего он распространен при ведении статистической документации (24,2%).

Основные выводы

• Результаты проведенного социологического исследования показывают, что с коллегами по работе государственные служащие разговаривают чаще всего на русском языке (75,4%). На казахском языке с коллегами по работе говорят 21,9% госслужащих.

• Более половины госслужащих (66,1%) ответили, что не испытывают трудностей из-за незнания государственного языка при выполнении служебных обязанностей. Вместе с тем, 18,3% ответили на данный вопрос утвердительно и 15,6% сказали, что иногда испытывают в своей работе трудности из-за незнания казахского языка. Эти трудности являются для них достаточно ощутимыми при работе с документацией, переписке, чтении профессиональной литературы. О наличии трудностей в данных ситуациях указали 29,5%, 28,2%, 27,2% опрошенных соответственно.

• 41,5% госслужащих сказали, что в работе их организаций в равной степени используются казахский и русский языки: больше всего при работе с документацией (48,0%), а также в деловой переписке (41,5%), в работе с гражданами (44,1%), в переговорах (39,9%), при проведении совещаний (34,1%).

• В целом, более трети (35,8%) опрошенных выполняют различные виды работ на государственном языке. В большей степени на государственном языке они ведут прием граждан (48,3%), отвечают на запросы граждан (42,5%), составляют документы (41,2%). В меньшей степени госслужащие на своей работе используют государственный язык при проведении совещаний (24,6%) и выступлениях на конференциях, совещаниях (24,6%).

• Самостоятельная работа на государственном языке, исходя из ответов респондентов, составляет 51,1%. Далее следует

помощь переводчика (23,8%). На третьем месте – помощь коллег (16,8%).

• Большинство непосредственных руководителей (63,0%) респондентов чаще всего разговаривают на русском языке. Треть опрошенных (29,7%) ответили, что их непосредственные руководители чаще разговаривают на казахском языке.

В целом по оценке большинства (62,7%) государственных служащих, принявших участие в опросе, в настоящее время казахский язык выполняет общественные функции не полностью, а частично. В большей степени, по мнению респондентов, государственный язык является языком законодательных актов (33,3%). Меньше всего он распространен при ведении статистической документации (24,2%), в негосударственных СМИ (17,2%), как язык делового общения (14,6%).

Garnett Sh., Rahr A., Watanabe K. The new Central Asia. A Report to the Trilateral Commission: 54 (October). – New York, Paris, Tokyo: The Trilateral Commission, 2000. – 79 p.

В последнее время политическая литература о Казахстане и Центральной Азии продолжает пополняться. Мы уже писали о последних работах шведских и французских ученых о Казахстане – «Современные казахи» И.Сванберга (см. «Казахстан-Спектр» № 2, 2000) и «Казахстан» К.Пужоль (см. «Казахстан-Спектр» № 3–4, 2000). По-прежнему активна англосаксонская политология; в последние годы здесь появилась серия исследований, посвященных региону Центральной Азии, в том числе и Казахстану. Германия также не осталась в стороне от этого процесса. Немецкие политологи в последние годы достаточно активно изучают центральноазиатский регион.

Немецкая сторона внесла свой вклад в известные доклады так называемой Трехсторонней Комиссии, состоящей из представителей США, ЕС и Японии. 54-й доклад Комиссии за 2000 г. озаглавлен «Новая Центральная Азия: в поисках стабильности» и посвящен современной геополитике вокруг региона и ситуации внутри него к концу века. Авторами доклада являются известные политологи Ш.Гарнетт (США), А.Рар (ФРГ) и К.Ватанабе (Япония).

Основной мыслью авторов является идея о том, что через десять лет после распада СССР мир имеет дело с новой Центральной Азией. В статье отмечается, что в реальности возможности Запада в плане воздействия на внутренние процессы в регионе ограничены. Запад неизбежно столкнется с необходимостью сотрудничества в регионе с Россией, Китаем и некоторыми исламскими государствами. Угрозы для стабильности государств региона исходят из таких сфер как драматическое падение стандартов здравоохранения и образования, отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры, образование разнообразных религиозных и общественных организаций. Эти проблемы являются фундаментом для обострения таких проблем, принимающих уже международный характер, как терроризм и наркоторговля.

В качестве возможных путей для реализации интересов Запада авторы статьи называют сотрудничество с Россией, которое

подразумевает отказ от прежней стратегии, направленной на изоляцию или вытеснение Москвы из региона; поддержку идеи Центральноазиатского «круглого стола», т.е. диалога на высшем уровне между государствами региона и их соседями – КНР, Россией, Турцией и Ираном. В качестве ключевых государств региона авторы рассматривают Казахстан и Узбекистан, а судьба внутрирегионального диалога ставится во многом в зависимость от личных отношений между президентами двух республик – Н.Назарбаевым и И.Каримовым. В области энергетической политики Запад не должен, по мнению авторов, сосредотачиваться исключительно на известных маршрутах, а поддерживать российские и международные проекты, в том числе, те, которые могут связать регион с Восточной Азией. Таким образом, авторы исследования предлагают расширить понимание интересов Запада, т.е. США, ЕС и Японии в Центральной Азии до уровня поддержки стран региона общими усилиями международного сообщества, что в целом будет положительно влиять на стабильность региона и тем самым отвечать интересам международной стабильности и самого Запада.

Авторы затрагивают также вопросы геостратегической борьбы вокруг ресурсов Каспийского моря. В докладе отмечается, что администрация Клинтона считала своей важнейшей задачей обеспечить победу проекта трубопровода из Баку через Грузию на турецкий порт Джейхан. Важной составляющей американской политики было стремление помешать России восстановить ее контроль над Кавказом и Центральной Азией. Несмотря на большую заинтересованность в реализации проекта и лоббистскую деятельность американских и турецких дипломатов, этот проект все еще остается под большим вопросом. Руководимый корпорацией АМОКО международный концерн не готов еще признать проект Баку – Джейхан в качестве возможного для реализации. В качестве аргументации Белый Дом, убеждая американские нефтяные концерны поддержать этот проект, использует тезис, что это «важно для национальных интересов США и их стратегичес-

кой безопасности», как заявил министр энергетики Ричардсон. По мнению авторов, открытие весной 2000 года новых многообещающих месторождений в российской и казахстанской частях Каспийского моря повышает шансы для осуществления проекта Баку – Джейхан. При этом подчеркивается, что введение в строй новых мощностей для прокачки нефти с «гигантского по своим запасам месторождения» Тенгиз на Новороссийск является приоритетным для Казахстана и России.

Анализируя политику России, эксперты Трехсторонней Комиссии считают, что интеграция СНГ является ключевым пунктом новой внешней политики России. Территории (Украина, Узбекистан и Туркменистан), которые практически полностью отпали от СНГ, в настоящее время проявляют интерес к кооперации в рамках Содружества. ГУУАМ, который создавался в 1999 г. как противовес СНГ, на сегодняшний день полностью забыт. В Центральной Азии уже практически создан новый стратегический альянс против исламского экстремизма на базе Шанхайской пятёрки, который обещает быть эффективным и благосклонно воспринимается на Западе.

С приходом Путина к власти резко интенсифицировалась российская политика на Каспийском море. Кремль связал политику отдельных российских энергетических концернов на Каспии с государственной стратегией, которая заключается в предотвращении строительства альтернативных трубопроводов и базируется на решении полностью открыть российские трубопроводы для продукции других каспийских государств. Запад уже ясно выразил свое отношение к России, которое заключается в том, что ее желают видеть «европеизированной» страной. В то же время у Запада нет абсолютно никакого желания поддерживать великодержавные амбиции Москвы. В ближайшие годы начнется

вторая волна расширения НАТО на восток. Однако немецкие эксперты подчеркивают, что проведение единой европейской внешней и оборонной политики станет проблематичным, если Россия почувствует себя изолированной от общеевропейского процесса.

Большое внимание в докладе уделяется Стабилизационному пакту для Каспийского региона. Сущность так называемого Стабилизационного пакта, который предлагает ЕС и который будет в ближайшей перспективе поставлен на повестку российско-европейских отношений, заключается в трех элементах: 1) создание сети транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад как противовес существующим уже 200 лет путям Север-Юг; 2) укрепление демократии и рыночной экономики в новых независимых государствах; 3) переход от геополитики к экономической конкуренции. На этих условиях ЕС готов активно инвестировать в экономику стран Каспийского региона. При этом в ЕС отдают отчет, что такая политика вошла бы в противоречие с американской стратегией «двойного сдерживания» – против Ирана и России. К тому же ЕС желает смягчить стратегические последствия расширения НАТО на восток и превратить программу «Партнерство во имя мира» в стабилизационный инструмент и возможность для сотрудничества, а не конфронтации с Россией.

Данная работа представляет интерес, прежде всего благодаря своей «европейской» части. Глава, посвященная интересам и роли США в регионе, затрагивает достаточно известные вещи. Что касается политики и интересов Японии, то они, как это наглядно демонстрирует соответствующий раздел, пока еще относительно скромные.

Лаумулин М.Т.
кандидат исторических наук

SUMMARY

Article: «**Countries of Central Asia in the Modern World**»

Authors: **L.Fridman**, Prof. of the Institute of Countries of Asia and Africa under MSU named after M.Lomonosov, Doctor of economics, **M.Vidyasova**, Prof. of the Institute of Countries of Asia and Africa under MSU named after M.Lomonosov, Doctor of history

The article presents an estimation of economic parameters of the development of the countries of Central Asia and economic disproportions between the separate states of Central Asia that had been set up in the Soviet period as well as in the last ten years. The authors argue that the development of a real course in foreign and internal policy of the countries of Central Asia requires an objective estimation of their real opportunities, first of all that of quantitative characteristics of economic and military potential of these countries, therefore authors focus their attention on the analysis of the up-to-date economic situation of the countries of Central Asia.

Article: «**Central – Asian Economic Community: Turn to Urgent Problems**»

Authors: **N.Isingarlin**, The Chairman of Integration Committee of the States – Participants of Customs Union, Doctor of economics; **G.Kopbergenova**, Researcher of the Kazakh State National University named after Al-Farabi

The authors of the article analyze processes occurring in the Central – Asian Economic Community (CAEC), reasons of the crisis and the ways of its overcoming.

The basic problems impeding regional cooperation are the following:

- existence of areas and inclaves, belonging to another state in each of the state;
- aggravation of a geopolitical situation in the region, strengthening of the influence of various destructive external and internal forces posing threat to the security of the new states;
- aggravation of religious extremist phenomena etc.

Article: «**Foreign Economic Relations of the States of Central Asia and China: a Reality and Prospects**»

Author: **Ch.Satiev**, Researcher of Department of theoretical and applied politology of Almaty State University.

The author of the article considers some periods of relations between the Central Asian states and China. The author argues that economic cooperation is the material basis for deepening and strengthening of political relations between Central Asia and China. Trade, as the basic form of participation in the world economy plays a great role in foreign economic relations of the Central Asian states with foreign countries.

Article: «**In the Search of Cultural Model**»

Author: **T.Umbetaliyeva**, Research fellow of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The article examines the dynamics of social and cultural development of Kazakhstan. The attention is devoted to mechanism of reproduction. The author defines three conditional stages characterizing cultural images and opportunities of world outlook of individuals. The functioning of society in prospect was presupposed on the basis of these stages.

Article: **«Role of the ideological and political platforms in forming of the Party Systems in Kazakhstan»**

Author: **N. Abdygulova**, Researcher of Department of theoretical and applied politology of Almaty State University.

The process of political transformation in Kazakhstan has found expression in forming of the Party Systems in Kazakhstan. According to systemic approach, political parties and electoral system perform functions of bringing in demands and support in a political system, and role of the ideological and political platforms in forming of the Party Systems in Kazakhstan.

Article: **«The Local Self-Government in Republic of Kazakhstan: the contemporary condition and perspective of the development»**

Author: **K. Sharipbaev**, Researcher of Department of theoretical and applied politology of Almaty State University.

The Author has considered condition of forming of the Local Self-Government in Republic of Kazakhstan. And The Author has find out the factors that hold back of development of Local Self-Government.

The Author has proposed the some possible actions, that will promote to standing and development of the Local Self-Government, and will allow to normal function of it organs. The main condition of possibility of function of the Local Self-Government is the admitting to the Low of Republic of Kazakhstan
«About The Local Self-Government in Republic of Kazakhstan»

Article: **«The Economic and Social Context of the forming of middle class in Kazakhstan»**

Author: **G. Matayev**, politologist

The article considers such phenomena as social equilibrium, and it also deals with related problems of polarization of society in Kazakhstan. Criterion of analysis is income level of population.

The article shows The Economic and Social Context of the forming of middle class in Kazakhstan. And consequently there is a tendency toward weakening of middle class and its transformation into poor class.

Article: **«Contemporary System of International Relations: Analytical View»**

Author: **M. Syzdykov**, politologist

The article is devoted to contemporary situation established in international relations, which are being characterized by the main tendencies of global and regional scale: a transformation of existing system of international security, under which the USA tries to strengthen its dominating position in international affairs; increasing volume of confrontation between the USA and Russia, military and political antagonism between the USA and China; the increasing number of countries possessing nuclear weapons.

In the article, the author gives his assessment of the foreign policy of Kazakhstan. The author emphasizes, that Kazakhstan should adequately assess its own potential, geopolitical location, possibilities of its own foreign policy. The author marks that important principles of Kazakhstan foreign policy include multipolarity, strengthening global and regional security and development of regional cooperation.

Article: **«On the Idea of the United States of Europe»**

Authors: **Zh. Ibrashev**, Prof. of the Kazakh State National University named after Al-Farabi, Doctor of history, **A. Yensebayeva**, Post-graduate of the Kazakh State National University named after Al-Farbi

In the article there is discussed an idea of incorporated Europe. Authors discuss what political form of integrated Europe should accept, they consider it to be natural, as the countries of the European Union have created principles of common foreign and security policy alongside with the uniform market, uniform economy and currency system. The authors provide historical digression of the given idea.

Article: **«Xinjiang Yesterday and Today»**

Author: **K. Syroezhkin**, Professor, Doctor in Political Science

The author tried to reveal in details the dynamics of 45 years development of Xinjiang as one of the autonomous regions of PRC. The author gives readers a notion about the character and scales of ethnic, socio-economic, political changes, which have taken place in Xinjiang-Uighur autonomous region.

Article: **«European Union as a New Geopolitical Power: the Problems of European and International Security»**

Author: **M. Laumulin**, a First Secretary of the Embassy of the Republic of Kazakhstan to Germany, Candidate in History

The article analyses the issue of formulating the EU's new Unified External and Defense Policy. In this context the author covers such related to this problem questions as the reforming and modernization of Bundesver in Germany as a largest country-contributor to EU military force; the NATO-EU military cooperation including the different approaches of Germany and France towards the role of NATO in Europe; different strategic priorities of EU and USA. The author concludes that in spite of some obstacles there is a decision to put into practice the implementation of the process of creating European Unified External and Defense Policy.

Article: **«Regional Experience of Political Transition: Similarity and Distinction of the Models»**

Author: **M. Ashimbayev**, Head, Analytical Center of the Security Council of Kazakhstan; Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The article presents a comparative analysis of the scenarios of political transformation in the countries under the transitive period. The author has grouped the countries according to their geographical location as following: the states of Latin America, Southeast Asia, Central and East Europe, CIS. The author argues that all available scenarios of political transformation have, to a certain extent, common attributes and forms, but at the same time the process of democratization for the majority of the countries should bear individual character.

Article: **«Protest Behaviour in the Context of Modernized Relations of the Centre – Periphery»**

Authors: **R. Kadyrzhanov**, Head of the Department of political science and ethnosociology of the Institute of Philosophy and Politology, of the MES RK, Doctor of philosophy, **A. Amirova**, Post-graduate of the Institute of Philosophy and Politology, of the MES RK

The authors analyze the interrelation of social changes and protest behaviour of the population in the context of a diad centre – periphery in modernized community, giving up traditional life style and culture. This analysis is submitted in the works of E. Sheels, Sh. Eisenshtadt and other sociologists and politologists.

Article: **«Communicative Strategy as Object of the Political Analysis»**

Authors: **A. Dosymov**, Research Fellow of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, **M. Berniyazova**, Student of the Kazakh State National University named after Al-Farbi

The article presents a scientific analysis of communicative components of the political process. Special attention is paid to the research of the role and the importance as well as to the forms of realization of various communicative technologies. The great attention is focused on the issues of formation of new partnership relations between the state and society.

Article: «The State Language in the Sphere of State Administration»
(Results of sociological research)

Authors: Ye.Shaimerdenov, Head of the Department of Languages of the Ministry of Culture, Information and Public Consent of RK, Z.Shaukenova, Director of the Institute of Comparative Research, Candidat of psychology, B.Rakisheva, Deputy Director of the Institute of Comparative Research, a post-graduate of Euroasian University named after Gumilyov

The article shows some results of sociological research «Language situation in the sphere of state administration of the Republic of Kazakhstan».

The sociological survey was carried out on the following sections:

- language of communication at work;
- problems due to the ignorance of the state language;
- use of languages while on duty;
- use of Kazakh language by the civil servants in their work. According to the results of research the authors make the following conclusions:
- civil servants communicate more often in Russian 75,4 % with the colleagues and accordingly 21,9 % of them use Kazakh;
- more than half of the respondents have noted that they do not have problems in the work because of the ignorance of the state language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журнал Казахстан-Спектр
№ 2 (16), 2001

1. Абдыгулова Найла – соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии АГУ им. Абая
2. Амирова Анара Анарбековна – аспирант Института философии и политологии МОН РК
3. Ашимбаев Маулен Сагатханович – заведующий Аналитическим центром Совета безопасности РК, директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК
4. Берниязова Маржан – студентка КазГНУ им.Аль-Фараби
5. Видясова Мария Федоровна – профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор исторических наук
6. Досымов Адиль Сейтказинович – научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК
7. Енсебаева Эльмира Темиргалиевна – аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики РК факультета международных отношений КазГНУ им. Аль-Фараби
8. Ибрашев Жарас Умарович – профессор, доктор исторических наук, КазГНУ им. Аль-Фараби
9. Исингарин Нигматжан Кабатаевич – доктор экономических наук
10. Кадыржанов Рустан Казакбаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом политологии и этносоциологии Института философии и политологии, Министерства образования и науки Республики Казахстан
11. Копбергенова Гульсара Бултыевна – соискатель КазГНУ им.Аль-Фараби
12. Лаумулин Мурат Турарович – первый секретарь Посольства Республики Казахстан в Федеративной Республике Германия, кандидат исторических наук
13. Матаев Габит Мустафаевич – политолог, кандидат социологических наук
14. Нуралиев Нурлан Серикович – политолог
15. Ракишева Ботагоз Ислямовна – заместитель директора Института сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ – Казахстан», аспирант Евразийского университета им. Л.Н.Гумилева
16. Сатиев Хамза Хамиевич. – соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии АГУ им. Абая
17. Сыздыков Марат Зеникенович – политолог
18. Сыроежкин Константин Львович – доктор политических наук, профессор
19. Умбеталиева Толганай Буденовна – ведущий научный сотрудник отдела внутренней политики Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
20. Фридман Леонид Абрамович – профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор экономических наук
21. Шаймерденов Ербол Шаймерденович – директор Департамента по развитию языков Министерства культуры, информации и общественного согласия РК
22. Шарипбаев Кайрат Каматаевич – соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии АГУ им. Абая
23. Шаукенова Зарема Каукеновна – директор Института сравнительных и социальных исследований «ЦЕССИ – Казахстан», кандидат психологических наук